

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2019

ТОМ 5

№ 19

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

19019 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявель Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Зарегистрирован Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство о регистра-
ции средства массовой информации
ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953

Подписной индекс 80303 в каталоге
«Газеты. Журналы» АОА «Роспечать»

Территория распространения: Российская
Федерация, зарубежные страны

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2019
© Журнал «Неофилология», 2019

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2019
Т. 5, № 19**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 263

РУССКИЙ ЯЗЫК

Белов В.А. Функции употребления синонимов в разных типах текста 265

Кушнер К.И. Стихия «вода» и ее лексическая репрезентация в поэзии В.А. Солоухина 275

Логачева Е.В. Диалектизмы в повести С.А. Есенина «Яр» 282

Лесников С.В. Концепция разработки и создания цифрового академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ) 293

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Матыцина М.С. Топосы как часть аргументационных схем и их роль в создании позитивного образа «себя» и негативного образа «другого» 306

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Редакторы:

Т. А. Сустина, М. И. Филатова
Редакторы английских текстов:
В. В. Клочихин, С. Ю. Можаров
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т. О. Прокофьевой
Администратор сайта Т. А. Сустина

Подписано в печать 23.07.2019
Выход в свет 19.09.2019
Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 20,5
Усл. печ. л. 19,07
Тираж 1000 экз.
Заказ № 19233
Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»

Оригинал-макет подготовлен
в объединенной редакции
научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета
в отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Для цитирования:

Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. 164 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19

Zakharova M.A., Iagodnitsena E.A. Interpretationspotenzial der deutschen Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält

315

ОНОМАСТИКА

Родина Н.А. Юмористические мотивы номинации российской военной техники

327

Недоступова Л.В. Диалектный мини-словарь одной языковой личности Воронежской области

337

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Тутатина Е.А. Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция

349

Новожилова Е.В. Индивидуализация в рецензии на поэтическую книгу

357

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В. Об особенностях функционирования предметной детали в произведениях И.А. Бунина

364

Кузьминых Е.О., Вязовская В.В. Пространственно-временная координаты художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить»

371

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Панов З. Устойчивые единицы в македонском и русском языках как лингвокультурные репрезентанты

381

Тулекова Г.Қ. Руханияттың мәнін насихаттау

388

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Колчанов В.В. Сквозь «мутную решетку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления»

398

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский. Служение святителя Феофана (Говорова) на Земле Тамбовской: Тамбовская епархия в 1859–1863 годах

413

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

419

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Derzhavin Tambov State
University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov
392000, Tambov Region, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova
(Tambov, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФC 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953

Subscription index in the catalogue
"Newspapers. Journals" of the Stock company
Agency "Rospechat" is 80303

Distribution territory: Russian Federation,
foreign countries

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov
State University", 2019
© The journal "Neophilology", 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2019 Vol. 5, No. 19

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia no. 21-p of February 12, 2019), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19

C O N T E N T S

RUSSIAN LANGUAGE

- Belov V.A.** The usage functions of synonyms in different types of text 265
- Kushnir K.I.** The element "water" and its lexical representation in the poetry of V.A. Soloukhin 275
- Logacheva E.V.** Dialectisms in the novella "The Ravine" by S.A. Yesenin 282
- Lesnikov S.V.** The concept of developing and creating a digital academic vocabulary corpus (AVC) of the Russian language (RL) 293

LANGUAGE STUDIES

- Matytcina M.S.** Topoi as part of the argumentation schemes and their role in creating a positive image of the "self" and a negative image of the "other" 306

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (In Russian); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (In English)

Editors:

T. A. Sustina, M. I. Filatova
English texts editors:
V. V. Klochikhin, S. Y. Mozharov
Computer layout
T. Y. Molchanova
Cover design
T. O. Prokofeva
Web-site administrator T. A. Sustina

Podpisano v pechat' 23.07.2019

Vykhod v svet 19.09.2019

Format A4 (60×84 1/8)

Garnitura «Times New Roman»

Pechat' na rizografe

Pech. l. 20,5

Usl. pech. l. 19,07

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 19233

Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE "Derzhavin Tambov State University"

Original-maket podgotovlen
v ob"yedinennoy redaktsii
nauchnykh zhurnalov

Otpechatano s gotovogo original-maketa
v otdel'e operativnoy pechati
Izdatel'skogo doma «Derzhavinskiy»
FGBOU VO «Tambovskiy gosudarstvennyy
universitet imeni G.R. Derzhavina».
392008, Tambovskaya obl.,
g. Tambov, ul. Sovetskaya, d. 190g.
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

For citation:

Neophilology. 2019. Vol. 5, no. 19. 164 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19

- Zakharova M.A., Iagodnitsena E.A.** Interpretive potential of German lexis with color definition in its structure 315

ONOMASTICS

- Rodina N.A.** Humorous motifs of Russian military equipment nomination 327
Nedostupova L.V. Dialect mini-dictionary of one linguistic person of the Voronezh Region 337

LITERATURE STUDIES

- Tutatina E.A.** Book title: pragmatics, poetics and evolution 349
Novozhilova E.V. Individualization in poetic book review 357

RUSSIAN LITERATURE

- Bugakova N.B., Popova Y.S., Sulemina O.V.** On features of subject detail functioning in the works of I.A. Bunin 364
Kuzminykh E.O., Vyazovskaya V.V. Spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook "To live further" 371

CROSSCULTURAL COMMUNICATIONS

- Panov Z.** Fixed units in Macedonian and Russian languages as a linguistic and cultural representatives 381
Tulekova G.Q. National culture meaning in spirituality development 388

CULTUROLOGY

- Kolchanov V.V.** Through "muddy grid": psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier's film "Forbrydelsens element" 398

CULTURAL HERITAGE

- Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Ras-skazovo.** The ministry of Saint Theophan (Govorov) on the Tambov Land: Tambov diocese in 1859–1863 413

- RULES FOR THE AUTHORS** 419

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-265-274
УДК 81'373

Функции употребления синонимов в разных типах текста

Вадим Алексеевич БЕЛОВ

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»
162600, Российская Федерация, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>, e-mail: belov.vadim.a@gmail.com

The usage functions of synonyms in different types of text

Vadim A. BELOV

Cherepovets State University
5 Lunacharskogo Ave., Cherepovets 162600, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>, e-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Аннотация. Целью настоящей работы является характеристика семантических свойств употребления синонимов в разных типах текста. В исследовании доказывается гипотеза, что синонимия по-разному реализует семантические свойства в различных типах и жанрах текста. Материалом исследования выступили текст романа А. Белого «Петербург» и публикации разных жанров, представленные в средствах массовой информации и Национальном корпусе русского языка. Результаты исследования показали, что употребление синонимов в художественном тексте коррелирует с особенностями нарративной и содержательной организации текста и формирует экспрессивное, идейное содержание текста. Синонимы в таких текстах создают связность и смысловую целостность текста. Для публицистических текстов характерно преобладание функции замещения, связанной с формированием связности текста. Однако в определенных публицистических жанрах употребление синонимов способно создавать сложное оценочное содержание текста. В жанрах научной и официально-деловой речи употребление синонимов ограничено, а основным приемом связности становится повтор одного и того же слова. При этом в некоторых жанрах этих типов речи используются синонимы, которые употребляются в функции замещения для создания связности. На основе анализа результатов исследования доказано, что в соответствии с коммуникативной стратегией жанра языковая личность может реализовать разные модели синонимии. Наиболее сложная и вариативная модель реализуется в художественных текстах, где семантически близкими становится большое количество слов, связанных семантическими и ассоциативными связями. В научных и официально-деловых текстах представлена коммуникативная стратегия, ориентированная на точность изложения, поэтому употребление синонимов ограничено.

Ключевые слова: лексическая семантика; лексикология; синонимия; функции употребления синонимов; коммуникативная стратегия; тип текста; жанр

Для цитирования: Белов В.А. Функции употребления синонимов в разных типах текста // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 265-274. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-265-274

Abstract. The purpose of this study is to characterize semantic features of synonyms usage in different types of text. We prove the hypothesis that synonymy differently implements semantic features in various types and genres of text. Our study is based on the text of the novel by A. Bely "Petersburg" and publications of various genres presented in mass media and in the Russian National Corpus. Results of the study show that the synonyms usage in the artistic text correlates with the peculiarities of the narrative and substantial organization of the text and forms the expressive, ideological content of the text. Synonyms in such texts create connectivity and semantic integrity

of the text. Publicistic texts characterized by the predominance of substitution function connected with the development of text coherence. However, in certain publicistic genres, synonyms usage is capable of creating complex evaluative content of the text. In the scientific and official speech genres synonyms usage is limited, and the main method of coherence is the repetition of the same word. In some genres of these types of speech there are synonyms which are used in the substitution function to create coherence. Based on the analysis of the study results, we prove that in accordance with the communicative strategy of the genre, the linguistic personality can implement different models of synonymy. The most complex and variable model is implemented in artistic texts, where a large number of words connected by semantic and associative links become semantically close. In scientific and official texts there is a communicative strategy focused on accuracy of presentation, therefore, the use of synonyms is limited.

Keywords: lexical semantics; lexicology; synonymy; usage functions of synonyms; communicative strategy; type of text; genre

For citation: Belov V.A. Funktsii upotrebleniya sinonimov v raznykh tipakh teksta [The usage functions of synonyms in different types of text]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 265-274. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-265-274 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В рамках системоцентрического подхода к описанию синонимии существует разграничение словарной (языковой) и контекстуальной (ситуативной) синонимии. Данное различие основывается на разных принципах выделения синонимов. Для словарных синонимов характерен семантический анализ, предполагающий работу с абстрагированным от текста значением; напротив, контекстуальные синонимы выделяются на основе контекстуального сближения слов.

Современный (антропоцентрический, когнитивный) подход предполагает обращение к контекстуальным свойствам синонимов в аспекте языковой личности, что позволяет расширить традиционные рамки языковой синонимии: «Использование когнитивных методов позволяет интерпретировать нестандартные употребления не как ошибки, а как специфические операции над знаниями» [1, с. 18]. Антропоцентризм в изучении синонимии проявляется в учете коммуникативных стратегий говорящего [2].

В настоящей работе рассматриваются свойства синонимов в разных типах текста, и доказывается гипотеза, что синонимы по-разному реализуют семантические свойства в различных типах и жанрах текста. Материалом исследования выступили текст романа А. Белого «Петербург» и публикации разных жанров, представленные в средствах массовой информации и Национальном корпусе русского языка. Из рассмотрения в данном ис-

следовании исключены разговорные тексты, так как они требуют отдельного изучения.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Многообразие определений синонимии можно свести к нескольким ключевым подходам (подробно об этих подходах см. [3]). В соответствии с ними синонимами становятся:

- слова, обозначающие одно явление действительности;
- слова с тождественным и /или близким значением;
- слова, способные заменять друг друга в высказывании.

Далее будет показано, что тот или иной подход в большей мере актуален в определенных типах текста. Проблема употребления синонимов в тексте неоднократно становилась предметом научных исследований. В частности, установлено, что за счет активного использования синонимов и слов одного семантического поля в тексте формируется связность между соседними предложениями и текстовыми фрагментами, что неоднократно отмечалось в научной литературе [4–11].

В соответствии с коммуникативной стратегией языковая личность может прибегать к дополнительной детализации, поэтому в тексте активно используются синонимы; данный механизм подробно описан в работах [8; 12]. Напротив, в некоторых ситуациях носителю языка не требуется детализация.

Вариативность выбора языковых средств зависит от коммуникативной стратегии и жанра речи (текста) [13], что связаны с тем,

что речевые жанры имеют различные коммуникативные стратегии [14]. Наименьшей вариативностью обладают жесткие типы текста – официально-деловые и научные тексты [15], соответственно, в таких текстах синонимические средства используются ограниченно. При этом среди данных текстов могут быть отдельные жанры, допускающие определенную степень свободы (см. [16]). Отмечается, что синонимия входит в число важных жанрообразующих признаков [2]. Наиболее сложные синонимические отношения формируются в художественном тексте [8; 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Художественный текст

Художественный текст в отличие от жестких типов речи обладает широкими возможностями для формирования семантических связей: синонимы не только реализуют связность текста, но и выполняют эстетическую функцию: сформированные в тексте синонимические связи оказываются концептуально значимыми для текста: «Радиус действия синонимов «прочерчивается» с разной степенью отчетливости. Синонимический повтор, синонимические сети нередко оказываются столь заметны в тексте, что воспринимаются как ведущая составляющая его лексической структуры» [8, с. 299].

Покажем это на примере употребления слова *письмо* и его синонимов в тексте романа А. Белого «Петербург» [18]. В тексте выстраивается такой синонимический ряд *письмо* (слово употребляется в тексте 39 раз), *записка* (8 употреблений), *конверт* (11 употреблений), *конвертик* (5 употреблений), *письмецо* (17 употреблений), *записочка* (1 употребление).

Слова, входящие в ряд, не являются словарными синонимами: в современном словаре под редакцией Л.Г. Бабенко представлены всего два синонима *письмо* – *послание* [19, с. 208]; в словаре З.Е. Александровой, который отличается наиболее широкими синонимическими рядами, представлены слова *письмо*, *послание* (ирон.), *письмецо* (разг.), *цидулка* (шутл.), *писулька* (пренебр.), *грамота* (устар.), *эпистола* (шутл., ирон.), *грамотка* (устар., прост.) [20, с. 329].

В романе выделена отдельная глава «Письмо» (IV глава) со следующим повествованием (1). В целом эти слова представлены в других главах.

(1) *Николай Аполлонович, пораженный письмом, пробежал за четверть часа до сенатора мимо веселого контреданса. Как он вышел из дома, он совершенно не помнил.*

<...> так же естественно закопался в карманах, вытащил мятый конвертик, перечитывал снова и снова содержание записки, стараясь в ней отыскать след простой шутки или след издевательства. Но следов того и другого не мог отыскать он...

С самого рокового момента, как какая-то дама подала ему смятый конвертик <...> Николай Аполлонович опять принялся за записочку [18, с. 181-182].

Выбор того или иного наименования в этом тексте прежде всего зависит от точки зрения нарратора. Синоним *письмо* использует повествователь, абстрактный/имплицитный нарратор [21]. Повествованию имплицитного нарратора чаще всего свойственно нейтральность и безличность. Это наиболее нейтральное наименование, которое обладает наиболее широким значением, что позволяет именовать предмет с внешней точки зрения (без эмоционально-оценочного восприятия). Данный анализ показывает, что важнейшим параметром является точка зрения, которая является центральным понятием в современной нарративной теории [21–23].

Синоним *письмецо*, выражающий оценку, используется преимущественно в речи персонажей. Наименование представлено в прямой речи незнакомца в разговоре с Липпанченко (см. фрагмент (2) из главы «При этом лицо его лоснилось», I глава) и несобственно-прямой речи Липпанченко (см. фрагмент (3) из главы «Откровение», VI глава).

(2) *Тут толстяк наклонившись зашептал что-то на ухо моему незнакомцу:*

<...>

– «С Аблеуховым?..»

– «Да, не с сенатором, а с сенаторским сыном: коли будете у него, так уж, сделайте милость, ему передайте заодно с узелком – это вот письмецо: тут вот...» [18, с. 41].

(3) *Александр Иванович вспомнил: письмецо, письмецо! Сам-то он ведь должен был передать письмецо – по поручению не-*

кой особы: передать Аблеухову. Как он все позабыл! Письмецо то вот и могло оказаться **письмецом** роковым. Нет, да нет! [18, с. 260].

Наименование *записка* чаще используется для передачи эмоционального состояния персонажа, в несобственно-прямой речи. Данное слово обладает большим оценочным потенциалом, с одной стороны, но предполагает краткость, нераспространенность содержания (также указывает неличность содержания письма), с другой стороны. Анализ словарных толкований (см. ниже) показывает, что записка в большей степени связана с содержанием послания, а письмо с конвертом больше характеризует послание с внешней стороны. Так, в высказывании (4) из Национального корпуса русского языка показывается, что записка может являться частью письма (которое также может иметь и конверт). При этом слово *конверт* еще в наименьшей степени связано с содержанием письма.

Записка. 1. Листок бумаги, содержащий короткое письмо, вопрос, объявление и т. п. 2. Краткое письменное изложение какого-л. дела, сообщение о чем-л. в официальной форме. 3. мн. ч. (записки, -сок). 4. мн. ч. (записки, -сок). В составе названий некоторых научных изданий [24, т. 1, с. 556].

Письмо. 1. только ед. ч. Умение, навыки писать (в 1 знач.), а также само писание. Искусство письма. Различные способы письма. 2. только ед. ч. Система графических знаков, употребляемых для писания; письменность. || Внешний вид чего-либо написанного, почерк. 3. Бумага с написанным текстом, посылаемая кому-либо для сообщения чего-либо, для общения с кем-либо на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление [24, т. 3, с. 127].

(4) *Держа перед глазами записку из письма ее отца, короля Черногорского, Великая Княгиня просила меня внимательно выслушать пожелания ее родителя и передать их Государю* [НКРЯ: Коковцов В.Н., 1933].

Синонимы в анализируемом тексте противопоставляются по отношению к содержанию послания: синоним *записка*, прежде всего, ассоциируется с «ужасным» содержанием послания (в котором Николая Аблеухова за-

ставляют убить отца), а выбор синонимов *письмо* и *конверт* акцентирует внимание на процессе передачи послания, без отсылки к содержанию. Скорее всего, именно эта особенность приводит к непониманию Николая Аблеухова и Липпанченко в следующем диалоге (5), представленном в главке «Откровение» VI главы. Отметим, что содержание записки произвело на персонажа сильное, болезненное впечатление, а Липпанченко не читал это письмо.

(5) «*Слушайте*», – перебил Александр Иванович, – «вы скажите-ка лучше мне вот что: **письмецо** то вы чрез Варвару Евграфовну Соловьеву, небось, получили?..»

– «**Письмо...**»

– «Да не то, не **записочку: письмо**, шедшее чрез Варвару Евграфовну...»

– «Ах, про стихи эти с подписью «Пламенная Душа?»»

– «Да уж я там не знаю: словом, шедшее чрез Варвару Евграфовну...»

– «Получил, получил... Нет – вот я говорю, что вот «ноль минус нечто»... Что это?» [18, с. 262].

Наконец, во фрагменте (6) из главки «Ну, а если?» IV главы представлена сложная сеть синонимических замен (*конвертик*, *конверт*, *записка*, *письмо*). В представленном фрагменте достаточно четко прослеживается противостояние синонимов *конверт* (как внешней характеристики) и *записка* (как содержательной характеристики). В первом предложении Софья Лихутина размышляет о послании без знания его содержания, а во втором предложении – она вспоминает «ужасное» содержание и поэтому используется синоним *записка*.

(6) *Перед ней впервые предстала ее страшная месь: мятый конвертик теперь перешел к нему в руки, Софья Петровна Лихутина едва понимала, что сделала; Софья Петровна не поняла, что вчера в мятом конверте прочитала она. А теперь содержание ужасной записки предстало ей с ясностью: **письмо** Николая Аполлоновича приглашало бросить какую-то бомбу с часовым механизмом, которая, будто бы, у него лежала в столе; эту бомбу, судя по намеку, ему предлагали бросить в сенатора (Аполлона Аполлоновича все называли сенатором)* [18, с. 168].

Таким образом, выбор синонимов в художественном тексте связывается с широким кругом вопросов, касающихся нарративной и содержательной организации текста, такими, как организация повествования, реализация в тексте точек зрения нарраторов и персонажей. Синонимы формируют экспрессивное и эмоциональное начало за счет совместного употребления синонимов, которое приводит к усилению коннотативных компонентов значения: «Синонимы дают возможность максимально реализовать в тексте эмоциональное начало» [8, с. 283].

Употребление синонимов в художественном тексте, формируя поверхностную структуру текста и его связность, оказывается неразделимо связано с глубинной структурой текста, под которой З.Я. Тураева понимает «идейно-тематическое содержание текста, сложное переплетение отношений и характеров, в основе которых лежит художественный образ, это авторская интенция, прагматическая установка как один из доминирующих факторов» [25, с. 56-57]. В художественном тексте формируются широкие синонимические связи, поэтому здесь применимы разные подходы к синонимии. Во-первых, возможен подход к синонимии, основанный на близости значения слов; при этом степень семантической близости синонимов может быть ниже, чем в других жанрах: в художественном тексте словам достаточно отдаленной семантической близости, чтобы они выступали как синонимы. Во-вторых, распространен подход к синонимии, основанный на взаимозаменяемости слов, который приводит к расширению традиционных рамок синонимии. В-третьих, допустим подход, предполагающий обозначение одного предмета: наименования *письмо*, *конверт*, *записка* использовались для представления одного физического объекта – письма для Николая Аблеухова.

Публицистические тексты

Считается, что для публицистического текста характерно преобладание функции замещения, которая предполагает употребление для обозначения одного референта: «Пишущий (говорящий) использует синоним, чтобы избежать повторения слова, которое может свидетельствовать о бедности

словарного запаса, монотонности, однообразии речи, эстетической ущербности» [26, с. 513]. Эта функция, прежде всего, формирует связность текста и свойственна эквивалентным словам [7], поэтому в следующем фрагменте (7) из газеты «Коммерсантъ» используются синонимы *пилот* – *летчика*, которые семантически очень близки.

(7) *Как стало известно “Ъ”, наиболее вероятной причиной катастрофы самолета Epic LT в Германии, в которой погибли совладелица и председатель совета директоров S7 Group Наталья Филева, ее отец и перевозивший семью летчик, эксперты считают ошибку последнего. Пилот Андрей Дикун во время посадки, вероятно, снизил скорость машины до критической величины и допустил таким образом ее сваливание в плоский штопор. В этот момент летчик мгновенно потерял контроль над самолетом, а его полет, по сути, превратился в падение* [Газета «Коммерсантъ», 2019, № 57, 2 апр., с. 4].

Для подобных публицистических текстов основным критерием синонимии является возможность их взаимозаменяемости. Например, в приведенном тексте встречается синонимическая пара *самолет* – *машина*, которая в других текстах теряет семантическое сближение. В соответствии с другими подходами к синонимии эта пара является гиперонимической, а не синонимической (*машина* – слово более высокого уровня). В целом для конкретных существительных гипонимические замены распространены в публицистических текстах.

При таком типе синонимических замен, основанных на взаимозаменяемости в текстах, употребление синонимов может не нести сложного концептуального и идейного содержания; такие замены выполняют функцию замещения, обеспечивая поверхностную связность текста.

Однако в некоторых текстах публицистических жанров синонимы выполняют важную роль при формировании оценки текста: «Накопление синонимов в тексте служит средством выражения экспрессивной оценки, ведет к повышению эмоциональности» [27, с. 185].

К текстам со сложным оценочным и воздействующим содержанием относятся репортажи (которые часто похожи на художественное повествование), рубрики обозрева-

теля или редактора, очерк, рецензия и другие жанры (см. [28]). Сложные синонимические связи формируют в публикации о проблемах канализации из популярной интернет-газеты «Газета.ру». В тексте выстраивается ряд: *туалет, сортир, «ватерклозет»* (здесь и далее кавычки использованы автором статьи), *«выгребные ямы», «гаджеты», «ночные горшки», «удобства»*. Можно сказать, что наименование туалета в русском языке является отчасти табуированным, что приводит к отсутствию нейтральных синонимов и появлению стилистически сниженных синонимов, таких как *сортир, клозет, удобства*. Воздействующий эффект в этом тексте достигается за счет сочетания повествования о возвышенных государственных и политических проектах и одновременного употребления сниженных синонимов; см. фрагмент (8).

(8) *И сейчас, в 2019 году, после того, как мы сдали уникальный Крымский мост, смогли разбить исламистов в Сирии и до сих пор возим астронавтов на МКС (где система туалетов примерно такая, как была изобретена в СССР), централизованная канализация отсутствует у 66,5 % россиян, проживающих в сельской местности. Почти половина (48,1 %) семей в селах пользуются выгребными ямами, а 18,4 % сельчан не имеют канализации вообще.*

Отчего же до сих пор у нас нет национального проекта «Теплый сортир»? Неужели мы настолько не любим решать приземленные задачи улучшения бытия простых обывателей? Но разве не в этом заключается прогресс страны в целом?

Отчасти такой «мини-нацпроект» существует применительно к российским школам, которые, увы, тоже не на 100 % оснащены современными туалетами. В 2017 году таких, с «удобствами во дворе» было 3200 школ по всей стране. До конца текущего года не должно остаться ни одной такой школы. Если это случится, будет закрыта еще одна позорная страница нашей истории [Неизвестный, колонка «От редактора», «Газета.Ру», 2019].

В подобных текстах подход к синонимии, основанный на взаимозаменяемости, дополняется другими критериями. Для автора статьи (в соответствии с выбранной коммуникативной стратегией) необходимо актуа-

лизировать сложные смыслы и ассоциации, связанные с употребляемыми синонимами.

Научные и официально-деловые тексты

Научные тексты также неоднородны. Для определенных жанров (таких, как научная статья, монография, диссертация и др.) употребление синонимов ограничено, а основным приемом связности становится повтор одного и того же слова. Например, в высказывании (9) из научной статьи автор прибегает к повтору слова *проблема*, хотя у этого слова имеются синонимы: в словаре Л.Г. Бабенко оно входит в 2 ряда: (1) *трудность, затруднение, осложнение, проблема* и другие разговорные слова; (2) *вопрос, задача, материя, предмет, проблема, тема* [19, с. 230]. Однако автор здесь руководствуется коммуникативной стратегией, связанной с точностью и детализацией передачи информации, поэтому он использует критерий синонимии, основанный на тождественности значения слов. Имеющиеся в языке синонимы не устраивают автора из-за существующих между ними различий, которые не соответствуют выбранной коммуникативной стратегии.

(9) *Как известно, история науки состоит не столько из решенных проблем, сколько из проблем поставленных: сама готовность видеть проблему в той или иной особенности изучаемого объекта может сказать о настроении умов едва ли не больше, чем конкретные рецепты, предлагаемые для решения этой проблемы [Плунгян В.А., журнал «Семиотика и информатика», 1998].*

В научных и официально-деловых текстах употребляются термины, которые могут не иметь полноценных синонимов, способных заменить термины в таких текстах.

Так, в высказывании (10) из Правил дорожного движения повторяется наименование *транспортное средство*, несмотря на то, что в языке имеются синонимы: например, *автомобиль, автомобильное средство* и пр.

(10) *Если перед нерегулируемым пешеходным переходом остановилось или снизило скорость транспортное средство, то водители других транспортных средств, движущихся в том же направлении, также обязаны остановиться или снизить скорость [Правила дорожного движения, 2019].*

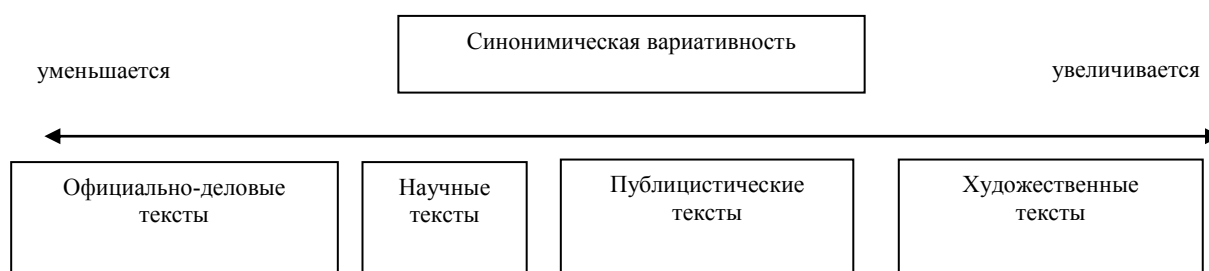

Рис. 1. Синонимическая вариативность в разных типах текста

Можно сказать, что в жестких текстах, где употребление синонимов ограничено, основным требованием к синонимам является тождество значения, а другие их свойства неактуальны для подобных коммуникативных стратегий.

В научно-популярных жанрах, которые сочетают научные и публицистические особенности, коммуникативная стратегия точности выражена слабее, что приводит к использованию синонимов. При этом синонимы могут иметь различия, но они оказываются неважными для автора в этой ситуации. В статье «Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности» из журнала «Наука и жизнь» используются синонимические замены *теория* и *идея* для обозначения гипотезы лингвистической относительности, см. высказывания (10). В этом тексте актуализируется функция замещения и, следовательно, подход к синонимии, основанный на взаимозаменяемости.

(10) Во всех науках есть *теории*, занимающие совершенно особое место. Обычная жизнь *гипотезы* делится на несколько стадий: выдвижение идеи, её проверка, подтверждение/опровержение [Бурас М., Кронгауз М., журнал «Наука и жизнь», 2011].

Таким образом, если в научной статье коммуникативная стратегия предполагает подход к синонимии, основанный на тождественности значения, то в научно-популярных текстах подход к синонимии менее строгий.

Также менее строгая коммуникативная стратегия характерна для отдельных официально-деловых жанров – делового письма,

поздравление, протокола допроса, объяснительной записки и пр.; см. [15; 29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проведен анализ употребления синонимов в разных типах текста, что позволило сделать некоторые выводы. Во-первых, тип и жанр текста во многом определяют возможность использования синонимических средств: наибольшей синонимической вариативностью обладают художественные тексты, наименьшей – научные, официально-деловые тексты (рис. 1). При этом в рамках каждого стиля отмечается неоднородность: у жанра формируется определенная коммуникативная стратегия.

Во-вторых, на выбор синонимов в тексте влияет большое количество факторов, связанных с семантическими и прагматическими аспектами речи. Языковая личность в процессе коммуникации учитывает такие семантические и прагматические параметры, как тип и жанр речи, общий замысел высказывания, выражение чужой точки зрения, учет участников беседы, экспрессивность и оценки содержания.

В-третьих, в соответствии с коммуникативной стратегией жанра языковая личность может реализовать разные подходы к синонимии. В текстах с высокой вариативностью носитель языка может одновременно использовать несколько подходов к синонимии, напротив, в жестких типах текста – языковая личность ограничена определенными рамками.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11-21.
2. Покровская О.В. Языковой образ человека в синонимических репрезентациях: опыт разработки частной теории (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
3. Белов В.А. Реализация теоретических подходов к синонимии в методике преподавания русского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 96-101.
4. Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 32. Вып. 4. С. 320-330.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
6. Гиндин С.И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии. М.: АН СССР Ин-т рус. яз., 1971. 44 с.
7. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.
8. Черняк В.Д. Синонимические связи слов в лексической системе русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 388 с.
9. Chen Z., Mukherjee A., Liu B., Hsu M., Castellanos M., Ghosh R. Discovering coherent topics using general knowledge // CIKM '13: Proceedings of the 22nd ACM International Conference on Information and Knowledge Management. San Francisco, 2013. P. 209-218. DOI 10.1145/2505515.2505519
10. Dijk van T.A. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London; New York: Longman, 1977. 261 p.
11. Tanskanen S.-K. Collaborating Towards Coherence: Lexical Cohesion in English Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. 192 p.
12. Сентенберг И.В., Шейгал Е.И. Лингвистический контекст как средство развертывания и развития лексического значения // Значение слова и его варьирование в тексте: сб. науч. тр. Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1987. С. 12-25.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русского языка. М.: УРСС, 2008. 228 с.
14. Седов К.Ф. Человек в пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38.
15. Татарникова Н.М. Коммуникативные стратегии в жанрах официально-делового стиля // Речевая коммуникация в современной России: материалы 1 Междунар. науч. конф. Омск: Омск. гос. ун-т, 2009. С. 320-326.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука, 2003. 696 с.
17. Рымарь С.В. Лексическая синонимика А.С. Пушкина: качественный и количественный анализ: на материале синонимического словника и рядов с разным числом синонимов: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2008. 280 с.
18. Белый А. Петербург. СПб.: Наука, 2004. 698 с.
19. Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: ок. 30 000 слов-синонимов / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ: Астрель, 2011. 829 с.
20. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 586 с.
21. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
22. Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 470 с.
23. Успенский Б. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
24. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985-1988.
25. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
26. Солганик Г.Я. Язык информации и синонимия // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 145-149.
27. Гарифуллина Э.И. Особенности использования синонимов в языке электронных СМИ: на материале русской и английской электронной прессы 2004-2008 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 246 с.
28. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества. М.: Аспект-пресс, 2012. 320 с.
29. Замуруева Н.А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-2 (37). С. 120-123.

References

1. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. Postulaty kognitivnoy semantiki [Postulates of Cognitive Semantics]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [News of Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1997, vol. 56, no. 1, pp. 11-21. (In Russian).
2. Pokrovskaya O.V. *Yazykovoy obraz cheloveka v sinonimicheskikh reprezentatsiyakh: opyt razrabotki chastnoy teorii (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Linguistic Image of a Person in Synonymous Representations: Experience of Developing a Particular Theory (on the Material of Russian and English Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kemerovo, 2008, 23 p. (In Russian).
3. Belov V.A. Realizatsiya teoreticheskikh podkhodov k sinonimii v metodike prepodavaniya russkogo yazyka [Implementation of theoretical approaches to synonymy in the Russian language methodology]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 1 (170), pp. 96-101. (In Russian).
4. Apresyan Y.D. Znachenije i ottenok znacheniya [Meaning and the nuance of meaning]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of Academy of Sciences of USSR. Literature and Language Series], 1974, vol. 22, no. 4, pp. 320-330. (In Russian).
5. Galperin I.R. *Tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 138 p. (In Russian).
6. Gindin S.I. *Svyaznyy tekst: formal'noye opredeleniye i elementy tipologii* [Coherent Text: Formal Definition and Typology Elements]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Institute of Russian Language Publ., 1971, 44 p. (In Russian).
7. Novikov L.A. *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982, 272 p. (In Russian).
8. Chernyak V.D. *Sinonimicheskiye svyazi slov v leksicheskoy sisteme russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Synonymic Connections of Words in the Lexical System of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1992, 388 p. (In Russian).
9. Chen Z., Mukherjee A., Liu B., Hsu M., Castellanos M., Ghosh R. Discovering coherent topics using general knowledge. *Proceedings of the 22nd ACM International Conference on Information and Knowledge Management CIKM '13*. San Francisco, 2013, pp. 209-218. DOI 10.1145/2505515.2505519
10. Dijk van T.A. *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London, New York, Longman, 1977, 261 p.
11. Tanskanen S.-K. *Collaborating Towards Coherence: Lexical Cohesion in English Discourse*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2006, 192 p.
12. Sentenberg I.V., Sheygal Y.I. Lingvisticheskiy kontekst kak sredstvo razvertyvaniya i razvitiya leksicheskogo znacheniya [Linguistic context as means of deployment and development of lexical meaning]. *Znachenije slova i yego var'irovaniye v tekste* [Meaning of a Word and Its Variation in the Text]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University, 1987, pp. 12-25. (In Russian).
13. Issers O.S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkogo yazyka* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Language]. Moscow, URSS Publ., 2008, 228 p. (In Russian).
14. Sedov K.F. Chelovek v prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [Man in the space of everyday communication]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7-38. (In Russian).
15. Tatarnikova N.M. Kommunikativnyye strategii v zhanрах ofitsial'no-delovogo stilya [Communicative strategies in the genres of the official style]. *Materialy 1 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Recheyaya kommunikatsiya v sovremennoy Rossii"* [Proceedings of the 1st International Scientific Conference "Verbal Communication in Modern Russia"]. Omsk, Dostoevsky Omsk State University, 2009, pp. 320-326. (In Russian).
16. Kozhinova M.N. (ed.). *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 696 p. (In Russian).
17. Rymar S.V. *Leksicheskaya sinonimika A.S. Pushkina: kachestvennyy i kolichestvennyy analiz: na materiale sinonimicheskogo slovnika i ryadov s raznym chislom sinonimov: dis. ... kand. filol. nauk* [A.S. Pushkin's Lexical Synonymy: Qualitative and Quantitative Analysis: on the Material of the Synonymous Vocabulary and Series with Different Numbers of Synonyms. Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2008, 280 p. (In Russian).
18. Bely A. *Peterburg* [Petersburg]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 698 p. (In Russian).

19. Babenko L.G. (gen. ed.). *Sovremennyy slovar' russkogo yazyka. Sinonimy: boleye 5000 sinonimicheskikh ryadov: ok. 30 000 slov-sinonimov* [Modern Dictionary of the Russian Language. Synonyms: More than 5,000 Synonyms: Approximately 30,000 Synonym Words]. Moscow, AST Publ., 2011, 829 p. (In Russian).
20. Aleksandrova Z.Y. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakticheskiy spravochnik* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Practical Guide]. 11th ed., rev. and add. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001, 586 p. (In Russian).
21. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2008, 304 p. (In Russian).
22. Zhenett Z. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 1998, vol. 1, 470 p. (In Russian).
23. Uspenskiy B. *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 348 p. (In Russian).
24. Yevgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. (In Russian).
25. Turayeva Z.Y. *Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika)* [Text Linguistics (Text: Structure and Semantics)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1986, 127 p. (In Russian).
26. Solganik G.Y. Yazyk informatsii i sinonimiya [Language of information and synonymy]. In: Duskayeva L.R., Tsvetova N.S. (executive eds.). *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema* [Mediatext as a Polyintentional System]. St. Petersburg, S. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 145-149.
27. Garifullina E.I. *Osobennosti ispol'zovaniya sinonimov v yazyke elektronnykh SMI: na materiale russkoy i angliyskoy elektronnoy pressy s 2004–2008 gg: dis. ... kand. filol. nauk* [Features of Synonyms Usage in the Online Media Language: on the Material of the Russian and English Online Press from 2004–2008 Years. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2009, 246 p. (In Russian).
28. Lazutina G.V., Raspopova S.S. *Zhanry zhurnalistskogo tvorchestva* [Genres of Journalistic Work]. Moscow, Aspect-press Publ., 2012, 320 p. (In Russian).
29. Zamuruyeva H.A. *Zhanrovyye osobennosti ofitsial'no-delovogo stilya rechi* [Genre peculiarities of the business speech]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Scientific Notes of Orel State University*, 2010, no. 3-2 (37), pp. 120-123. (In Russian).

Информация об авторе

Белов Вадим Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации. Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Российская Федерация. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Вклад в статью: идея, анализ разных текстов и жанров текста, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>

Поступила в редакцию 06.05.2019 г.

Поступила после рецензирования 10.06.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Vadim A. Belov, Candidate of Philology, Associate Professor of German Philology and Crosscultural Communication Department. Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation. E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

Contribution: idea, different texts and its genres analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4173-2000>

Received 6 May 2019

Reviewed 10 June 2019

Accepted for press 17 June 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-275-281
УДК 81.42

Стихия «вода» и ее лексическая репрезентация в поэзии В.А. Солоухина

Ксения Игоревна КУШНИР

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4561-6322>, e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

The element “water” and its lexical representation in the poetry of V.A. Soloukhin

Kseniya I. KUSHNIR

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4561-6322>, e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Аннотация. Проанализированы языковые особенности стихотворных текстов В.А. Солоухина. Исследуется семантика «воды», как наименования одной из природных стихий, и ее функциональные особенности. Дается комплексное описание языкового воплощения стихии «вода» в художественной картине мира автора. Целью исследования является рассмотрение лексем, служащих для репрезентации стихии воды, проведение наиболее полного анализа использования В.А. Солоухиным этой стихии в стихотворных произведениях. Стихия рассматривается в связи с особенностями русского менталитета, культуры и истории в национальной специфике. Большое внимание уделяется описанию содержательной стороны стихии вода и связанных с данной лексемой философских, исторических и культурных смыслов, реализации и употреблению данной языковой единицы в конкретных текстах и в сознании носителей языка. Приведено описание природы на примере стихии вода, структуры и функций значений данного слова. Исследование может иметь практическую направленность в рамках преподавания русского языка, в том числе русского языка как иностранного; при изучении творчества В.А. Солоухина в литературоведческом курсе и при составлении авторских словарей.

Ключевые слова: текст; лингвистический анализ; В.А. Солоухин; лексема; стихия; концепт

Для цитирования: Кушнир К.И. Стихия «вода» и ее лексическая репрезентация в поэзии В.А. Солоухина // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 275-281. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-275-281

Abstract. We analyze the linguistic features of poetic texts by V.A. Soloukhin. We investigate the semantics of “water” as the designation of one of the nature elements, and its functional features. We give complex description of the linguistic embodiment of the “water” element in the author’s artistic worldview. We focus on consideration of the lexemes that serve to represent the water element, conducting the most complete analysis of V.A. Soloukhin’s use of this element in poetic works. We consider element in connection with the peculiarities of the Russian mentality, culture and history in the national specifics. We pay attention to the description of substantive side of water element and philosophical, historical and cultural meanings related to this lexeme, to the implementation and use of this linguistic unit in specific texts and in the minds of native speakers. We provide the description of nature on the example of water element, the structure and functions of this word. The study may have a practical focus in the framework of teaching Russian, including Russian as a foreign language; in studying the work of V.A. Soloukhin in the literature studies course and in the compilation of author’s dictionaries.

Keywords: text; linguistic analysis; V.A. Soloukhin; lexeme; element; concept

For citation: Kushnir K.I. Stikhiya «voda» i eye leksicheskaya reprezentatsiya v poezii V.A. Soloukhina [The element “water” and its lexical representation in the poetry of V.A. Soloukhin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 275-281. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-275-281 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одним из важных направлений современной лингвистики является изучение особенностей индивидуального мировидения автора в рамках художественного целого. Исследование взаимодействия индивидуально-авторского и общекультурного в пространстве художественного текста позволяет анализировать средства языка в ткани произведений автора и способствует обнаружению способов выражения его мироощущения. Об этом упоминала в своих работах И.А. Тарасова: «В индивидуальной картине мира проявляются основные категории человеческого мировидения, но в своей личностной интерпретации, ценностные установки, цели и мотивы субъекта» [1, с. 24].

Данный вопрос исследуется давно и достаточно широко, подробно он освещался в работах таких ученых, как Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, А.Г. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.П. Григорьев, В.В. Красных, В.К. Харченко.

Одним из ведущих направлений при изучении данной темы можно считать выделение отдельных фрагментов природы, играющих значительную роль не только для отдельного читателя, но и для художественного сознания целого народа.

К таким фрагментам относятся стихии *воды, огня, земли, воздуха* и отдельно – *эфира*. Неудивительно, что каждая из стихий имеет специфический исторический контекст и своеобразно раскрывается в культуре каждого этноса, отражаясь в художественном дискурсе.

Уже давно не новым является вопрос о стихиях в контексте русской культуры. Многие классики обсуждали соотношение космоса и хаоса, гармонии и стихийности – А.С. Пушкин, А. Белый, А. Блок и др.

Стихией названо одно из первовеществ, основных элементов природы. Само это слово было заимствовано из греческого языка и имело следующие значения:

1. «Буква, элемент алфавита»;
2. Тень от стрелки часов; шаг, сдвиг;

3. Основное положение, теорема, первичная материя, физический элемент, небесные частицы, природные духи» [2, с. 62].

Необходимость выявления репрезентантов стихии *воды* в художественных произведениях В.А. Солоухина обусловлена актуальностью данного исследования. В XX–XXI веках возрастает интерес общества к стихиям в целом и стихии *воды* – в частности, что приводит к постановке вопроса о комплексном анализе лингвистической специфики данного явления.

В литературных произведениях стихия *воды* является широким понятием, так как этот природный элемент может содержаться в различных контекстах и в то же время не обязательно будет представлять собой собственно природное описание водной стихии, а выражает человеческие эмоции, чувства, настроение.

Объект анализа данной статьи – это наименование водной стихии как конститuenty литературных произведений. В.А. Солоухин использует в своей лирике стихию *воды* в контексте русской культуры.

Предметом исследования является семантика стихии *вода* и ее функциональные особенности в лирических текстах В.А. Солоухина.

Художественные тексты В.А. Солоухина исследуются, основываясь на понятии тематической группы как объективного фундамента анализа авторского способа освоения фрагментов действительности. Определяется авторская специфика конвергенции и контаминации тропов, которые способны отразить водную стихию в произведениях В.А. Солоухина.

Материалом данной статьи послужили лексемы, репрезентирующие стихию *воды*, трех стихотворений В.А. Солоухина: «Дождь в степи», «Родник», «Над ручьем».

В славянском мировоззрении важное место отводится стихии *воды*. Данная стихия с давних времен остается для людей одной из самых неисследованных. Немало времени и сил было положено на поиски ключа к раз-

гадке этой стихии, отражение чего находим в древнем устном народном творчестве. В русском фольклоре *вода* тесно переплетена с такими понятиями, как жизнь и смерть. К примеру, на юге нашей страны можно встретить легенду о живой и мертвой воде. В то время, когда христианская вера не пришла на Русскую землю, почитались Перун – Бог-Громовержец, Дажьбог, Ярило, Смаргл, Лада и другие, управляющие природными явлениями. Постоянно с божествами соседствовала и нечисть, пытающаяся при каждом удобном случае досадить людям. Так, в ночь на Ивана Купалу, чтобы обмануть нечистый дух, люди были вынуждены рядиться, называть себя другими именами; чтобы отпугнуть его – громко смеяться, веселиться, использовать огонь. И все это делалось для достижения одной цели – достать «живой» воды, которая дарила силу, любовь и красоту. «Мертвая» вода обладает другим волшебным свойством – способна исцелять различные болезни, недуги, возвращать молодость. Добыча «мертвой» воды – дело трудное, так как ее охраняли души умерших людей, для того, чтобы получить ее, нужно было доказать, что человек этого достоин.

В рассматриваемых стихотворениях семантическое ядро – *вода*.

В лирических текстах рубежа XX–XXI веков рассматриваемая нами лексема аккумулирует общечеловеческие представления о жизни, времени, здоровье, забвении, смерти, а самое важное, на наш взгляд, – об очищении.

Что касается текстов В.А. Солоухина, то в них стихия *воды* является многокомпонентной структурой, образ которой создается с помощью ряда лексем, имеющих то же самое значение или отсылающих (иногда контекстуально) к нему, например, существительные: *влага, половодье, ручей, река, озеро, море, струя, дождь, капля, родник, поток, брызги, гром, гроза, потоп, течение, пузыри* и т. д.; прилагательные: *искристый, светлый, нестрогий, сухой, бескровный, благодатный, плавный, звонкий, маленький, холоден* и др.; глаголы: *смеяться, всосать, сохнуть, пролиться, отсверкать, ударить, стучать, заласкать, высохнуть, напиться* и т. п.

Обращение В.А. Солоухина к стихии *воды* связано с детскими воспоминаниями, где автор описывает свою малую родину, осо-

бенно акцентируя внимание на водоемах, больших и маленьких, будь то речка, озеро или ручеек. Он отзывался о детстве следующим образом: «На Западе ученые люди считают, что первые семь лет жизни человека закладывают фундамент личности и определяют ее дальнейший ход развития. Я должен сказать, что мои первые семь лет были счастливейшими годами жизни»¹. С такими нежными чувствами вспоминает автор этот период своей жизни. Писатель был рожден в семье крестьян села Алепино, находящегося во Владимирской области, недалеко от реки Ворши. Поэтому не вызывает сомнения столь частое обращение в своих произведениях В.А. Солоухина к водной стихии.

Лексема «*вода*» берет свое начало в праславянском языке – **vodā*, которое восходит к праиндоевропейскому – **wodor*, имеющего корень **wed*, который обладает тем же значением. Многие лингвисты говорят о том, что в праиндоевропейском языке можно было встретить два корня для передачи значения *воды*: «**ar* – обозначал воду как «живую» силу природы; **wed* – обозначал воду как неодушевленную субстанцию» [3, с. 28].

В своих лирических текстах В.А. Солоухин использует значение первого корня. Вода – это главное вещество, способное поддерживать организмы живыми, она всеобъемлюща и вездесуща. Неоспорим тот факт, что воде отведено во всех мировых религиях особое место, она используется во многих магических ритуалах. Следовательно, вода тесно соседствует с самой жизнью, способствует ее зарождению, поддерживает в живых организмах.

Твоим запомнившимся смехом
Смеялась светлая *вода* [4, с. 12];
А опустишь руку в голубое,
Заласкает светлая *вода* [4, с. 9];
Я еще приду к нему, живому,
И еще напьюсь его *воды*! [4, с. 9].

Для формирования словесного образа водной стихии В.А. Солоухин прибегает к

¹ Солоухин В.А.: советский писатель и общественный деятель из села Алепино Собинского района. URL: <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obschestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona> (дата обращения: 18.01.2019).

богатому арсеналу тропов и фигур: сравнениям, эпитетам, олицетворениям, метафорам, что способствует выявлению специфики авторского видения [5].

Стихия *воды* представляет сложный образ и реализуется в различных формах:

– *ручей*:

Я подошел к ручью напиться
И наклонился над *ручьем* [4, с. 12].

Ручьем можно назвать естественный поток активно струящейся жидкости, обладающий свойством текучести. К этой лексеме автор прибегает, чтобы показать живое начало, ведь ручей бежит, струится, он изменчив, обладает своим неповторимым характером.

– *Родник*:

Там по мне, наверно, не скучает
Очень звонкий маленький *родник* [4, с. 8];
Только пусть пока не высыхает
Очень звонкий маленький *родник* [4, с. 8].

Родником зовется водный поток, бьющий из глубины почвы. Эта лексема имеет один и тот же корень со словами «родной», «родина», «род», что и показывает связь данной формы реализации водной стихии с близкими сердцу автора местам.

– *Волна*:

И, угадав в *волне* нестрогой
Улыбку чистую твою [4, с. 12].

Волной обычно называют водяные бугры, которые образуются из-за значительного колебания жидкой поверхности в ветреную погоду. В исследуемых стихотворениях данная лексема передает значение вольности, непокорности, что и применимо к девушке, которую вспоминает лирический герой.

– *Струя*:

Я не посмел губами трогать
Затрепетавшую *струю* [4, с. 12].

Струя – это непрерывный узкий активно бьющий поток жидкого вещества. В.А. Солюхин говорит, что течение, журчание струи олицетворяет быстротечность самой жизни.

– *Капля*:

Последние *капельки*» [4, с. 7];

Тяжелые *капли*

Ударили в крышу [4, с. 8];

О нет, то не *капли*

Стучатся упорно [4, с. 8].

Лексемой *капля* обозначают малое количество жидкого вещества, принявшего округлую форму. Дождевые капли оживляют природу, они представлены как явление прекрасное, наполненное свежестью и чистотой.

– *Влага*:

Почвенной *влаги* [4, с. 7];

А *влаге* тянуться [4, с. 7].

Влага – содержание жидкости в каком-либо веществе. Без этого вещества и благоприятной температуры невозможна жизнь.

– *Туча*:

Ветер за ветром
Туч не приносят [4, с. 7].

Тучей называют темное облако, несущее воду; скопление большого количества жидкости. Эта лексема связана с бедой и тревогой, но в данном стихотворении говорится об отсутствии этого природного явления, в связи с чем тревожные чувства не появляются в душе лирического героя.

– *Ливень*:

Ливнями бредит
Сухая земля [4, с. 7].

Ливень – это проливной дождь, обладающий большой силой водного потока, который сметает все на своем пути и очищает пространство.

– *Дождь*:

О, если б *дождем*
Мне пролиться на жито [4, с. 7];
Дождем отсверкать
Благодатным и плавным [4, с. 7].

Лексема *дождь* используется для обозначения атмосферных осадков, которые появляются из облаков в виде капель воды. Лирический герой с оживленной радостью ждет приближения этого погодного явления.

Дождь – это явление благоприятное, нужное как животным, так и растениям.

Таким образом, лексема *вода* в анализируемых стихотворениях обретает новые смыслы, репрезентируясь в разных лексемах (влага, дождь, ливень, ручей и т. д.), относящихся к стихии *вода*.

Теперь следует обратиться к самим стихотворным текстам, где используются выше-названные лексемы.

В каждом из анализируемых стихотворений «Дождь в степи», «Родник», «Над ручьем» водная стихия по-разному проявляется и передает чувства и переживания автора.

Одной из целей, которыми руководствуется В.А. Солоухин при создании своих произведений, выступает передача читателю своих чувств и эмоций, своего мироощущения. Поэту важно донести до адресата эмоции, испытываемые им при созерцании видимых образов; он хочет пробудить в читателе сопереживающего ему соавтора, разделяющего его восхищение.

Например, в произведении «Дождь в степи» *вода* соотносится с самой жизнью, употребляются такие глаголы, как *всосать* влагу, *тянуться* к влаге, *бредить* ливнями, *пролиться* дождем, *отсверкать* дождем, *ударить* каплями. Это свидетельствует о том, что всему живущему на земле необходима *вода*, как источник жизни. На основе чего можно сказать, что в данном стихотворении *вода* выступает источником жизни. С помощью олицетворения В.А. Солоухин умело передает всю жажду растений к жизни, а вместе с ними – и всего окружающего мира, в том числе человека. Каждый из нас искренне радуется общению с исследуемой стихией, наслаждается живительной свежестью дождя, запахом мокрой дороги, звоном ключей и ручьев.

Если же взять стихотворение «Родник», то здесь *вода* связана с воспоминаниями лирического героя, родник выступает связующей нитью между детской порой и рассказчиком. Об этом свидетельствуют следующие лексемы: почти *отвык*, наверно, *не скучает*, не так еще *отвык* и т. д. О воспоминаниях свидетельствует и приобретение некоего опыта, и обращение уже состарившегося героя и грезы о юности его, а вместе с ними – обращение к былым эмоциям: герой учился

«большой чистоте», «робким вдохновеньям» и «маленькой мечте» у пеня родника.

Важны олицетворения, применяемые к главному герою: «родник, наверно, не скучает» – лирический герой выражает опасения по поводу того, что родник забыл о нем, но, вместе с тем, очень надеется, что этого не произошло. Ведь стихия *воды* здесь соотносится с другом, сопутствующим во всех начинаниях, способным *заласкать* в тягостные моменты жизни, сопереживать и поддаваться одним и тем же мечтаньям. Даже в закатный момент жизни лирический герой обратится ни к кому-то из своего человеческого окружения, а именно к стихии *воды*, к роднику, с кем и вступал в сознательное свое существование:

Я, мужая, сделаюсь седым.
Я еще приду к нему, живому,
И еще напьюсь его воды! [4, с. 9].

Теперь обратимся к стихотворению «Над ручьем». Здесь стихия *воды* служит напоминанием о былой возлюбленной. Обращаясь к ручью и выполняемым им действиям, автор описывает возлюбленную: на дне ручья он видит ее «запомнившийся взгляд», звон ручья напоминает смех девушки, а его волна – ее улыбку. Чувства и помыслы лирического героя настолько чисты и невинны, что он даже не смеет прикоснуться к чистой воде, так как соотносит ее с губами любимой. Это неудивительно, ведь всегда родники символизировали образ чистоты и являлись источником здоровья.

При создании «водных» образов В.А. Солоухин использует два разных метода. «Один из которых связан с использованием значений *воды* или жидкости, следовательно, непосредственно связаны со стихией *воды*; в рамках второго метода писателем используются данные значения для изображения самого человека, его внутренних переживаний и внешних свойств» [6, с. 27].

Таким образом, проведенный анализ показал, что разнообразие лексических номинаций водной стихии в текстах В.А. Солоухина свидетельствует о важности данного образа как для традиционного русского менталитета, так и для художественной картины мира второй половины XX века. Именно об этом неоднократно свидетельствует и сам

В.А. Солоухин: «Но нет проще способа погубить на земле все живое, как залить землю водой. И нет проще способа погубить все живое в воде, как взять и выпустить из водоема всю воду»².

По М. Хайдеггеру, «домом бытия» [7] выступает языковая картина мира народа, где стихия *воды* обладает следующими обобщенными значениями: это опасная природная сила, несущая разрушение; необходимое условие, без которого жизнь невозможна;

проявление человеческого темперамента; выражение деятельности живого существа.

В.А. Солоухин внес неоценимый вклад в русскую культуру, ведь, как написала Л.М. Кольцова, «способность посмотреть на явление через призму чужого сознания равноценна возможности заглянуть в параллельные миры» [8, с. 3]. Что касается лирических произведений В.А. Солоухина, проведенное исследование помогло выявить, что стихия *воды* здесь выступает в роли источника жизни, вдохновения, очищения, причем очищение касается как окружающего мира природы, так и внутреннего мира человека.

² Солоухин В.А. URL: <http://community.livejournal.com/solouhin/> (дата обращения: 18.01.2019).

Список литературы

1. Тарасова И.А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И. Анненского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1994.
2. Склад М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке. М., 2005. 260 с.
3. Валиевская М.С. Наименования стихий в русском и французском языках в семантическом и словообразовательном аспектах. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2015. 80 с.
4. Солоухин В.А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. 384 с.
5. Туранина Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. Орел, 2000.
6. Кушнир К.И. Языковое воплощение основных стихий (на примере стихии «вода») в художественных произведениях В. Солоухина. Воронеж: ВГТУ, 2017. С. 28-33.
7. Хайдеггер М. Язык – дом бытия. URL: <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/74.htm> (дата обращения: 18.01.2019).
8. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. 48 с.

References

1. Tarasova I.A. *Struktura semanticheskogo polya v poeticheskom idiosstile (na materiale poezii I. Annenskogo): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structure of the Semantic Field in the Poetic Individual Style (Based on the Poetry of I. Annensky). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Saratov, 1994. (In Russian).
2. Sklyar M.S. *Kontsept slova «stikhiya» v russkom yazyke* [Concept of the Word “Element” in Russian Language]. Moscow, 2005, 260 p. (In Russian).
3. Valevskaya M.S. *Naimenovaniya stikhiy v russkom i frantsuzskom yazykakh v semanticheskom i slovoobrazovatel'nom aspektakh* [Naming of the Elements in Russian and French Languages: Semantic and Word-Building Aspects]. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2015, 80 p. (In Russian).
4. Soloukhin V.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, 384 p. (In Russian).
5. Turanina N.A. *Imennaya metafora v russkoy poezii nachala XX veka* [Nominative Metaphor in Russian Poetry in the Beginning of the 20th Century]. Orel, 2000. (In Russian).
6. Kushnir K.I. *Yazykovoye voploshcheniye osnovnykh stikhiy (na primere stikhii «voda») v khudozhestvennykh proizvedeniyakh V. Soloukhina* [The Linguistic Embodiment of the Basic Elements (on the Example of the Element “Water”) in the Works of V. Soloukhin]. Voronezh, Voronezh State Technical University Publ., 2017, pp. 28-33. (In Russian).
7. Heidegger M. *Yazyk – dom bytiya* [Language is the House of Being]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/74.htm> (accessed 18.01.2019).
8. Koltsova L.M. *Khudozhestvennyy tekst cherez prizmu avtorskoy punktuatsii* [Artistic Text Through the Prism of the Individual Punctuation]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2007, 48 p. (In Russian).

Информация об авторе

Кушнир Ксения Игоревна, аспирант, кафедра русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Вклад в статью: работа с литературными источниками, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4561-6322>

Поступила в редакцию 26.03.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.05.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Kseniya I. Kushnir, Post-Graduate Student, Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Contribution: work with literature references, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4561-6322>

Received 26 March 2019

Reviewed 27 May 2019

Accepted for press 17 June 2019

Диалектизмы в повести С.А. Есенина «Яр»

Елена Владимировна ЛОГАЧЕВА^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова»

390026, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Высоковольная, 9

²ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>, e-mail: logacheva81@gmail.com

Dialectisms in the novella “The Ravine” by S.A. Yesenin

Elena V. LOGACHEVA^{1,2}

¹I.P. Pavlov Ryazan State Medical University

19 Vysokovoltная St., Ryazan 390026, Russian Federation

²Ryazan State University named for S. Yesenin

46 Svobody St., Ryazan 390000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>, e-mail: logacheva81@gmail.com

Аннотация. Дан анализ лексико-семантического своеобразия и частеречной активности диалектных слов как одной из стилистических доминант повести С.А. Есенина «Яр» и как части его индивидуально-творческой манеры. Данное исследование было проведено впервые. Рассмотрение материала осуществлялось при помощи методов интерпретации, компонентного анализа, а также структурно-описательного и контекстуального методов. В ходе работы с существующей литературой по данному вопросу была обнаружена недостаточность охвата материала и отсутствие анализа диалектной лексики в повести «Яр» с морфологической точки зрения. В процессе исследования обнаружено тематическое, морфологическое разнообразие и выявлена специфика проявления местных слов отдельно в авторской и диалогической речи произведения, а также функциональная обоснованность их применения. Доказано, что использование местных слов в повести обусловлено не только замыслом повести как произведения деревенской тематики, но и имеет глубокую когнитивную основу. Актуальность состоит в том, что проведенное исследование диалектной лексики повести позволяет дополнить знания о специфике поэтики С.А. Есенина, его языковой картине мира и своеобразии его идиостиля.

Ключевые слова: диалектизмы; функции диалектизмов; лексико-семантические группы слов; авторская речь; речь персонажей

Для цитирования: Логачева Е.В. Диалектизмы в повести С.А. Есенина «Яр» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 282-292. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-282-292

Abstract. We analyze lexical and semantic originality and part of speech activity of dialect words as one of the stylistic dominants of the S.A. Yesenin's novella “The Ravine” and as part of his individual creative manner. This study was conducted for the first time. We consider the material using the methods of interpretation, component analysis, as well as structural descriptive and contextual methods. In the course of working with the existing literature on this issue, we discover the lack of material coverage and the absence of dialect vocabulary analysis in the novella “The Ravine” from morphological point of view. We find the thematic, morphological diversity and reveal the manifestation specificity of local words in the author's and dialogical speech of the work, as well as the functional validity of their application. We prove that the use of local words in novella is caused not only by the idea of novella being a village theme work, but also has a deep cognitive basis. The relevance of the study lies in the fact that conducted research of novella's dialectal vocabulary allows to complement the knowledge of the specificity of S.A. Yesenin poetics', his linguistic worldview and the peculiarity of his individual style.

Keywords: dialectisms; dialectisms' functions; lexical and semantic word groups; author's speech, characters' speech

For citation: Logacheva E.V. Dialektizmy v povesti S.A. Esenina «Yar» [Dialectisms in the novella “The Ravine” by S.A. Esenin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 282-292. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-282-292 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Повесть «Яр» – первый прозаический опыт С.А. Есенина. Выйдя в печать в 1916 г., она удостоилась нескольких достаточно негативных отзывов. Их авторы акцентировали внимание читателей на сложности восприятия произведения вследствие нагромождения непонятных обывателю местных слов и выражений. Так, А.А. Измайлов обвинял начинающего писателя в том, что «местный колорит, усиленно создаваемый совершенно непонятными словами, – ушук, летуга, коряжник, еланка, олахарь, корогод, вертье, шипульник, растагарить, тропыхать, кугакать, – говорит только о том, что рискованно писать повесть для широких кругов на местном наречии» [1, с. 347]. Критик, печатавшийся под псевдонимом Лорд Генри, недоумевал, зачем создавать местный колорит только с помощью слов (типа «лещуга», «бурыга», «чапыга» и др.), которые затруднительны для восприятия читающего. На неоправданное «стремление Есенина насытить повесть диалектизмами» [1, с. 347] сетовал и Я.В. Перович.

Целью нашей работы стало обобщение опыта предшествующих авторов в данной тематике и, на основе ранее не проводившегося анализа частеречной активности и лексико-семантического своеобразия местных слов в повести, выявление функциональной составляющей диалектизмов в системе идиолекта поэта.

Основу диалектного словаря повести составляют лексические и, значительно реже, семантические диалектизмы, которые и были взяты нами для рассмотрения.

По данным «Словаря языка Есенина: художественная проза» Г.И. Шипулиной [2], в повести содержится около трехсот диалектных лексем. Особенностью повести «Яр» можно назвать обширное употребление диалектизмов как в речи автора, так и в речи персонажей. Повествование ведется от лица человека, хорошо знакомого с разговорными особенностями жителей ряда рязанских сел, с жизненным распорядком, разбирающегося

в деталях бытоустройства и психологии сельчан. Автор как бы проживает описанный период вместе с героями. Не случайно некоторые исследователи видят фигуру самого поэта в проезжающем улыбчивом барине с добрым лицом: – *Прощай, старичок, помолись за меня угодникам, да вот тебе трешница, вынимай каждый день просфору за раба Божьего Сергея* [1, с. 132].

Употребление местных слов в диалогической речи и в авторском повествовании неодинаково и имеет свои особенности.

Имя существительное – самая продуктивная часть речи обеих категорий диалектных слов. Это связано со спецификой деревенского уклада и быта, необходимостью точного именования, конкретизации понятий, вещей, предметов обихода и одежды, посуды и т. д.

Вопрос разделения диалектных слов на различные тематические группы затрагивался в ряде работ по диалектологии. Тематическими называют такие совокупности слов, которые объединяют близкие или связанные понятия и обычно выражены одной частью речи.

Авторские диалектные субстантивы в 2 раза превышают количество аналогичных слов, содержащихся в репликах персонажей, и включают разнообразные тематические группы:

1) наименование человека по роду деятельности, статусу, образу жизни и т. д.: *мыканец, метчик, шалыган, ёрник, попутник* и др. *Дымовитые гривы трягнули обвешанныеми лентами, и из головней вылез подвыпивший дружок* [1, с. 15]; дружок – «один из главных участников старинного свадебного обряда и распорядителей на свадьбе со стороны жениха» [2, т. 1, с. 221]. *На пятом году хозяйничанья Афонька поехал к сестре взять к себе на прокорм шалыгана Кузьку* [1, с. 34]; шалыган – «шалун, бездельник, шалопай» [2, т. 2, с. 376];

2) наименования животных и птиц – зоонимы: *цыбис, веснянка, бучень. Слышно,*

как тоненько взвенивала осокой река и где-то наянно бухал бучень [1, с. 64]; бучень – «птица выпь» [2, т. 1, с. 72];

3) предметы или части предметов домашнего обихода: *рушник, посевка, окорёнок, мотальник, махотка, кочатыг, корец, жарница* и др. *Затыкала в стенку веретена свои, скомкала шерсть на кудели и привесила с донцем у бруса* [1, с. 60]; донце – «дощечка, на которой сидит пряжа» [2, т. 1, с. 214]. Некоторые лексемы почти совпадают по звучанию с общелитературными словами, но имеют словообразовательные или фонетические варианты (*полоник, полотенец*): *Бабка налила в полоник воды и бросила туда из жаровни засопевшие угли* [1, с. 127];

4) обозначение понятий и предметов обихода, используемых вне жилища: *скрябка, порошня, постельник, прясло, кошель, грядка, обротъ* и т. д. *К вечеру стога были огорожены пряслом и приятно манили на отдых* [1, с. 96]; *прясло* – «изгородь из жердей, досок, укрепленных горизонтально между вбитыми в землю столбами, кольями» [2, т. 2, с. 138]. *Обротъ звякала и шушала на соломе* [1, с. 92]; *обротъ* – «недоуздок, конская узда без удила и с одним поводком для привязи» [2, т. 1, с. 513];

5) названия блюд и их частей, напитков, полуфабрикатов: *саламата, любовина, лушник, кулага, воронок. От него [Епишки] несло водкой и саламатой* [1, с. 64]; саламата – не имеет однозначного толкования, трактуется как «кушанье, приготовленное из поджаренной муки с маслом» [2, т. 2, с. 185] либо как «род жидкой каши из гречневой муки, заваренной кипятком» [3, с. 499];

6) существительные локативной семантики. Группа объединяет понятия с общим значением места и подразделяется на две более узкие разновидности:

– природные локации. Группа включает в себя наименования ландшафтных особенностей рязанских земель как части среднерусской полосы, особенностей рельефа (*еланка, выбень, балка, пасик, бочаг, лоск, стёжка, бурыга*). Например: *С крутояра увидел, как Лимпида отворяла околицу* [1, с. 86]; *крутояр* – «крутой обрывистый берег» [2, т. 1, с. 384]. Лексема *стёжка* достаточно прочно закрепилась в поэтическом словаре и имеет помету «нар.-поэт.». Относительно

частая встречаемость ее в речи, видимо, связана с географическим распространением на большой территории;

– строения, сооруженные человеком (*поветь, горница, околица*): *С двумя работницами пришла Лимпида и, сбросив кузов, достала с повети котел* [1, с. 77]; *поветь* – «помещение с навесом для хранения хозяйственного инвентаря, для загона скота; крытое нежилое место» [2, т. 2, с. 38]. К этой группе также отнесены лексемы с обозначением частей русской печи: *печурка, брус, зазнетка*. Печь в русской избе была центром, вокруг которого выстраивалась жизнь в доме. Будучи источником тепла в долгие холодные дни, приготовления пищи, а порой, спальным местом, печь занимала значительное место в доме и имела свои наименования каждой составляющей части (опечье, устье, лежанка, задвижка и т. д.);

7) одежда и ее части: *свитка, коротайка, полушалок, калпушка: Филипп постелил у костра кожух, накрылся свиткой и задремал* [1, с. 74]; *свитка* – «длинная распахная верхняя мужская и женская народная одежда из домотканого сукна» [2, т. 2, с. 195]. Подробному анализу данной категории слов посвящено исследование Е.П. Осиповой [4]. Глубокий этнографический материал статьи позволяет увидеть сложную связь между предметами национального костюма, их названиями и «взглядом на окружающий мир, восприятием русского человека, выросшего в атмосфере народной культуры» [4, с. 91];

8) фитонимы (названия растений), их части и совокупности. Это наименования кустарников (*чапыга, орясник, хворостинник, хворостник*), трав (*чемерика, куколь, лещуга*), ягод (*пьяника*) и др. Часто такие лексемы становятся объектами сравнительных конструкций: *Ехидно засмеялся, оцурив гнилые, как суровикой обмазанные зубы* [1, с. 49]; *суровика* – «смола хвойного дерева» [2, т. 2, с. 273]. Флористические диалектизмы повсеместно встречаются и в стихотворных произведениях поэта (куга, лещуга, кукольня) [см., например, 5, с. 43, 177, 415] и являются одной из значительных и заметных черт его индивидуально-авторского стиля.

Фитонимы выполняют в тексте важную смысловую функцию и играют роль этнографических, временных, локативных, эмо-

циональных индикаторов. В этой связи интересно отметить функционирование флористических диалектизмов в повести с негативными коннотациями. Среди выделенных лексем не обнаруживается абсолютно благоприятного по семантике слова. Так, чемерика и куколь – растения с ядовитыми компонентами, чапыга – «непроходимая поросль леса» [2, т. 2, с. 358], черный цвет суровики становится основанием сравнения гнилых зубов подельника Аксютки. Таким образом, С.А. Есенин, со свойственной ему непосредственностью внося региональный компонент в повествование, смешивая, совмещая общелитературную и областную лексику рассматриваемой тематики, репрезентирует восприятие обывателей села как представителей значительной части населения средней полосы России начала XX века, что, в свою очередь, позволяет интерпретировать авторскую концепцию картины мира;

9) лексика, связанная со временем покоса и другими работами (например, заготовкой дров). Время сбора урожая и других полевых работ считалось крайне важным на селе. Заготовка сена, к примеру, была ответственным периодом, проводилась в соответствии с традициями, по определенным правилам и в жизни крестьян занимала значительное место. Хорошо знаком с покосным порядком был и С.А. Есенин. Потому в повести процессу сенокосения посвящена целиком третья глава второй части и частично 2 следующие главы. Наряду с понятными общелитературными вилами, граблями, косой, дровами и т. д. читатель сталкивается с более конкретными местными наименованиями предметов: *пожня, брусница, окосье, попки* и др.: *Филипп ухватился за окосье, и стали перебираться руками* [1, с. 75]; *окосье* – «рукоятка косы, косовище» [2, т. 1, с. 526];

привычное читателю существительное *шалаш* обретает в рамках повести местную коннотацию «покосный домик» [2, т. 2, с. 376];

10) невещественные отвлеченные существительные (*лунь, мокреть, томь, ушук*). Большинство из них образованы способом нулевой суффиксации, что не редкость в творчестве С.А. Есенина: *Месяц, выкатившись из-за бугра долины, залил лунью крыльцо и крышу* [1, с. 145]; *лунь* – «тусклый свет, блеск, белизна» [2, т. 1, с. 414];

11) лексика музыкально-развлекательной семантики. Это местные разновидности частушек (*канавушки, прибаски*) и название музыкального инструмента (*ливенка*). Последнее обыграно поэтом не только в собственно авторском тексте, но и включено в текст частушки: *На улице девчата под окнами слонялись, парни в ливенку канавушки пикикали* [1, с. 116]; *ливенка* – «однорядная гармоника» [2, т. 1, с. 405].

При рассмотрении **персонажных** субстантивных диалектизмов отмечены следующие семантические группы слов:

1) слова, называющие человека по роду деятельности, статусу, образу жизни, которые занимают также лидирующую позицию (*тарарай, хамлет, прощальга, олахарь, зазультенька, оглоед* и др.). Нередко они имеют сниженную, бранную окраску: – *Ах вы, оглоеды, проклятые убийцы, разбойники* [1, с. 110]; *оглоед* – «нахал, наглец, живущий за чужой счёт, дармод» [2, т. 1, с. 516]. Зачастую это общеупотребительные языковые единицы, приобретшие дополнительную областную семантику: – *Эх, батя, вышколили твою собаку...* [1, с. 78]; *батя* – «обращение к попу» [2, т. 1, с. 44];

2) обозначение понятий и предметов домашнего и дворового обихода, а также приспособления для хозяйствования и прокорма (*навильник, хруп, поставня*): – *Целую поставню загубил* [1, с. 99]; *поставня* – «круглая корзиночка, плетёная из соломы, перевитой мелким лозняком» [2, т. 2, с. 92];

3) среди предметов одежды и аксессуаров отмечены *чобот, шушпан, косник, оборка*: – *Шушпан её как-то выбился, сунулся в карман и вытащил её деньги-то* [1, с. 48]; *шушпан* – «старинная крестьянская одежда в виде свободного кафтана; летняя женская верхняя одежда» [2, т. 2, с. 384];

4) погодные и атмосферные явления. Такие слова называют тип погоды в целом либо ее составляющие (*сиверга, чичер, мокреть*): – *Ведь холод, чичер, а ты шёл* [1, с. 133]; *чичер* – «резкий холодный ветер на открытом месте» [3, с. 599]; «холодная погода с дождём и мокрым снегом» [2, т. 2, с. 366];

5) отвлеченные существительные стали диалектными наименованиями таких понятий, как *погибель* («беда, несчастье»), *гребость* (в значении «брезгливость»), *удобь*

как «свойство и состояние удобного, способствующего обстоятельствам» [2, т. 2, с. 321], а также *пра* – усеченного диалектного варианта от слов «правда, право – истинно, воистину, уверяю» [2, т. 2, с. 103]: – *Мели, – буркнул дед. / – Пра* [1, с. 89]; – *Вытянул кошкин спив-то, а мы теперь без всякой гребости попьём* [1, с. 101];

б) локативы в речи персонажей не столь многочисленны, как в авторском повествовании. Это распространенное в словаре Есенина *кулижка* («часть улицы перед домом, большая лужайка в селе» [2, т. 1, с. 390]), а также *сушило*, *каморочка* и безаффиксный субстантив женского рода *околь*, производный от служебной части речи, предлога, также представленного в тексте: – *Ну, а моя околь, – протянул Филипп* [1, с. 75];

7) лексика покосной семантики также незначительна по количеству в речи персонажей и представлена словами *отава* и *навильник*: – *...Она, вешняя отава-то, мягче будет и съедобней...* [1, с. 46]; *отава* – «травя, растущая после первого укуса» [2, т. 1, с. 545].

Не нашли широкого применения в речи героев повести зоонимы, фитонимы, обозначения ландшафтных особенностей и др. По нашему мнению, это вполне объяснимо, так как широкое присутствие данных диалектных слов в авторском повествовании служит задачам описания действительности, создания пейзажных и бытовых зарисовок. Тогда как другой категории слов свойственна антропоцентричность живой разговорной речи, направленность на взаимодействие с собеседником, а также необходимость идентификации и наименования предметов быта в повседневной коммуникации.

Значения оставшихся местных существительных определяются бытовым окружением крестьян, обозначают понятия, близкие для них, повседневные, привычные: *зубок*, *вестка*, *засычка*. Диалектные существительные могут приобретать переносное значение, а также входить в состав устойчивых сочетаний: – *Ах ты, юрлов купырь! – ухмыльнулась Просинья* [1, с. 79]; *купырь* – «растение из семейства зонтичных» [2, т. 1, с. 391]. – *Что ты, родимец те сломай, уродуешь его, – подбежала какая-то баба* [1, с. 87]; *родимец* – «падучая младенцев, воспаление мозга с корчами; здесь: бранное слово» [2, т. 2, с. 166].

Таким образом, среди диалектных существительных авторского повествования можно отметить не только количественное превосходство, но и более значительное семантико-групповое разнообразие, широкий охват различных сфер жизнедеятельности. Для речи персонажей больше характерна экспрессивность, оценочность слов. Ярким показателем «разговорных» диалектизмов являются оценочные уменьшительно-ласкательные суффиксы: *зазуленька*, *подожочек*, *каморочка*.

Глаголы – одна из наиболее значимых частей речи в творчестве С.А. Есенина – занимает второе место по употребительности в авторском тексте и лидирует среди диалектных слов персонажей. Группа включает и отглагольные образования – причастия и деепричастия, так как их семантика в итоге восходит к семантике глагола, от которого они образованы.

Местные глагольные образования составляют значительную часть творчества С.А. Есенина, игнорировать которую не представляется возможным. Н.И. Демидова в своей статье [6] отмечает, что в стихах С.А. Есенина диалектная речь рязанского края привнесла многие формы глаголов (типа *поспеть*, *погинуть*, *стряхать* и др.). Расширяя высказанную мысль, можно констатировать, что не только в стихах, но и в художественную прозу, то есть в значительную часть всего творческого наследия поэта.

В *речи автора* преобладают областные словоформы со значением производимого звука. При этом крайне разнообразными предстают глаголы с семантикой:

– человеческого звукопроизводства (звуки и проявления речи, высказывания речи): *забуробить*, *выгаркивать*, *забурукать*, *затонакать*, *шумнуть*. Например: *затонакать* – в контексте повести: «забурчать, забормотать» [2, т. 1, с. 285] (*Скоро оравами затонакали мужики...* [1, с. 68]);

– звуков, воспроизводимых объектами живой и неживой природы. На страницах повести «Яр» создается целый звуковой фон, в котором стрекозы чирикают, филин ухает, кузнечики кулюкают, сова, вербы и вода шомонят: *На плесе шомонили вербы...* [1, с. 58]; *...И шомонил притулившийся в траве ручей* [1, с. 97]. Порой звуки леса являются

следствием определенного физического воздействия на объект, поэтому семантика звукового воспроизведения носит сопровождающую роль: *В коряжнике хрястнули сучья, и в мути месяца закружились распыленные перья* [1, с. 9].

Совмещающей в себе признаки названных двух групп глаголов является лексема *гаркать/гаркнуть*. Она встречается в повести многократно, относится не только к человеческим проявлениям речи, но, входя в состав сравнения, описывает звуки птицы иволги и характеризуется наличием оттенков значений.

Можно утверждать, что С.А. Есенин не только обладал значительным словарным запасом, но и чутким музыкальным слухом, способным улавливать, вычленять и разграничивать оттенки звуков, окружающих его, звуков природы и ее части – человека. Поэт, как самобытный представитель своего этноса, выступает выразителем богатой звуковой, интонационной, смысловой системы существующего говора.

Среди остальных лексем данной группы присутствуют глагольные формы со значением:

- конкретного физического действия (*завастривать, рассучивать, пристиснуть, почомкаться, сгорстать*), иногда сопровождаемого звуковым сопровождением (*байкать, посунив*). Например: – *Костя, – пристиснула она его голову, – милый, не уходи* [1, с. 120];

- слухового восприятия (*допрянуть*): *Вдруг до него [Филиппа] допрянул рассыпавшийся топот и сдавленные голоса* [1, с. 107];

- местоположения и перемещения в пространстве (*подстревший, пострять* и его причастная и деепричастная формы). *Чукан, кусая ошейник, скулил и царапался в пострывшее на проходе ведро* [1, с. 9];

Фигурирует в повествовании автора глагол с безличным значением (*зарило*), а также диалектный вариант устойчивого сочетания – *напрянуть уши* (ср.: *наострить уши*).

Анализ глагольных диалектизмов в *речи героев* показал более широкое тематическое разнообразие и значительные семантические отличия.

Глаголов звукопроизводства здесь существенно меньше. При этом глаголы речи раз-

нообразны и входят в синонимический ряд (*казать, баять, грить, гуторить*). Наряду с другими словами и их звуко-буквенным оформлением они служат приемом идентификации персонажа, то есть выполняют моделирующую и характерологическую функции. Например, неоднократно используемое в повести *грить* в сочетании с передачей звукового оформления некоторых слов на письме (*сичас, к ирхирею, пожжай* и др.) становится отличительной приметой речи деда Иена: – *Позвал поп работника Ивана и грить ему так...* [1, с. 78]. Выступает оно и в качестве формы 3 лица глагола настоящего времени и в функции вводного слова: *«Дело, грить, делаю: Сова сичас утонула»* [1, с. 90].

Производителем действия остальных глаголов этой подгруппы также является человек: *сычаться* – «здесь: лезть, выступить» [2, т. 2, с. 277] (– *Ты всё сычишься наперед, – обидчиво дёрнул губами Федька* [1, с. 55]); *поязан* – от гл. *поязать*: *обещан* [2, т. 2, с. 103] (– *Коли поязано, так давай-подавай* [1, с. 100]). Таким образом, можно увидеть, что в речи персонажей отсутствуют глаголы с семантикой звуков, воспроизводимых объектами живой и неживой природы. Объясняется это разными задачами авторской и диалогической речи, что соответствует общезыковой тенденции.

Самой многочисленной подгруппой в языке персонажей стали акциональные глаголы со значением конкретного физического действия: – *Навивать копна станешь* [1, с. 96]; *навивать* – «вилами нагружать, укладывать сено, солому» [2, т. 1, с. 458]; – *Не вызрела ещё, нагнулась Лимпиада, – зря напушил только* [1, с. 99]; *напушить* – «рассыпать, обсыпать чем-то» [2, т. 1, с. 468]. Сюда были включены лексемы, удовлетворяющие требованиям «наличия одушевленного производителя действия», наличия материального «объекта, на который направлено действие» и наличия «изменений в объекте как результата совершённого воздействия» [7, с. 6]. Преобладание обозначенной категории глаголов в данном случае оправдано деятельностью-бытовой направленностью жизни сельчан – героев произведения. Подобные глаголы отражают различные стороны труда как доминантной и исторически первоначальной формы деятельности людей. Они

преобладают и в общезыковой практике. Таким образом, прослеживается характерная для лингвистической картины тенденция.

Глаголы со значением перемещения в пространстве содержат не только информативную составляющую (*заблудись, спяшишь*), но и экспрессивно-оценочные оттенки, отношение говорящего к действию, переносные значения (*пшёл, брыкнуться, тулился, хлыщет*): – *Липка-то, чай, всё за ребятами хлыщет, – протянул он [Ваньчок], разглаживая бороду* [1, с. 102]; хлыстать – «таскаться» [2, т. 2, с. 344].

Не менее важны и содержательны в экспрессивном отношении глагольные формы эмоционально-поведенческой семантики, не ориентированные на объект: *хрундучить, крушиниться, спугаться, болезновать*; эмоционально-физического воздействия, направленного на другого человека: *потращать, пожалиться, зманывать, замануть*.

Среди прочих значений отметим глаголы слухового восприятия (*послухать, прослышать, чуют*), прекращения бытия (*окадычиться, погнунуть*), глаголы со значением ментального действия (*сумлеваться, сгадать*), неакциональный глагол состояния (*зорить*).

В единичном случае зафиксирован неполнозначительный глагольный диалектизм *займаться* («выполнять какую-либо работу, делать что-то» [2, т. 1, с. 264]), не образующий самостоятельного компонента предложения: – *Так, так, – кивал головой конюх, – сказывают, охотой занимается ещё* [1, с. 71].

Императивная форма глагола *небось*, будучи омонимом к вводному слову, в значении сказуемого в словаре Г. Шипулиной помечено как устаревшее, областное и соответствует общелитературному «не бойся»: – *Небось, – выпятив отвислую грудь, ответила кухарка...* [1, с. 25].

Прилагательные, как один из составных элементов создания экспрессии, также употребительны в пласте диалектной лексики С.А. Есенина. Распространённость их в тексте, возможно, объясняется тем, что «в современном русском языке имена прилагательные – это самая многочисленная после имен существительных армия слов» [8, с. 158].

Можно полагать, что аналогичная ситуация представлена в диалектной среде.

Прилагательные функционируют во всех говорах как самостоятельная лексико-грамматическая категория, включающая качественные, относительные и притяжательные образцы слов. В авторской речи собственно диалектных вариативных и иных необщелитературных модификаций словоизменения прилагательных не выявлено. В повествовании автора такие варианты не вписывались бы в систему нормативного кодифицированного русского языка, образцом которого и являются произведения классиков литературы. Они характерны для речи персонажей и выполняют характерологическую и моделирующую функции.

Большое число прилагательных в русском языке и в диалектах, в частности, определяется исторически. Главным их критерием считается атрибутивность, признаковость, установление качества субстанции, которое определяется как «основная категория в характеристике вещного мира» [9, с. 26]. Они выступают ключевым репрезентантом русской языковой картины мира и отображают этнокультурную уникальность русского народа [10].

Диалектной лексике свойственна конкретизация понятий, обрисовывающих специфику природных условий, своеобразие хозяйственной жизни, наименований качеств живых существ, что вызвано необходимостью точнее охарактеризовать явление, лицо или предмет с какой-либо стороны, подчеркнуть его выраженные особенности. Это позволяет соотнести обнаруженные в повести в *речи автора* прилагательные со следующими характерологическими ячейками, связанными с конкретным выражением признака:

1) слова, характеризующие внешние качества человека, животного, предмета. Это визуальные и визуально-тактильные характеристики: *корюзлый, мухортый, мохростый*. – *Придут, – говорил он, глядя мухортую собаку* [1, с. 34]; мухортый – «невзрачный, захудалый» [2, т. 1, с. 445]. Иногда такие слова появляются благодаря сходству с кем- или чем-либо: *Клубоватой дерюгой на снегу застыли серые следы* [1, с. 10]; клубоватый – похожий на клубок, шаровидный [1, с. 380]. Порой возникает сложный визуаль-

ный образ, на который накладывается семантика следствия, а порой и цветовые нюансы и даже ароматические. Таково прилагательное *копотный*, заключающее в себе значение «дымный, закопчённый» [2, т. 1, с. 365]: *Филипп стал на лавочку и обмел на потолке копотные паутины* [1, с. 129];

2) слова, называющие физические характеристики, способности: *вьюркий, водяниковый. Вьюркие щуки, ударяя в стенки мешка, щекотали ему колени* [1, с. 51]; *вьюркий* – «быстрый, вёрткий» [2, т. 1, с. 154];

3) природные явления: *леденелый, морочный. ...Сквозь леденелые стволы осинника показались Ваньчок и Филипп* [1, с. 13]; *леденелый* – «покрытый льдом» [2, т. 1, с. 399];

4) цветовые характеристики: *пегасый, красниковый. Поп глянул на сочную, только вынутую из рассола ветчину и ткнул в красниковую любовину пальцем* [1, с. 16]; *красниковый* – «нежно-розового цвета» [2, т. 1, с. 375];

5) слова, называющие целевое назначение предмета: *Она [тётка] надела новую шубейку, покрыла белую тужильную по покойному мужу косынку и пошла свахой* [1, с. 118]; *тужильный* – «белая косынка, которой женщины покрывают головы в знак траура» [2, т. 2, с. 308];

6) ландшафтное своеобразие: *Пасик — еланка и орешник, место буерачное и неприглядное* [1, с. 66];

7) внутренние качества людей, где к тому же наблюдается перенос значения. Ср: ухабистый мужик – ухабистые канавушки. Или: *наянный* – «нахальный, навязчивый, надоедливый» [2, т. 1, с. 475]: *Подсела к Епишке девка какая-то, наянная такая, целоваться лезет* [1, с. 139];

8) слова, которые называют конечное состояние объекта. Такие словоформы имеют ярко выраженную «отглагольность», близки причастиям, иногда имеют соответствия в общелитературном языке, воспроизводимую при замене суффикса. Ср: *сдохлый* – *сдохший*. По семантике они близки прилагательным со значением внешних характеристик. Однако в данной группе четко прослеживается значение результативности, тогда как собственно атрибутивность, признаковость уходит на второй план: *Из сеней выбег попов работник, помог ему [дружке] нести и ввел в*

сдохлую от телячьей вони кухню [1, с. 15]; *сдохлый* – «сгнивший, испортившийся; провонявший» [2, т. 2, с. 201].

Реплики героев повести не столь насыщены словами описываемой части речи. Речь жителей села, как правило, не отличается богатой живописательностью окружающих явлений. Однако ей свойственны точность характеристик, вычленение особенностей личности или предмета, лаконичность формулировок и наименований. Отсюда, по нашему мнению, значительно суженная, по сравнению с авторской, категоричность. Так, общее количество обнаруженных в речи героев прилагательных целесообразно распределить всего на 2 семантические категории. Это:

1) характеристика внешних, поведенческих, сущностных качеств субъекта и его физических способностей: *болезный, нехолявый, вострый* (в переносном значении: *проворный, бойкий*), *бесталанный, балмошный. – Поди, закуси малость, небось ведь намытарился, болезный* [1, с. 133]; *болезный* – вызывающий сострадание, жалость. Такие прилагательные призваны выполнять оценочную, характерологическую функцию. Они дают понятие как о внешнем облике человека, так и его умственных, душевных, психических и иных качествах, чертах характера и т. п.;

2) цветовое своеобразие предмета: *– ...А она всё бурдовым платком закрывалась* [1, с. 47]; *бурдовый* – «от бурда – мутный напиток и бордовый – тёмно-красный: обозначение цвета» [2, т. 1, с. 71].

Четвёртыми по частоте функционирования оказались **наречия**.

Наречие характеризуется неизменяемостью, неоднородностью морфологического строения и семантики, изменчивостью, зыбкостью границ.

Почти все *авторские* адвербиальные слова относятся к разряду определительных, которые характеризуют действие или признак со стороны его качества, количества и способа совершения.

Группа определительных («собственно-характеризующих» [11, с. 11]) наречий включает в свой состав:

– качественные наречия, образованные от соответствующих прилагательных и в

большинстве своем предполагающих синонимические соответствия в литературном языке: *лазушно, наянно, болезно, гаркло, мохрасто* и др. – *Ух, ух, – лазушно хлопал крыльями сыч* [1, с. 33]; лазушно – «докучливо, надоедливо» [2, т. 1, с. 396];

– наречия образа и способа совершения действия: *взнамёт, телешом. Филипп скинул с себя одежду и телешом бросился на мост* [1, с. 85].

Обстоятельственные наречия, определяющие пространственные отношения, – это отыменное наречие *вдогонь* и местоименное наречие *оттолева*. Е.В. Бочкарёва в своем диссертационном исследовании называет их транслокативными (или куда-, откуда-наречиями) [12, с. 8].

По-иному распределяются областные наречия в *диалогической* речи. Качественные наречия представлены парой примеров: забольно – «навязчиво, сильно» [2, т. 1, с. 254]: – *И забольно так по впадинам череда разит* [1, с. 74]; мускорно – «трудно, однообразно» [2, т. 1, с. 444]: – *Знамо, теперь нам мускорно* [1, с. 62].

Но очевидно преобладание обстоятельственных наречий времени (указывают на этапы совершения действия, порядок следования, обозначают их границы) и места (обрисовывают направление следования, выполняют локативную функцию, указывая на местонахождение субъекта или объекта): *давеча, исперва, оттулева, тудылича, этось*: – *Я в кусты, он за мной, я к лошади, и он туды...* [1, с. 92].

Очевидно, что в диалектной картине мира Есенина-автора прослеживается общезыковая тенденция преобладания определительных качественных наречий. Они наиболее стилистически активны, выступают в речи ярким источником экспрессии. При помощи подобных наречий-эпитетов повествователь рисует эмоциональные образы природы и человека. Их доминирование среди других групп наречий в авторском повествовании мотивировано, поскольку их выразительно-изобразительные возможности весьма широки. В то же время чисто информативная функция обстоятельственных адвербиальных слов является более значимой для речи персонажей, где они выполняют важную идейную функцию обрисовки пространственно-

временных границ действия героев. Не случайно С.А. Есенин уделяет большое внимание подробному описанию местонахождения и времени совершения событий. Так, по наблюдению Е.А. Самоделовой, композиция произведения «выстроена согласно аграрно-православному календарю» [13, с. 83]. В повести легко определяется место и период действия ключевых событий.

Категория **служебных частей речи** представлена в повести преимущественно в репликах персонажей, поскольку традиционно они являются характерной принадлежностью разговорной речи. В *авторском повествовании* обнаружен 1 пример диалектной служебной части речи – это предлог (*околь*), имеющий в тексте омоним-существительное: *Околь бурьги, посыпаясь белою пылью, ваялся черно-рыжий пестун* [1, с. 10].

В *диалогах героев* служебные части речи отмечены наличием частиц (*разя, дакось, ай*), союзов (*ай, али, покуль*), предлога (*до*): – *Дакось я те стану ковырять морду-то!* [1, с. 87]; – *Ай и скупицики были?..* [1, с. 30]; – *Покуль я развязывал, он ему штурк пять вознал* [1, с. 50]; – *Ой, не ходила бы девка до мельника* [1, с. 143].

Как видно, преобладающей категорией областных слов в повести становятся существительные, что соответствует общедиалектной ситуации в русском языке. Двукратное превосходство авторских диалектных существительных над персонажными объясняется задачами описания ситуаций, объектов природы и бытовой сферы, обрисовки общей картины предметной, «приземлённой» жизни села. Тем же задачам служит и преобладание глаголов со значением звукопроизводства. Языком жителя села автор стремиться изобразить не только предметно-зрительную сторону жизни, но и донести до читателя, «заставить» услышать, почувствовать звуковой облик мира, в котором сосуществуют и растения, и животные, и сам человек со всем многообразием слухо-производительных возможностей, оттенков, переливов, нюансов. Это и богатство речевых интонаций, с точностью воспроизведенных в тексте, и музыкальный потенциал, и звуковая картина, составляющаяся, как мозаика, из повседневных звуков дома, двора, выходящая в более широкое пространство полей и лесов.

Широкое использование диалектных словоформ практически всех частей речи нельзя назвать простым нагромождением с целью показа народного быта. Оно лишено «искусственности», декоративности, нарочитой «придуманности», присущей ряду представителей крестьянской прозы. Это результат продуманного отбора речевых средств, свойственных носителю «духовных ценностей русской культуры, закрепившему в языке многовековой опыт, наблюдательность, образное освоение действительности» [14, с. 146].

Соответственно, в тексте, помимо моделирующей, характерологической, номинативной функций реализуются следующие функции диалектизмов:

– кульминативная. Используется для привлечения внимания читателя к слову,

часто «через приём нарушения цельности графического образа слова, то есть отступления от правил орфографии или грамматики» [15, с. 65];

– фатическая функция связана с образом автора – человека из народа, не только хорошо владеющего народным языком как знаковой системой, но способного изменять и образовывать новые формы, грамматические и семантические варианты слов; наконец, близкого своим героям;

– эстетическая и сопряженная с ней метаязыковая функция как сосредоточение внимания читателя на слове как таковом пронизывают всё творчество С.А. Есенина, сумевшего органично соединить литературный языковой материал с некодифицированной разновидностью национального языка.

Список литературы

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. 1997. 560 с.
2. Шипулина Г.И. Словарь языка Есенина: художественная проза: в 2 т. Баку: Мутарджим, 2015. Т. 1: А-О. 563 с.; Т. 2: П-Я. Приложения. 506 с.
3. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовета. М.: Наука, 1969. 612 с.
4. Осипова Е.П. Лексика рязанского народного костюма в поэзии С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 84-91.
5. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2014. 719 с.
6. Демидова Н.И. Диалектная речь рязанского края в поэтическом творчестве С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2005. № 3. С. 10-18.
7. Скребцова Т.Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996.
8. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 237 с.
10. Драчева Ю.Н. Структурно-семантические особенности наречий в современных вологодских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011.
11. Климова Ю.А. Русские имена прилагательные: атрибутивная картина мира // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 69. С. 122-127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-imena-prilagatelnye-atributivnaya-kartina-mira> (дата обращения: 24.01.2018).
12. Бочкарёва Е.В. Наречие в донских говорах: лексико-семантический и структурный аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
13. Самоделова Е.А. С.А. Есенин как собиратель, исследователь и интерпретатор фольклора // Современное есениноведение. 2010. № 15. С. 77-86.
14. Кононенко Л.А., Шадрин М.Г. Художественные функции диалектного слова в прозе С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2006. № 5. С. 142-146.
15. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. 510 с.

References

1. Yesenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 5. Proza* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 5. Prose]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1997, 560 p. (In Russian).

2. Shipulina G.I. *Slovar' yazyka Esenina: khudozhestvennaya proza: v 2 t.* [Dictionary of Yesenin's Language: Fictional Prose: in 2 vols.]. Baku, Mutardzhim Publ., 2015, vol. 1: A-O, 563 p.; vol. 2: P-Ya. Supplements, 506 p. (In Russian).
3. Ossovetskiy I.A. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of Modern Russian Folk Patois (Village Deulino of Ryazan District of Ryazan Region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 612 p. (In Russian).
4. Osipova E.P. Leksika ryazanskogo narodnogo kostyuma v poezii S.A. Esenina [Vocabulary of Ryazan folk costume in the poetry of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2008, no. 9, pp. 84-91. (In Russian).
5. Yesenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete Works in 1 vol.]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2014, 719 p. (In Russian).
6. Demidova N.I. Dialektная rech' ryazanskogo kraya v poeticheskom tvorchestve S.A. Esenina [Dialect speech of the Ryazan Region in the poetic works of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2005, no. 3, pp. 10-18. (In Russian).
7. Skrebtsova T.G. *Semantika glagolov fizicheskogo deystviya v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Semantics of Physical Action Verbs in Russian Language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 1996. (In Russian).
8. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian Language (Grammatical Study About the Word)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001, 720 p. (In Russian).
9. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2004, 237 p. (In Russian).
10. Dracheva Y.N. *Strukturno-semanticheskiye osobennosti narechiy v sovremennykh vologodskikh govorakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Features of Adverbs in Modern Vologda Patois. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Vologda, 2011. (In Russian).
11. Klimova Y.A. Russkiye imena prilagatel'nyye: atributivnaya kartina mira [Russian adjectives: attributive picture of the world]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 2008, no. 69, pp. 122-127. (In Russian). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkiye-imena-prilagatelnye-atributivnaya-kartina-mira> (accessed 24.01.2018).
12. Bochkareva E.V. *Narechiye v donskikh govorakh: leksiko-semanticheskiy i strukturnyy aspekt issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Adverb in Don Patois: Lexical-Semantic and Structural Aspects of the Study. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2008. (In Russian).
13. Samodelova E.A. S.A. Esenin kak sobiratel', issledovatel' i interpretator fol'klora [S.A. Yesenin as a collector, researcher and interpreter of folklore]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2010, no. 15, pp. 77-86. (In Russian).
14. Kononenko L.A., Shadrina M.G. Khudozhestvennyye funktsii dialektного слова v proze S.A. Esenina [Artistic function of dialect word in the prose of S.A. Yesenin]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Yesenin Studies], 2006, no. 5, pp. 142-146. (In Russian).
15. Samotik L.G. *Leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary of the Contemporary Russian Language]. 2nd stereotype ed. Moscow, Flinta Publ., 2012, 510 p. (In Russian).

Информация об авторе

Логачева Елена Владимировна, преподаватель. Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова, г. Рязань, Российская Федерация; аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация. E-mail: logacheva81@gmail.com

Вклад в статью: анализ литературы, сбор данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>

Поступила в редакцию 24.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.05.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Elena V. Logacheva, Lecturer. I.P. Pavlov Ryazan State Medical University, Ryazan, Russian Federation; Post-Graduate Student, Russian Language and Methods of Its Teaching Department. Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation. E-mail: logacheva81@gmail.com

Contribution: literature analysis, data acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7321-0290>

Received 24 April 2019

Reviewed 16 May 2019

Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-293-305
УДК 81.374

Концепция разработки и создания цифрового академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ)

Сергей Владимирович ЛЕСНИКОВ

ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук»
199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>, e-mail: serg@lsw.ru

The concept of developing and creating a digital academic vocabulary corpus (AVC) of the Russian language (RL)

Sergey V. LESNIKOV

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
9 Tuchkov Ln., St. Petersburg 199053, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>, e-mail: serg@lsw.ru

Аннотация. Рассмотрены академические толковые словари русского языка (РЯ) как основа академического (автоматизированного, архивного) словарного (системного) корпуса (конкорданса, кортежа, компедиума) (АСК) [1–6] РЯ, а также алгоритм, концепция и принципы разработки и создания АСК РЯ. АСК конструируется в форме ГИЗАУРУСА (гипертекстового тезауруса) [7; 8] в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей, что позволит посредством соответствующей классификации и систематизации, дигитализации и ретроцифровизации академических толковых словарей РЯ структурировать и объединить лексикографические материалы, обеспечив тем самым их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии. Научная значимость АСК определяется необходимостью централизованного описания русской лексики, так как многочисленные разработки в исследуемой области, каждая в отдельности имеют собственные задачи и направления исследования, что не позволяет увидеть полную языковую картину РФ, которую может показать информационно-поисковый (ИП) АСК. Для этой цели предполагается смоделировать, разработать и создать работоспособный интерактивно пополняемый ИП АСК РЯ, позволяющий объединить в единую базу различные лексикографические источники.

Ключевые слова: база данных; гизаурус; гипертекстовый тезаурус; метаязык; искусственный интеллект; корпус; лексикография; лингвистика; поиск; русский язык; словарь; справочник; текст; энциклопедия

Для цитирования: Лесников С.В. Концепция разработки и создания цифрового академического словарного корпуса (АСК) русского языка (РЯ) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 293-305. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-293-305

Abstract. We consider the academic explanatory dictionaries of the Russian language (RL) as the basis of academic (automated, archival) vocabulary (systematic) corpus (concordance, tuple, compendium) (AVC) [1–6] of the Russian language, as well as the algorithm, concept and principles of development and creation of academic vocabulary corpus of the Russian language. Academic vocabulary corpus is constructed in the form of HYSURUS (hypertext thesaurus) [7; 8] in a non-linear form, taking into account relational, hierarchical and network paradigmatic relations, which will allow to structurize and integrate lexicographic materials through suitable classification and systematization, digitalization and retrodigitization of academic explanatory dictionaries of the Russian language, thereby ensuring their prompt entry into scientific circulation with the aim of optimization scientific research in contemporary lexicography. Scientific significance of the academic vocabulary corpus is determined by the need for a centralized description of Russian voca-

bulary, since numerous developments in this area have their own tasks and direction of research, which does not allow to see the full linguistic view of the Russian Federation, which the information-retrieval academic vocabulary corpus can show. For this purpose, we suppose to simulate, develop and create a workable interactively replenished information-retrieval academic vocabulary corpus of the Russian language, allowing to combine various lexicographic sources into a single database.

Keywords: database; hysaurus; hypertext thesaurus; metalanguage; artificial intelligence; corpus; lexicography; linguistics; search; Russian language; dictionary; handbook; text; encyclopedia

For citation: Lesnikov S.V. Kontsepsiya razrabotki i sozdaniya tsifrovogo akademicheskogo slovarnogo korpusa (ASK) russkogo yazyka (RYA) [The concept of developing and creating a digital academic vocabulary corpus (AVC) of the Russian language (RL)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 293-305. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-293-305 (In Russian, Abstr. in Engl.)

На современном этапе развития русского языка необходима фиксация, описание и репрезентация академических словарей и энциклопедий русского языка, так как многие культурные реалии уходят в прошлое и становятся частью истории. В связи с глобальной индустриализацией и урбанизацией лексика уходит в прошлое и уносит за собой огромный массив истории русского народа. Необходимость создания академического словарного корпуса (АСК) РЯ для обобщающего исследования русской лексики как части исторической картины нашей страны очевидна. Кроме того, получение репрезентативного академического словарного корпуса позволит предоставить квалифицированный доступ к богатству материальной и духовной народной культуры как для специалистов, так и для всех социальных групп общества, включая студентов, аспирантов, магистрантов, школьников и всех интересующихся историей и культурой нашей страны.

Под ГИЗАУРУСом понимается гипертекстовая реляционная база данных с гиперссылками (цифровой идеографический словарь, отображающий семантические отношения между лексическими единицами и предназначенный для поиска слов по их значениям) [9; 10, с. 29]. Один из основателей и идеологов Машинного фонда русского языка (МФРЯ) Ю.Н. Караулов писал: «Гипертекст – или нелинейный текст, – такая организация записи отдельных отрывков, фрагментов множества текстов (контекстов), которая позволяет комбинировать их в том или ином порядке, основываясь на задаваемых заранее переменных связях между ними, с целью получения каждый раз разных линейных последовательностей (текстов)» [11, с. 154].

При этом Академический словарно-грамматический фонд (АСГФ) «должен состоять из нескольких подфондов, число которых не следует заранее ограничивать. Одним из таких подфондов станет свод академических словарей – наиважнейших источников зафиксированных на сегодняшний день знаний о русском языке. Такой свод должен образовывать однородное семейство баз данных, в пределах которого каждый из словарей продолжал бы существование в качестве отдельной базы данных и в то же время был бы связан средствами СУБД и номенклатурой своих составляющих со всеми другими словарями. Этот объединенный словарь мог бы не только выполнять справочные функции, но и быть источником нового систематического изучения лексики» [12, с. 32]. МФ РЯ [13] формировался в виде нескольких систем комплексной автоматизации лингвистических исследований и предусматривал «накопление на машинных носителях всего лексического богатства русского языка, создание фонда лингвистических алгоритмов и программ, фонда полностью завершенных систем автоматического анализа и синтеза русского текста, нескольких информационно-справочных систем по языкознанию» [14, с. 8].

Л.В. Щерба утверждал, что в основе словарей академического типа «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [15, с. 266-267] и словарь академического типа рассматривал как нормативный, описывающий лексическую систему современного языка, то есть в нем не должно быть фактов, противоречащих современному употреблению: «к нормативному (или академическому) словарю обраща-

ются для самопроверки, а иногда и для нахождения нужного в данном контексте слова» [15, с. 267].

«Словарь должен быть достаточно полным, включающим все богатство современного русского литературного языка. Словарь должен быть историческим... Словарь должен дать всестороннюю семантическую, стилистическую и грамматическую характеристику слов: правописания, всего многообразия значений, особенностей фразеологического и стилистического употребления слов, образующую роль слова в группах родственных слов... В научном отношении Академический Словарь русского языка должен представлять собою такой источник, на основе которого в дальнейшем мог бы быть создан ряд малых словарей-справочников разного типа... Полный охват Академическим Словарем всех слов русского языка оправдывает его многотомность..., но мы не должны бояться такого объема издания, так как по своей научной значимости Словарь в этом случае будет таким фундаментальным документом, в котором будет отражена история развития русского языка за 200 лет и зафиксировано полностью все богатство содержания современного русского литературного языка»¹. «В Словарь включается лексика русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней. Поскольку задача Словаря – охватить словарное богатство русского литературного языка указанного времени, в него включаются как устойчивый, так и подвижный словарный состав. К последнему относятся устаревшие теперь слова, но бывшие употребительными в тот или иной период за охватываемую Словарем эпоху, а также слова, вновь появившиеся и вошедшие в употребление в литературном языке. Включение в Словарь устаревшей лексики, стоящей вне пределов словарных норм современного литературного языка, но употреблявшейся в литературном языке XIX и начала XX века, прежде всего, диктуется тем, что русская классическая литература является неотъемлемым достоянием современной культуры, читается и изучается широкими массами населения.

¹ Проект словаря современного русского литературного языка. Москва; Ленинград: АН СССР, 1938. С. 3-4.

Помещение в Словаре новых слов совершенно необходимо в связи с бурным развитием... науки и техники, промышленности и сельского хозяйства и т. д., находящим свое отражение в непрерывном обогащении лексики современного литературного языка.

Новые слова, получающие общелитературное значение, нуждаются в филологическом объяснении и регистрации в академическом толковом словаре»².

«Академический словарь, как и любой словарь – это вид информационного справочного издания. Не случайно словарь, переведенный на ЭВМ, при наличии комплекса программ быстро превращается в автоматизированную информационно-справочную систему.

И в этом отношении академический словарь представляет собой вторичный текст, вторичный документ по отношению к своему первичному объекту – текстам. Тексты первичны, словарь вторичен.

По самой своей специфике толковый академический словарь – это многогранное и, главное, разноаспектное, полипараметрическое описание языковых фактов текстов.

Слово в языке, слово в его употреблении и в текстах описывается в академическом словаре исходя из самых разных лингвистических дисциплин (лексикология, грамматика, стилистика, литературоведение), а иногда и с разных исследовательских позиций. Однако именно в этом и состоит главное достоинство такого словаря, таким он и должен быть. Любой алфавитный академический словарь – это своеобразная многосторонняя лингвистическая энциклопедия слова.

При этом и в зарубежной лексикографии наблюдается вполне закономерная тенденция к увеличению числа параметров описания слова в словаре; и это понятно – чем больше параметров, тем шире информационный диапазон словаря и круг потребителей самого словаря» [16, с. 73].

В качестве основы АСК РЯ предполагается использовать оцифрованные академические толковые словари РЯ, изданные Императорской АН, АН СССР, РАН (315 томов, выпусков, частей) (подробнее см. [17]). Здесь

² Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах). Москва; Ленинград: АН СССР, 1958. С. 10.

самые значительные и объемные: **Словарь русского языка** (1891–1937, 53 вып.); **БАС1** Словарь современного русского литературного языка (1948–1965, 18 тт.); **БАС2** (1991–1994, 6 тт.); **БАС3** (2004–2017, 24 тт.); **СРНГ** Словарь русских народных говоров (1965–2018, 51 вып.) [18]; Словарь русского языка XI–XVII (1975–2015, 30 вып.); Новые слова и значения (1977–2014, 24 тт.) [19]; Словарь русского языка XVIII века (1984–2013, 20 вып.).

Основной задачей создания академического словарного корпуса русского языка на основе академических толковых словарей является развернутое описание употребления русской лексики, а также показ лексического и семантического богатства русского языка во всем его многообразии за последние несколько веков, что, безусловно, будет способствовать повышению культуры в русской речи не только в нашей стране, но и во всем мире, что налагает особую ответственность на авторов-составителей и редакторов АСК РЯ на отбор академических толковых словарей РЯ (изданных Императорской АН, АН СССР, РАН), и при этом должен быть безупречным: язык толкований значений слов, иллюстраций, фразеологизмов и речений; отбор цитатного материала, показ сочетаний слов и т. д.

В основе концепции (определяющей цель и содержание) разработки и создания АСК лежат следующие принципы:

1) при отборе лексикографического материала – максимально полный охват слов и выражений и их значений из разнообразных корпусов словарей и текстов с использованием современных информационных ресурсов;

2) на уровне макроструктуры АСК – тезаурусный, тематический, идеографический и концептный принципы систематизации материалов по категориям, разделам и рубрикам;

3) на уровне микроструктуры АСК – расширенные зоны: вокабулы (заглавного слова, лемм, вариантов лексических единиц); значения (дефиниции, изъяснения, интерпретации) и полисемии (многозначности, оттенков значения, переносных значений, отсылочных значений); комментарии и иллюстраций семантики лексических единиц русского языка.

Концепция АСК предполагает гипертекстовое, интегральное, всестороннее, единооб-

разное и кумулятивное описание и представление лексических единиц русского языка.

В основе проекта разработки и создания АСК лежит идея комплексного многоаспектного лексикографического описания системы русского языка, включающей предметный, географический, грамматический, исторический, источниковедческий, прагматический, семантический, стилистический, фонетический, этимологический и другие аспекты и отражающей реальную лексико-грамматическую структуру лексических единиц во всем многообразии.

При формировании АСК выдерживаются следующие принципы:

– нормативность, системность [20] и интегральность;

– актуальность, проверяемость и реальность источников лексических единиц;

– а) функциональность (совместное рассмотрение структуры и системы многоаспектного поиска с приоритетом функций над структурой);

– целенаправленность с выделением глобальной цели (оптимальность подсистем не является оптимумом для системы поиска);

– единство (совместное рассмотрение системы как целого и как совокупности частей; синхрония, диахрония и панхрония) и единообразие;

– развитие (учет изменяемости системы, ее способности к развитию, накоплению информации с учетом динамики окружающей среды, напр., использование статистики пользовательских запросов и новых лексикографических источников);

– иерархичность (учет использования соподчинения и ранжирования частей, напр., систематизация по тематическому, хронологическому и частотному параметрам) и структурность (напр., структурные уровни языка: графический морфологический, семантический, синтаксический, фонетический, этимологический);

– агрегирование (объединение и укрупнение значений);

– децентрализация (распараллеливание запросов по распределенным на разных серверах лексическим базам данных);

– неопределенность (по возможности учет вероятностного наступления события, напр., за счет накопления статистики).

Кратко изложим алгоритм разработки и создания АСК.

1. Анализ современного состояния корпусной лингвистики (анализ существующих словарных источников и потребностей адресата – конечного пользователя АСК) [21]. Выбор источников и кластеризация предметной области. При выборе источников учитывается:

- наиболее точное соответствие лексического материала предметной области [8];
- технологическая насыщенность и важность источников.

Разработка многоуровневой структуры (макроструктура – композиция, внутренняя организация, принципы отбора источников; микроструктура и мультимедиоструктура) и параметров АСК [22]. Конструирование интерактивного отображения словарных статей АСК, то есть интерфейса (напр., краткий свернутый, развернутый с иллюстрациями, контекстами и иллюстрациями, расширенный – полный, многоязычный).

Эксплицирование метаязыка АСК [23; 24].

2. Аналитико-теоретическая разработка алфавитно-пермутационного, базового, генерального, предметного и др. словников (аскрипторы, дескрипторы, доминанты, лексические единицы, одиночные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия); именные словосочетания; лексически значимые компоненты сложных слов; сокращения слов и словосочетаний; реляторы; термины и терминологизмы; фразеология и поговорки) [25].

В Генеральный словник входят вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове, а также включается информация не столько по электронным версиям первоисточников, которые загружены в словарную базу данных, так как такие вокабулы и так найдутся по запросу «целиком слово», сколько по словникам книжных (бумажных) словарей и словникам других словарных порталов.

Идея Генерального словника РЯ восходит к научной программе «Машинный фонд русского языка (МФРЯ)» [13; 14], главный конструктор которого В.М. Андрущенко предполагал, что первым компонентом МФРЯ «является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан

как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, и других «словнико-подобных» словарей, таких как «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, Орфографический словарь и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, то есть слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определенного лексического значения, а его атрибутами – номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов – имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-либо объектов – словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т. п. Очевидно, что многоаспектный поиск по заданным значениям атрибутов с соответствующими логическими условиями может давать ответы на такие запросы, как: «Найти перечень словарных статей определенных словарей, для которых имеется информация в терминологической базе данных», «Найти значения вокабулы, стилистически маркированные в словарях», «Найти все глаголы с дефектными парадигмами и сопоставить структуры их словарных статей» и т. п.» [12, с. 31]. «Важная часть словарной работы – отбор лексики в толковый словарь... Поскольку словники различных, в том числе и толковых, словарей русского языка не совпадают, представляется целесообразным создание справочника, в котором бы все словники наиболее значительных словарей были и объединены... Таким справочником является Сводный словник словарей русского языка... Сводный словник словарей русского языка может стать основой для Генерального словника в машинном фонде лексики, создаваемом на основе словарей» [26, с. 64-65].

3. Выявление семантических полей посредством определения кортежей условной эквивалентности [27]; использование фреймового подхода [27; 28] для реализации гизауруса (гипертекстового тезауруса [29]). Распределение лексических единиц по семантическим, тематическим, идеографическим полям (зонам, параметрам).

4. Установление парадигматических (способы выражения: аналитический, графический, лексикографический, табличный), иерархических, ассоциативных, грамматических, межъязыковых, семантических... связей [30]. Исследование денотативно-сигнификативных, синтагматических и экспрессивно-прагматических характеристик лексических единиц.

5. Автоматизирование процесса создания словарных статей и лексико-систематических (тематические, категориальные, смешанные), пермутационных, иерархических и др. указателей и списков специальных категорий лексических единиц (ЛЕ) (общие категории: названия дисциплин и отраслей деятельности; предметы, материалы; методы, процессы, операции, явления; свойства, величины, параметры, характеристики; отношения, структуры, модели, законы, правила, абстрактные понятия) [31].

6. Автоматизация процессов построения АСК: а) частотный, статистический, компьютерный, математический анализ; б) коррекция словарных статей; в) сортировка словариков; г) проверка взаимности и непротиворечивости ссылок; д) составление указателей; е) конвертация в требуемых форматах и кодировках [32]. Построение гизауруса с использованием компьютеров [33] позволяет автоматизировать следующие процессы построения гизауруса [34]: частотный анализ, коррекция статей, алфавитная сортировка словарика, проверка взаимности и непротиворечивости ссылок, составление указателей, распечатка в требуемых формах [35]. Рефакторинг программного, методического, технического и организационных обеспечений АСК [36].

7. Экспертиза, регистрация, ввод АСК в научный оборот и технологическое внедрение [37].

При моделировании АСК предполагается учесть ряд обстоятельств.

1. Компьютерные словари (наследствуя недостатки книжных словарей) имеют следующие особенности и проблемы:

- неполнота генерального словарика и в целом словаря;
- трудности поддержания словаря в актуальном состоянии;

– требуют наличия специфических программных и аппаратных средств. При этом одним из главных достоинств электронных версий словарей является то, что электронные словари многофункциональны, доступны и неуклонно становятся дешевле, чем их бумажные аналоги.

2. Словник и содержимое книжных словарей в процессе постепенного и длительного их издания требует значительного дополнения, расширения и уточнения. В период моделирования АСК будут появляться новые словари РЯ, а также множество аспектных, терминологических словарей и энциклопедий, которые могут существенно обогатить АСК.

3. Дифференциальный принцип отбора словариков (нормативный, терминологический, аспектный и др.) для академических словарей, оказавшийся продуктивным при описании лексики в книжных версиях, для цифровой версии АСК не является принципиальным, так как в компьютерной форме лексическая база данных автоматически становится полной и зависит лишь от полноты введенных источников (текстов записей информантов, картотек и любых источников лексикографических материалов), что позволяет в компьютерной форме конструировать АСК в тезаурусной (наиболее полной) форме.

4. Порядок расположения фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в академических словарях, как правило, подчинен избранному для лексики словаря алфавитному или гнездовому принципам, что затрудняет поиск нужного словосочетания не только в объемных вокабулах, но и в словаре или энциклопедии в целом. Именно поэтому в АСК предполагается реализовать несколько входов: авторский, алфавитный, библиографический, через веб-интерфейс, посредством генерального словарика, географический и территориальный, гнездовой, источниковедческий, систематический и пермутационный, тематический, предметный, хронологический, а также по ключевым словам, и словосочетания и др., что безусловно по возможностям отличает АСК от книжных версий академических толковых словарей РЯ.

Среди областей применения АСК РЯ можно выделить следующие:

- составление, уточнение и оптимизация поисковых запросов;
- автоматическое выделение из текстов документов наиболее содержательных фрагментов, обеспечивающее пользователю возможность быстро просматривать массивы документов больших объемов;
- установление гипертекстовых ссылок (связей) между похожими документами и/или их фрагментами, что дает возможность пользователю, найдя один релевантный документ, запросить похожие на него документы;
- реферирование и аннотирование, редактирование текстов;
- повышение полноты и точности поиска в полнотекстовых БД на естественном языке;
- автоматизированное индексирование текстов, документов и запросов;
- анализ терминологического состава той или иной отрасли знания;
- терминологический контроль и нормализация лексики конкретной отрасли знания, обеспечение единого и формализованного представления информации в ИПС и БД/БЗ;
- эксплицитное, явное выражение парадигматических отношений, существующих между лексическими единицами.

Кроме этого, АСК РЯ может быть использован как средство:

- описания (инвентаризации) существующего уровня знаний в той или отрасли наук;
- описания истории развития специальных знаний в определенной предметной области;
- исследования особенностей развития отраслевых знаний, включая количественное исследование вклада отдельных ученых и научных школ в развитие общей теории с учетом как количества, так и новизны (в зависимости от статуса вводимого термина – основной термин или синоним уже существующего наименования понятия) и иерархического статуса понятий, вводимых соответствующим термином;
- систематизации терминологии (в тезаурусе, где система понятий эксплицитна, то есть явно выражена, иерархия понятий всегда представлена наглядно);

- стимулирования развития знаний (например, выявить пробелы (пропуски, лакуны), малоизученные понятия и «точки сгущения» в терминологических и понятийных системах, что может служить ориентиром в последующих исследованиях и позволит выявить аналогии подсистем понятий, а также определить тенденции выделения подсистем понятий и рубежи знаний, от которых возможно дальнейшее развитие данной области).

Академический словарный корпус русского языка, фактически являясь информационно-поисковой лексикографической системой, даст богатый материал для различного рода научных исследований не только в области русского языка, но и других современных языков, что в перспективе позволит на основе цифровых технологий при соответствующей классификации и систематизации словарей объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии. В итоге АСК может стать гипертекстовым, облачным, реляционно-распределенным, агрегированным репозитарием словарей, справочников, глоссариев, лексиконов, энциклопедий русского языка. АСК, учитывая академические первоисточники, фактически являясь нормативным, преследует цели справочного характера, помогая пользователям находить справки о лексических единицах русского языка, ранее эксплицитно зафиксированных в академических толковых словарях.

Практическая значимость и ценность академического словарного корпуса (АСК) толковых словарей русского языка (РЯ) определяется следующими факторами и потенциальными возможностями: а) возможность в интерактивном режиме составлять, уточнять, тем самым оптимизировать поисковые запросы; б) автоматически/автоматизированно/интерактивно выделять из АСК РЯ наиболее содержательные фрагменты, выборки и проекции, обеспечивающее пользователю возможность быстро просматривать массивы больших объемов лексикографических материалов (в частности, по некоторым параметрам, зонам и полям словарных статей или их комбинациям); в) использовать установлен-

ные гипертекстовые ссылки (связи) между похожими (снятие омонимии и разделение многозначности) словарными статьями и/или их фрагментами, что дает возможность пользователю, найдя одну релевантную лексическую единицу, запросить похожие на неё

лексемы; г) возможность реферирования и аннотирования, создания и редактирования словарных статей АСК РЯ (с фиксацией истории авторского комментирования и модификации) в интерактивном режиме в Интернете.

Список литературы

1. Лесников С.В. Академический словарный корпус (АСК) русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы 6 Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М.: МГУ, 2019. С. 213-214.
2. Лесников С.В. Академический словарный корпус (АСК) русского языка // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. ст. Минск: Беларуская навука, 2019. Вып. 16. С. 111-114.
3. Лесников С.В. Архитектура и суть информационно-поискового корпуса академических словарей русского языка // Научный обозреватель. 2019. № 3 (99). С. 25-28. URL: <https://lsw.ru/lesnikow/LesnikovNauchoboz3-2019-s25-28.htm> (дата обращения: 22.03.2019).
4. Лесников С.В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 226-257.
5. Лесников С.В. Предпосылки конструирования и базовые первоисточники академического словарного корпуса русского языка // Наука и инновации: современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума. М.: Изд-во Инфинити, 2019. Т. 2. С. 76-83.
6. Лесников С.В. Формирование терминологического фонда русского языка // Наука сегодня: вызовы и решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Вологда: ООО «Маркер», 2019. С. 98-102.
7. Булыгина Д.С., Лесников С.В. Алгоритм автоматизированного конструирования гипертекстового тезауруса (гизауруса) русского языка на основе оцифрованных словарей и справочников новых слов и значений для интерактивного лексикографического корпуса «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века» // Достижения вузовской науки 2019: сб. ст. 9 Междунар. науч.-исслед. конкурса: в 2 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. Ч. 1. С. 19-125.
8. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового генерального свода лексики русского языка: русский гизаурус // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф. М.: ОЛЯ РАН, научн. журнал «Вопросы филологии», Ин-т иностранных языков, 2001. С. 280-281.
9. Лесников С.В. Гипертекстовый информационно-поисковый тезаурус (гизаурус) «Метаязык науки» (структура; математическое, лингвистическое и программное обеспечения; разделы лингвистика, математика, экономика) // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы 5 Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М.: МГУ, 2014. С. 268-269.
10. Лесников С.В. Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002. 334 с.
11. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
12. Андрющенко В.М. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения // Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка. М.: Наука, 1986. С. 26-44.
13. Лесников С.В. Владислав Митрофанович Андрющенко – научный руководитель и консультант, главный конструктор Машинного фонда русского языка (МФРЯ) // От языковых машинных фондов к лингвистическим корпусам: памяти В.М. Андрющенко: тез. Всерос. конф. М.: МГУ; ИРЯ РАН, 2018. С. 58-60.
14. Андрющенко В.М. Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка. М.: Наука, 1989. 196 с.
15. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. (Переизд.: Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.)
16. Герд А.С. Из размышлений на пути к новому академическому словарю современного русского языка // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 72-79.
17. Лесников С.В. Академические толковые словари русского языка как ядро академического словарного корпуса русского языка // Наука и инновации: современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума. М.: Инфинити, 2019. Ч. 1. С. 38-47.
18. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Междунар. конф. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 148-149.

19. Лесников С.В. Аналитический реферативно-аннотированный обзор оцифрованных словарей и справочников новых слов и значений для цифрового лексикографического корпуса «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века // Наука и инновации: современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума. М.: Инфинити, 2019. Т. 3. С. 34-42.
20. Булыгина Д.С., Лесников С.В. Предпосылки систематизации терминов русского языка // Сопоставительная лингвистика в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. С. 64-91.
21. Лесников С.В. Типология русских словарей лингвистической терминологии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-2 (31). С. 6-10.
22. Загоровская О.В., Лесников С.В. Виды лексикографической информации в автоматическом словаре русских говоров Коми АССР и сопредельных областей // Машинный фонд русского языка: Предпроектные исследования. М.: ИРЯ АН СССР, 1988. С. 64-70.
23. Лесников С.В. Конструирование словника словаря терминов метаязыка лингвистики с помощью методики вычисления веса базисных терминов метаязыка лингвистики // Социально-когнитивное функционирование языка. Кемерово: КГУ, 2017. С. 155-170.
24. Лесников С.В. Фрагмент словаря базовых терминов метаязыка лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб., 2017. С. 335-360.
25. Лесников С.В. Основные латинские терминыэлементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Белгород: БелГУ, 2011. № 12 (107). С. 37-45.
26. Рогожникова Р.П. МФРЯ и словарное дело // МФРЯ: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 58-67.
27. Лесников С.В. Фреймовое конструирование тезауруса метаязыка лингвистики // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: ПГУ, 2011. № 4. С. 84-89.
28. Лесников С.В. Моделирование тезауруса метаязыка лингвистики на базе гипертекстовых фреймов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Киров: ВятГГУ, 2011. № 3 (2). С. 51-54.
29. Лесников С.В. Лингвистические основы информатики (теория, алгоритмы и лингвистические программы): в 2 ч. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2009. Ч. 1. 292 с.
30. Лесников С.В. Анализ парадигматических отношений лингвистической терминосистемы // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. М.: МГУ, 2015. С. 269-279.
31. Лесников С.В. К вопросу о содержании словарной статьи тезауруса метаязыка лингвистики // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово: КГУ, 2012. Ч. 4. С. 190-203.
32. Лесников С.В. Автоматизированная информационно-справочная система поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск: Магнитогорский ГУ, 2009. № 24. С. 622-630.
33. Лесников С.В. Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 200-202.
34. Лесников С.В. Базовые операторы языка поисковых запросов тезауруса метаязыка лингвистики // В мире научных открытий. Красноярск: НИЦ, 2012. № 7-2 (31). С. 39-53.
35. Лесников С.В. Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск: РАН; Аналитик, 2011. № 3 (33). С. 30-34.
36. Лесников С.В., Загоровская О.В. Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей (АСРГКА) // Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: материалы конф. М.: ИРЯ АН СССР, 1988. С. 107-119.
37. Лесников С.В. Конструирование словаря терминов метаязыка СМИ с помощью методики вычисления веса базисных терминов // Слова ў кантэксце часу: матэрыялы 4 Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння д-ра філал. навук праф. А.І. Наркевіча. Мінск: БДУ, 2019. С. 66-69.

References

1. Lesnikov S.V. Akademicheskii slovarnyy korpus (ASK) russkogo yazyka [Academic vocabulary corpus (AVC) of the Russian language]. *Materialy 6 Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [Proceedings of the 6th International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fate and Modernity"]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2019, pp. 213-214. (In Russian).

2. Lesnikov S.V. Akademicheskiy slovarnyy korpus (ASK) russkogo yazyka [Academic vocabulary corpus (AVC) of the Russian language]. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium* [Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium], 2019, no. 16, pp. 111-114. (In Russian).
3. Lesnikov S.V. Arkhitektura i sut' informatsionno-poiskovogo korpusa akademicheskikh slovarey russkogo yazyka [Architecture and essence of the information-retrieval corpus of academic dictionaries of the Russian language]. *Nauchnyy obozrevatel'* [Scientific Reviewer], 2019, no. 3 (99), pp. 25-28. (In Russian). Available at: https://lsw.ru/!lesnikow/Lesnikov_Nauchboz3-2019-s25-28.htm (accessed 22.03.2019).
4. Lesnikov S.V. Konstruirovaniye informatsionno-poiskovogo svoda akademicheskikh slovarey russkogo yazyka (Svod ASRYA) [Constructing an information retrieval corpus of academic dictionaries of the Russian language (ADRL corpus)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian National Patois (Materials and Studies)]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 226-257. (In Russian).
5. Lesnikov S.V. Predposylki konstruirovaniya i bazovyye pervaistochniki akademicheskogo slovarnogo korpusa russkogo yazyka [Prerequisites for the construction and basic sources of the academic vocabulary of the Russian language]. *Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Nauka i innovatsii: sovremennyye kontseptsii»* [Proceedings of the International Scientific Forum "Science and Innovations: Contemporary Concepts"]. Moscow, Infinity Publ., 2019, vol. 2, pp. 76-83. (In Russian).
6. Lesnikov S.V. Formirovaniye terminologicheskogo fonda russkogo yazyka [Terms fund of the Russian language development]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Nauka segodnya: vyzovy i resheniya"* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Science Today: Challenges and Solutions"]. Vologda, LLC "Marker" Publ., 2019, pp. 98-102. (In Russian).
7. Bulygina D.S., Lesnikov S.V. Algoritm avtomatizirovannogo konstruirovaniya gipertekstovogo tezaurus (gizaurus) russkogo yazyka na osnove otsifrovannykh slovarey i spravochnikov novykh slov i znacheniy dlya interaktivnogo leksikograficheskogo korpusa «Leksiko-semanticheskaya neologiya v russkom yazyke nachala XXI veka» [Algorithm for automated construction of a hypertext thesaurus (hysaurus) of the Russian language based on digitized dictionaries and reference books of new words and meanings for the interactive lexicographic corpus "Lexical and semantic neology in Russian language of the beginning of the 21st century"]. *Sbornik statey 9 Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Dostizheniya vuzovskoy nauki 2019»: v 2 ch.* [Proceedings of 9th International Scientific and Research Competition "Achievements of the University Science 2019": in 2 pts]. Penza, International Center for Scientific Cooperation "Nauka i Prosveshcheniye" Publ., 2019, pt 1, pp. 19-125. (In Russian).
8. Lesnikov S.V. Konstruirovaniye gipertekstovogo general'nogo svoda leksiki russkogo yazyka: russkiy gizaurus [Constructing the general hypertext corpus of the Russian language vocabulary: Russian hysaurus]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Yazyk i kul'tura»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Language and Culture"]. Moscow, Language and Literature Department of the Russian Academy of Sciences, Issues of Philology, Institute of Foreign Languages Publ., 2001, pp. 280-281. (In Russian).
9. Lesnikov S.V. Gipertekstovyy informatsionno-poiskovyy tezaurus (gizaurus) «Metazyk nauki» (struktura; matematicheskoye, lingvisticheskoye i programnoye obespecheniye; razdely lingvistika, matematika, ekonomika) [Hypertext information retrieval thesaurus (hysaurus) "Metalanguage of science" (structure; mathematical, linguistic and software provision; sections of linguistics, mathematics, economics)]. *Materialy 5 Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka «Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'»* [Proceedings of the 5th International Congress of Russian Language Researchers "Russian Language: Historical Fate and Modernity"]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2014, pp. 268-269. (In Russian).
10. Lesnikov S.V. *Slovar' russkikh slovarey* [Dictionary of the Russian Dictionaries]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002, 334 p. (In Russian).
11. Karaulov Y.N. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1999, 180 p. (In Russian).
12. Andryushchenko V.M. Mashinnyy fond russkogo yazyka: idei i suzhdeniya [Computer Fund of Russian Language: Ideas and Judgments]. *Kontseptsiya i arkhitektura Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Concept and Architecture of the Computer Fund of Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 26-44. (In Russian).
13. Lesnikov S.V. Vladislav Mitrofanovich Andryushchenko – nauchnyy rukovoditel' i konsul'tant, glavnyy konstruktor Mashinnogo fonda russkogo yazyka (MFRYA) [Vladislav Mitrofanovich Andryushchenko – scientific advisor and consultant, chief designer of the Computer Fund of Russian language (CFRL)]. *Tezisy vserossiyskoy konferentsii «Ot yazykovykh mashinnykh fondov k lingvisticheskim korpusam: pamyati V.M. Andryushchenko»* [Proceedings of the All-Russian Conference "From Linguistic Computer Funds to Lin-

- guistic Corpus: to Memory of V.M. Andryushchenko"]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., Russian Language Institute of RAS Publ., 2018, pp. 58-60. (In Russian).
14. Andryushchenko V.M. *Kontseptsiya i arkhitektura Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Concept and Architecture of the Computer Fund of Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 196 p. (In Russian).
 15. Shcherba L.V. Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the general lexicography theory]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [News of Academy of Sciences of the USSR. Language and Literature Department]. 1940, no. 3. (In Russian). (Revised ed.: Shcherba L.V. Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the general lexicography theory]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Linguistic System and Speech Activity]. Leningrad, 1974. (In Russian).)
 16. Gerd A.S. Iz razmyshleniy na puti k novomu akademicheskomu slovaryu sovremennogo russkogo yazyka [From reflections on the way to a new academic dictionary of the contemporary Russian language]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language – System. Language – Text. Language – Ability]. Moscow, Russian Language Institute of RAS Publ., 1995, pp. 72-79. (In Russian).
 17. Lesnikov S.V. Akademicheskiye tolkovyye slovari russkogo yazyka kak yadro akademicheskogo slovarnogo korpusa russkogo yazyka [Academic explanatory dictionaries of the Russian language as the core of the academic vocabulary of the Russian language]. *Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Nauka i innovatsii: sovremennyye kontseptsii»* [Proceedings of the International Scientific Forum “Science and Innovations: Contemporary Concepts”]. Moscow, Infinity Publ., 2019, pt 1, pp. 38-47. (In Russian).
 18. Lesnikov S.V. Konstruirovaniye gipertekstovogo svoda leksiki narodnykh govorov russkogo yazyka [Constructing a hypertext corpus of folk patois vocabulary of the Russian language]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii “Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii”* [Proceedings of the International Conference “Current Issues of Russian Defectology”]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS Publ., 2018, pp. 148-149. (In Russian).
 19. Lesnikov S.V. Analiticheskiy referativno-annotirovannyi obzor otsifrovannykh slovarey i spravochnikov novykh slov i znacheniy dlya tsifrovogo leksikograficheskogo korpusa «Leksiko-semanticheskaya neologiya v russkom yazyke nachala XXI veka [Analytical abstract annotated review of digitized dictionaries and reference books of new words and meanings for the digital lexicographic corpus “Lexical and semantic neology in Russian language in the beginning of the 21st century”]. *Sbornik nauchnykh statey po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Nauka i innovatsii: sovremennyye kontseptsii»* [Proceedings of the International Scientific Forum “Science and Innovations: Contemporary Concepts”]. Moscow, Infinity Publ., 2019, vol. 3, pp. 34-42. (In Russian).
 20. Bulygina D.S., Lesnikov S.V. Predposylki sistematizatsii terminov russkogo yazyka [Prerequisites of terms systematization of the Russian language]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sopostavitel'naya lingvistika v sovremennom mire»* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Comparative Linguistics in the Modern World”]. Irkutsk, Irkutsk National Research Technical University Publ., 2012, pp. 64-91. (In Russian).
 21. Lesnikov S.V. Tipologiya russkikh slovarey lingvisticheskoy terminologii [Typology of Russian dictionaries of linguistic terminology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*, 2011, no. 6-2 (31), pp. 6-10. (In Russian).
 22. Zagorovskaya O.V., Lesnikov S.V. Vidy leksikograficheskoy informatsii v avtomaticheskoy slovarakh russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastey [Types of lexicographic information in the automatic dictionary of Russian patois of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic and adjacent regions]. *Mashinnyy fond russkogo yazyka: Predproyektnyye issledovaniya* [Computer Fund of Russian Language: Pre-design Research]. Moscow, Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1988, pp. 64-70. (In Russian).
 23. Lesnikov S.V. Konstruirovaniye slovnika slovary terminov metayazyka lingvistiki s pomoshch'yu metodiki vychisleniya vesa bazisnykh terminov metayazyka lingvistiki [Constructing a glossary of terms vocabulary of linguistics metalanguage using the method of calculating the weight of the basic terms of linguistics metalanguage]. *Sotsial'no-kognitivnoye funktsionirovaniye yazyka* [Social and Cognitive Functioning of the Language]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2017, pp. 155-170. (In Russian).
 24. Lesnikov S.V. Fragment slovary bazovykh terminov metayazyka lingvistiki [Fragment of the dictionary of basic terms of linguistics metalanguage]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian National Patois (Materials and Studies)]. St. Petersburg, 2017, pp. 335-360. (In Russian).
 25. Lesnikov S.V. Osnovnyye latinskiye terminoelementy i terminy metayazyka lingvistiki [Key terms and Latin term elements of linguistics metalanguage]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo un-*

- iversiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences, 2011, no. 12 (107), pp. 37-45. (In Russian).
26. Rogozhnikova R.P. MFRYA i slovarnoye delo [Computer Fund of Russian Language and dictionary activities]. *MFRYA: idei i suzhdeniya* [Computer Fund of Russian Language: Ideas and Judgments]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 58-67. (In Russian).
 27. Lesnikov S.V. Freymovoye konstruirovaniye tezaurusa metazyky lingvistiki [Frame construction of thesaurus of linguistics metalanguage]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Herald of Pomor University. Series Humanitarian and Social Sciences], 2011, no. 4, pp. 84-89. (In Russian).
 28. Lesnikov S.V. Modelirovaniye tezaurusa metazyky lingvistiki na baze gipertekstovykh freymov [Modeling the metalanguage thesaurus of linguistics-based hypertext frames]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedeniye* [Herald of the Vyatka State University of Humanities. Philology and Study of Art], 2011, no. 3 (2), pp. 51-54. (In Russian).
 29. Lesnikov S.V. *Lingvisticheskiye osnovy informatiki (teoriya, algoritmy i lingvisticheskiye programmy): v 2 ch.* [Linguistic Basics of Informatics (Theory, Algorithms and Linguistic Programs): in 2 pt]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2009, pt 1, 292 p. (In Russian).
 30. Lesnikov S.V. Analiz paradigmaticeskikh otnosheniy lingvisticheskoy terminosistemy [Analysis of the paradigmatic relations of the linguistic term system]. *Pamyati Anatoliya Anatol'yevicha Polikarpova* [In Memory of Anatoly Anatolyevich Polikarpov]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2015, pp. 269-279. (In Russian).
 31. Lesnikov S.V. K voprosu o soderzhanii slovarnoy stat'i tezaurusa metazyky lingvistiki [To the issue of dictionary entry content of the metalanguage thesaurus of linguistics]. *Obydennoye metazykovoye soznanie: ontologicheskiye i gnoseologicheskiye aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2012, pt 4, pp. 190-203. (In Russian).
 32. Lesnikov S.V. Avtomatizirovannaya informatsionno-spravochnaya sistema poiska leksiko-semanticheskikh variantov vokabul russkogo yazyka [Computer-based Russian word retrieval reference system]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2009, no. 24, pp. 622-630. (In Russian).
 33. Lesnikov S.V. Bazovyye bloki avtomatizirovannoy leksikograficheskoy sistemy [Basic blocks of an automated lexicographic system]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 33 (248), pp. 200-202. (In Russian).
 34. Lesnikov S.V. Bazovyye operatory yazyka poiskovykh zaprosov tezaurusa metazyky lingvistiki [The basic operators of the search queries thesaurus metalanguage of linguistics]. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*, 2012, no. 7-2 (31), pp. 39-53. (In Russian).
 35. Lesnikov S.V. Gipertekstovyy tezaurus metazyky nauki [Hypertext thesaurus of science metalanguage]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, no. 3 (33), pp. 30-34. (In Russian).
 36. Lesnikov S.V., Zagorovskaya O.V. Formal'naya grammatika slovarnoy stat'i avtomaticheskogo slovary russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastey (ASRGKA) [Formal grammar of dictionary entry of automatic dictionary of Russian patois of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic and adjacent regions (ADRPKA)]. *Materialy 2 Vsesoyuznoy konferentsii po sozdaniyu Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Proceedings of the 2nd All-Russian Conference on Development of Computer Fund of Russian language]. Moscow, Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1988, pp. 107-119. (In Russian).
 37. Lesnikov S.V. Konstruirovaniye slovary terminov metazyky SMI s pomoshch'yu metodiki vychisleniya vesa bazisnykh terminov [Constructing a terms dictionary of mass media metalanguage using the method of calculating the weight of basic terms]. *Materyaly 4 Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., prysvyech. 90-hoddzyu z dnya narodzhennya d-ra filal. navuk praf. A.I. Narkyevicha «Slova w kontekstysie chasu»* [Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Doctor of Philology, Professor A.I. Narkevich "Word in a Context of Time"]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2019, pp. 66-69. (In Russian).

Информация об авторе

Лесников Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, ведущий специалист (программист) отдела лексикографии современного русского языка, группа Большого академического словаря. Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: serg@lsw.ru

Вклад в статью: концепция исследования, разработка принципов АСК, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>

Поступила в редакцию 24.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 07.05.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Sergey V. Lesnikov, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Specialist (IT Specialist) of Contemporary Russian Language Lexicography Department, Great Academic Dictionary Group. Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: serg@lsw.ru

Contribution: study conception, principles of AVC development, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5816-0996>

Received 24 April 2019

Reviewed 7 May 2019

Accepted for press 20 May 2019

Топосы как часть аргументационных схем и их роль в создании позитивного образа «себя» и негативного образа «другого»

Марина Станиславовна МАТЫЦИНА

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»
398055, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>, e-mail: lipmarina@gmail.com

Topoi as part of the argumentation schemes and their role in creating a positive image of the “self” and a negative image of the “other”

Marina S. MATYTCINA

Lipetsk State Technical University
30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>, e-mail: lipmarina@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ основных топосов, применяемых англоязычными изданиями для построения своей аргументации с целью конструирования негативного образа иммигрантов. Актуальность такого исследования обусловлена спецификой тенденций конструирования дискурса иммигрантов и различных его аспектов, что подтверждается большим количеством научных работ как в отечественной, так и в зарубежной науке. Цель данного исследования – анализ основных топосов, актуализирующих дискурсивное воспроизводство негативного отношения к иммигрантам в англоязычной прессе. Материалом анализа явились новостные сообщения из американского еженедельного журнала “Time”, американского информационного канала “FoxNews” и британских изданий “The Daily Mail”, “The Guardian” и “The Telegraph”. Основной методологической базой исследования послужил критический дискурс-анализ, основу которого составляет понимание дискурса как формы социального взаимодействия. В результате проведенного исследования установлено, что властные элиты, используя средства массовой информации, конструируют выгодное для властного блока общественное мнение в отношении «других», формируют и поддерживают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Проанализированы основные языковые средства, указывающие на топосы в отношении иммигрантов, приведены конкретные примеры, демонстрирующие особенности функционирования топосов в англоязычных изданиях.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ; аргументационная схема; топос; дискурс иммиграции; правящая социальная группа; дискурсивное воспроизводство

Для цитирования: Матыцина М.С. Топосы как часть аргументационных схем и их роль в создании позитивного образа «себя» и негативного образа «другого» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 306-314. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-306-314

Abstract. We analyze the main topoi used by English-language editorials to build their arguments in order to construct a negative image of immigrants. The relevance of this study is due to the specificity of the trends in the construction of immigration discourse and its various aspects, as evidenced by the large number of scientific works in both domestic and foreign science. The purpose of this study is to analyze the main topoi that actualize the discursive reproduction of negative attitude towards immigrants in the English-language press. We investigate the news reports from the American weekly magazine “Time”, the American news channel “FoxNews” and the British editorials “The Daily Mail”, “The Guardian” and “The Telegraph”. The main methodological basis is a critical discourse analysis, which is based on the understanding of discourse as a form of social interaction. We establish that the power elites construct the public opinion that is beneficial for the

power bloc in relation to “others”, form and support negative images of “aliens” as representatives of other races, ethnic groups and cultures using the mass media. We analyze the main linguistic tools that identify topoi with respect to immigrants. We present the specific examples that demonstrate the features of topoi functioning in English-language editorials.

Keywords: critical discourse analysis; argumentation scheme; topos; immigration discourse; ruling social group; discursive reproduction

For citation: Matytcina M.S. Toposy kak chast' argumentatsionnykh skhem i ikh rol' v sozdaniі pozitivnogo obraza «sebya» i negativnogo obraza «drugogo» [Topoi as part of the argumentation schemes and their role in creating a positive image of the “self” and a negative image of the “other”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 306-314. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-306-314 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Исследование дискурса иммигрантов находится в фокусе внимания многих исследователей. Т. ван Дейк обращается к рассмотрению предвзятости, этнических и расовых стереотипов, систематически воспроизводимых на уровне социальных дискурсов [1]. Хорватский исследователь Д. Жупарич-Илич с соавт. обращает внимание на дискурсивные изменения иммиграционной политики в Хорватии, охватывающие в диахронии период с 2014 по 2016 г. [2]. В Испании ученые объясняют лингвистические механизмы производства расистских представлений об иммигрантах [3]. В фокусе внимания исследователей находится анализ дискурса расизма [4], в котором открыто пропагандируется «язык ненависти» по отношению к иммигрантам [5; 6], дискурс власти и СМИ, формирующий выгодные в текущей политической конъюнктуре образы различных социальных групп [7–9].

Дискурсивным исследованиям, позволяющим деконструировать схемы построения коммуникационных связей между политическими акторами, уделяется большое внимание как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Особое место среди работ, посвященных проблемам изучения взаимодействия языка и общества, принадлежит исследованиям языка как инструмента конструирования реальности посредством анализа топосов, актуализирующих дискурсивное воспроизводство негативного отношения к иммигрантам. Вопросам изучения дискурса как формы социального взаимодействия, где власть, осуществляя свое господство в обществе, создает идентичности, акцентирует «их» негативные действия и создает положительный образ «нас», посвящены труды таких лингвистов, как Н. Фэрклафа,

Р. Водак, Т. ван Дейк и других представителей критической лингвистики [10; 11].

Важная роль в создании негативного образа иммигрантов принадлежит топосам (topoi) – рассуждениям «здравого смысла, типичным для определенных вопросов, служащим тактическим средством реализации дискурсивной стратегии при построении аргументов» [12, S. 194]. Р. Водак с соавт. понимает топос как «широкое семантическое, часто стереотипное, клише, заключающее в себе общие черты определенных линий аргументации» [13, p. 166]. Топосы «содержатся в сокращенных формах умозаключения, которые основаны на неких подразумеваемых знаниях, известных каждому члену группы-адресата в условиях определенного контекста» [14, p. 270]. Степень успешности политической риторики во многом зависит от топосов в связи с тем, что спикер с их помощью может регулировать степень своего влияния на аудиторию. Являясь частью аргументационной схемы, топос принадлежит к обязательным эксплицитным или выводным предпосылкам. В этой функции он обосновывает переход от аргумента или аргументов к выводам [12, S. 194].

Поскольку топос выступает одним из составляющих аргументации, обратимся к структуре данного процесса. Наиболее известной на сегодняшний день моделью аргументации является модель аргументации С. Тулмина. Достоинство модели С. Тулмина состоит в том, что она помогает не только провести анализ структуры аргументации, но и определить степень влияния топоса на аудиторию и таким образом спрогнозировать эффективность построенной на его основе аргументации [15]. Каждый аргумент имеет в своей структуре несколько элементов: ос-

новное утверждение спикера (claim), данные (grounds), на которые ссылается спикер в утверждении, и общее умозаключение (warrant), которые позволяют спикеру перейти от данных к утверждению. Третий из указанных элементов – некое общее, широко разделяемое умозаключение – и является топосом [16].

На материале новостных текстов из электронных версий американского еженедельного журнала “Time”, американского информационного канала “FoxNews” и британских изданий “The Daily Mail”, “The Guardian” и “The Telegraph” проводится исследование топосов как части аргументационных схем, применяемых изданиями для конструирования негативного образа иммигрантов. В ходе исследования выявляются языковые средства, указывающие на топосы в отношении иммигрантов, иллюстрируемые конкретными примерами. Научная новизна данного исследования определяется тем, что топосы, используемые ведущими британскими изданиями в качестве тактического средства реализации дискурсивной стратегии конструирования иммиграционного дискурса, свидетельствуют о целенаправленном конструировании негативного отношения к иммигрантам со стороны властных структур.

В результате проведенного исследования были установлены семь топосов, применяемых англоязычными изданиями для построения своей аргументации с целью создания негативного образа «других»: топос интерпретации названия, топос цифр, топос соблюдения законов, топос угрозы, топос экономических проблем, топос истории, топос толерантности.

Топос интерпретации названия. В данном случае аргументация строится по схеме: если лицо или группа лиц названы или обозначены как X, то указанное лицо или группа лиц должны обладать качествами, чертами и характеристиками, содержащимися в буквальном наименовании X. На топос интерпретации названия в отношении иммигрантов указывают такие слова, как *immigrants*, *illegals*, *terrorists*, *entrances*, *newcomers*, усиливающие негативное концептуальное представление об иммигрантах: иммигранты ассоциируются с нелегальным въездом и, как

следствие, воспринимаются коренным населением крайне негативно:

Europe’s illegal immigration problems are daily growing more serious, evidenced by the human tragedies of North Africans and Middle Easterners dying at sea or in overcrowded vehicles. Precise statistics are in short supply, but the numbers involved are unquestionably at crisis levels.

Проблема нелегальной иммиграции в Европе с каждым днем становится все более серьезной, о чем свидетельствуют судьбы переселенцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока, которые погибают в море или в переполненных транспортных средствах. Точных статистических данных нет, но они, несомненно, критичны [17].

Топос цифр. Аргументация в этом случае строится в виде следующей условной конструкции: если цифры являются подтверждением специфического топоса, то должно/не должно быть осуществлено специфическое действие. На страницах всех исследуемых изданий иммигранты изображаются в виде «чисел и цифр», а слова, обозначающие большое количество иммигрантов, такие как *flooding*, *pouring*, *streaming* имеют отрицательную коннотацию:

As many as 2500 *illegal immigrants* a week are *flooding* into the continent from North Africa through Italy, the European Union's border protection agency has revealed.

Как сообщает Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ, каждую неделю поток из 2500 *нелегальных иммигрантов* из Северной Африки *наводняет* континент через Италию [18].

Топос соблюдения законов. Построенная на этом топосе аргументация может быть выражена в виде условной конструкции: если закон предписывает или запрещает специфическое политико-административное действие, то действие должно быть выполнено или от него надо воздержаться. Топос соблюдения законов используется в основном для описания незаконных действий, совершаемых иммигрантами *storm*, *protest*, конфликтов между иммигрантами и полицией/властями *run away*, *arrest*, указывая прямо на их незаконное нахождение *bogus*, *genuine*, *illegal* или косвенно *caught*, *detained*, *smuggled*. Топос соблюдения законов являет-

ся одним из наиболее частотных. На топос соблюдения законов, как правило, указывают слова, которые представляют иммигрантов как субъектов незаконных действий, причем данный топос чаще всего характерен для консервативных изданий. Однако, несмотря на менее негативное представление иммигрантов, беженцев и просителей убежища либеральными новостными источниками, они все же отмечают опасность их массового прибытия. Уровень «причастности» иммигрантов к отрицательно оцениваемым событиям и действиям и их ответственности за эти события передан посредством последовательного повтора действий, акцентирующего внимание на агенте действия и уравнивающего смысловую однородность понятий:

They have seized railway stations, refused to give fingerprints, failed to cooperate, and are unwilling to go to places where they would get food, water, accommodation and medical care... They have rebelled against Hungarian legal order.

Они захватили железнодорожные станции, отказались сдавать отпечатки пальцев, не способны к диалогу и не хотят идти в места, где они могли бы получить еду, воду, жилье и медицинское обслуживание... Они восстали против венгерского правопорядка [19].

Топос угрозы. Для аргументации, построенной на данном топосе, характерна следующая формула: в связи с тем, что существует некая опасность, необходимо совершить следующее действие [20, р. 75]. Топос опасности и угрозы является сложившимся пониманием необходимости предотвращения или уничтожения того, что представляет угрозу существования. На топос опасности и угрозы, как правило, указывают слова *threat* и его производные, *danger*, *risk*, а также такие выражения, благодаря которым процесс иммиграции воспринимается обществом как опасность и угроза национальным интересам. К числу таких выражений относятся *riots*, *terrorism*, *aggressive behavior*, *destruction of the economy*, *crisis*.

Например, в речи итальянского политика Маттео Сальвини, который выступает за ограничение иммигрантов, топос опасности и угрозы активируется говорящим с целью реализации двойной стратегии: 1) локальной: переместить расовую проблему в иную концептуальную плоскость (причина безработи-

цы – не в самом процессе иммиграции, а в отсутствии контроля над ним); 2) глобальной: «присвоить» фрейм «контроля» как концептуальную основу. При этом он отрицает наличие расистских дискриминационных намерений, утверждая, что он «не против иммигрантов», «просто хочет установить контроль над сложившейся ситуацией»:

And out-of-control immigration damages the labor market, because Italians can't compete with illegal workers who are being exploited. So to restore dignity to work we must control immigration. The problem is irregular immigration which brings crime and social conflicts.

Неконтролируемая иммиграция наносит ущерб рынку труда, потому что итальянцы не могут конкурировать с нелегальными рабочими, которых нещадно эксплуатируют. Для того чтобы исправить ситуацию, мы должны поставить иммиграцию под контроль. Проблема заключается в наличии нелегальной иммиграции, которая приводит к увеличению количества преступлений и социальным конфликтам [21].

Топос экономических проблем. Аргументация выражается в виде следующей условной конструкции: если странаотягчена специфическими проблемами, необходимо действовать так, чтобы уменьшить проблемы. В основном используются слова, обозначающие либо то, что иммигранты являются финансовым бременем, потому что они получают государственные пособия, например, *benefits*, *claiming*, *receive*, либо финансовую угрозу, потому что они конкурируют за рабочие места с коренными жителями, например, *jobs*, *working*:

Unemployment in many of these communities runs at 30 to 40 percent, even higher among young people. The banlieues are monuments to France's failure to integrate large parts of its Muslim population, despite many of them being from families that have lived in France for two or three generations.

Безработица во многих жилых районах составляет от 30 до 40 процентов, среди молодежи она еще выше. Пригороды – это памятники неспособности Франции интегрировать большую часть своего мусульманского населения, несмотря на то, что многие происходят из семей, которые живут во Франции два или три поколения [22].

Безработица, неустроенность, отсутствие образования, ужасные жилищные условия и зависимость от государственных пособий становятся негативными характеристиками, присущими иммигрантам. В приведенном примере отождествление *immigrants* с *criminals* осуществляется с целью активации топоса опасности и угрозы как части аргументационной структуры в виде цепочки импликаций: «если имеется специфическая опасность или угроза, необходимо с этим бороться», «действия, угрожающие обществу, недопустимы», «их нельзя оправдывать», «тот, кто их оправдывает, сам достоин осуждения».

Топос истории. Построение аргументации происходит по следующей формуле: ввиду того, что история предупреждает нас о последствиях такого-то действия, то возникает необходимость совершить это действие или, напротив, воздержаться от него. Топос истории выражают слова *traditions*, *history* и их производные, а также выражения *the national sense*, *great traditions*, упоминание исторических событий и дат и их сопоставление с сегодняшними событиями, использование выражений, указывающих на период времени в прошлом. В статье “The Daily Mail”, озаглавленной “Howard stands firm on race riots warning” от 19 апреля 2005 г., лидер консервативной партии М. Ховард утверждает, что британское население никогда не было против иммигрантов, «просто оно хочет установить контроль над сложившейся ситуацией»:

Today he said: “I have always said that we benefit from immigration, that we are a stronger and richer country as a result. I also believe immigration has to be brought under control so that we have good community relations in our country”.

Сегодня он сказал: «Я всегда говорил, что мы выигрываем от иммиграции, что в результате мы становимся сильнее и богаче. Я также считаю, что иммиграция должна быть поставлена под контроль, чтобы у нас были хорошие общественные отношения в нашей стране»¹.

¹ Howard stands firm on race riots warning. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article345428/Howard-stands-firm-race-riots-warning.html> (accessed: 02.03.2019).

Топос толерантности. Аргументация строится по схеме: если какое-то политическое действие/решение направлено на предотвращение или прекращение страданий людей, то оно должно быть совершено. Индикаторами выступают глаголы и существительные, относящиеся к оказанию помощи беженцам *help*, *aid*, *welcome*. «Сострадание» и «необходимость помочь» стали одними из составляющих содержания иммиграционного дискурса в Европе, поэтому в результате исследования были выделены слова, относящиеся к оказанию помощи иммигрантам, в отдельную категорию, поскольку это показывает, что иммигранты не всегда воспринимаются и расцениваются негативно. Наличие таких словосочетаний, как *help*, *aid*, *welcome*, *support* в меньшей степени создает представление об иммигрантах и неиммигрантах как о двух отдельных и непримиримых группах, портретирует иммигрантов беспомощными, отчаявшимися и бессильными жертвами политической ситуации, которые нуждаются в помощи, а иногда и в срочной помощи. Это способствует более позитивному представлению беженцев, иммигрантов и просителей убежища.

Например, передовая статья британской газеты “The Guardian” от 20 июня 2016 г. под заголовком “Keep connected and inclusive, not angry and isolated”/«Держитесь вместе, будьте открытыми к диалогу, не раздражайтесь и не замыкайтесь в себе» обращает внимание на жесткие, а иногда и ксенофобские нападки на иммигрантов со стороны прессы и занимает сочувствующую позицию по отношению к иммигрантам:

The backdrop has been the most unrelenting, unbalanced and sometimes xenophobic press assault in history. The leading political lights of leave have claimed to be pro-immigrant and yet have, at the same time, been ruthlessly fearmongering about Britain being overrun by Turks.

Общий тон прессы, как никогда, был самым беспощадным, несдержанным, а иногда откровенно ксенофобским. Ведущие политические лидеры, выступающие за выход, заявили, что они не против иммигрантов, и в то

же время ужасно боятся, что Британия захватывается турками².

Проведенный анализ показал, что издания, как правило, комбинируют топосы для создания у медиа-аудитории неоднозначного мнения об иммигрантах. С одной стороны, читающая аудитория делает вывод об иммигрантах как нарушителях законов, представляющих угрозу европейской безопасности и лишаящих европейцев рабочих мест. С другой стороны, изображение беженцев, иммигрантов и просителей убежища бессильными жертвами, которым требуется помощь, поддержка и содействие, приводит читающего к выводу о том, что данная социальная группа людей нуждается в защите и спасении. Однако, наряду с этим подчеркивается огромная нагрузка на социальную сферу, что позволяет сделать вывод о негативных последствиях иммиграции для коренного населения. Следует отметить и тот факт, что консервативные издания, такие как, например, "The Daily Mail", чаще опираются на топос соблюдения законов, топос цифр, топос угрозы, топос экономических проблем, топос истории, а либеральные, к которым, например, относится "The Guardian" – на топос толерантности.

Таким образом, основными топосами, актуализирующими дискурсивное воспроизводство негативного отношения к иммигрантам в англоязычной прессе, являются следующие: топос цифр, топос соблюдения законов, топос угрозы, топос экономических проблем, топос истории и топос толерантности. Анализ топосов позволил выявить языковые средства, указывающие на топосы в отношении иммигрантов, а именно:

² The Guardian view on the EU referendum: keep connected and inclusive, not angry and isolated. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/20/the-guardian-view-on-the-eu-referendum-keep-connected-and-inclusive-not-angry-and-isolated> (accessed: 02.03.2019).

а) ссылки на историческое прошлое, исторические уроки, сопоставление исторических событий и дат с сегодняшними событиями, использование таких выражений, как *traditions, history* и их производные, а также выражения *the national sense, great traditions*;

б) повторения таких слов, как *threat* и его производные, *danger, risk*, а также выражения *riots, terrorism, aggressive behavior, destruction of the economy, crisis*, которые формируют у читателя установки нетерпимости к иммигрантам;

в) иммигранты являются финансовым бременем, потому что они получают государственные пособия, например, *benefits, claiming, receive*, либо финансовую угрозу, потому что они конкурируют за рабочие места с коренными жителями;

г) выражения, указывающие на характер гуманитарных действий: *help, aid, welcome, support, protection of human rights, humanitarian mission*;

д) неоднократное повторение таких слов и словосочетаний, как: *depress wages, a considerable strain, uncontrolled numbers, runaway immigration, breaking highs*.

Анализ особенностей функционирования топосов, применяемых изданиями для построения своей аргументации с целью конструирования негативного образа «других», выявление языковых средств, указывающих на топосы в отношении данной социальной группы, представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет определить используемые аргументы и дать им оценку с целью выявления их идеологической основы. Язык как инструмент речевого воздействия позволяет власти осуществлять свое господство в обществе, где идеология, господство и процессы осуществления власти задают форматирующие правила дискурса и определяют его содержание, что позволяет говорить о взаимодействии языковых процессов и идеологического производства.

Список литературы

1. Van Dijk T. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication / transl. from English. 2nd ed. M.: Librokom; URSS Publ., 2015. 352 p.
2. Župarić-Iljić D., Kutli S., Gregurović M. Attitudes towards immigrant workers and asylum seekers in Eastern Croatia: dimensions, determinants and differences // Migracijske i etničke teme. 2016. № 1. P. 91-122. DOI 10.11567/met.32.1.4

3. Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the 'local turn' in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies // *International Review of Administrative Sciences*. 2017. Vol. 83. № 2. P. 241-246. DOI 10.1177/0020852316688426
4. Khosravini M. Immigration discourses and critical discourse analysis: dynamics of world events and immigration representations in the British press // *Contemporary Critical Discourse Studies* / ed. by C. Hart, P. Cap. London; New York: Bloomsbury Academic, 2014. P. 501-519.
5. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish on-line racist discourse targeting EU-migrants begging for money // *Discourse and Society*. 2015. Vol. 26. № 6. P. 733-753. DOI 10.1177/0957926515611792
6. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor // *Speaking of Europe. Approaches to Complexity in European Political Discourse* / ed. by K. Flottum. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 135-150.
7. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: the need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries – The case of the Moroccan Party of Justice and Development // *Discourse and Society*. 2015. Vol. 26. № 6. P. 662-681. DOI 10.1177/0957926515592778
8. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: a critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes // *Discourse and Communication*. 2015. Vol. 9. P. 487-508. DOI 10.1177/1750481315576838
9. Toft A. Contesting the deviant other: discursive strategies for the production of homeless subjectivities // *Discourse and Society*. 2014. Vol. 25. P. 783-809. DOI 10.1177/0957926514536839
10. Van Dijk T. Critical discourse analysis (new version) // *Handbook of Discourse Analysis: in 2 vols.* / ed. by D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin. 2nd ed. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 466-485.
11. Wodak R. The discourse-historical approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2011. P. 63-93.
12. Kienpointner M. Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern. Stuttgart; Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog Verlag, 1992. 447 S.
13. Wodak R., Iedema R. Constructing boundaries without being seeing: the case of Jorg Haider, politician // *Revista Canaria de Estudios Ingleses*. 2004. № 49. P. 157-178.
14. Kwon W., Clarke I., Wodak R. Micro-level discursive strategies for constructing shared views around strategic issues in team meetings / ed. by T. Clark // *Journal of Management Studies*. 2014. Vol. 51. № 2. P. 265-290. DOI 10.1111/joms.12036
15. Eemeren F.H., Houtlosser P., Henkemans A.F. Argumentative Indicators in Discourse: a Pragma-Dialectical Study. Dordrecht: Springer, 2007. 234 p.
16. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 247 p.
17. Bolton J. Migrant crisis isn't just Europe's problem, it's our problem, too. URL: <https://www.foxnews.com/opinion/migrant-crisis-isnt-just-europes-problem-its-our-problem-too> (accessed: 02.03.2019).
18. Pisa N. 2,500 illegal immigrants a week from North Africa flooding into Europe through Italy. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2003537/2-500-illegal-immigrants-week-North-Africa-flooding-Europe-Italy.html#ixzz5CAq9XsIb> (accessed: 02.03.2019).
19. Szakacs G., Than K. Orban: Hungary will arrest "rebellious" migrants. URL: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-3230753/Orban-Hungary-arrest-rebellious-migrants.html> (accessed: 02.03.2019).
20. Wodak R. The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual. L.: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p. DOI 10.1057/9780230316539
21. Walt V. "We Want to change things from within". Italy's Matteo Salvini on his goal to reshape Europe // *Time*. URL: <https://time.com/5394207/%20matteo-salvini-time-interview-transcript-full/> (accessed: 02.03.2019).
22. Graff J. Why Paris is burning. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1125401,00.html> (accessed: 02.03.2019).

References

1. Van Dijk T. *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. 2nd edition. Moscow, Librokom, URSS Publ., 2015, 352 p.
2. Župarić-Iljić D., Kuti S., Gregurović M. Attitudes towards immigrant workers and asylum seekers in eastern Croatia: dimensions, determinants and differences. *Migracijske i etničke teme – Migration and Ethnic Themes*, 2016, no. 1, pp. 91-122. DOI 10.11567/met.32.1.4

3. Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the 'local turn' in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, vol. 83, no. 2, pp. 241-246. DOI 10.1177/0020852316688426
4. Khosravini M. Immigration discourses and critical discourse analysis: dynamics of world events and immigration representations in the British press. In: Hart C., Cap P. (eds.). *Contemporary Critical Discourse Studies*. London, New York, Bloomsbury Academic Publ., 2014, pp. 501-519.
5. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish online racist discourse targeting EU-migrants begging for money. *Discourse and Society*, 2015, vol. 26, no. 6, pp. 733-753. DOI 10.1177/0957926515611792
6. Musolf A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor. In: Flottum K. (ed.). *Speaking of Europe. Approaches to Complexity in European Political Discourse*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2013, pp. 135-150.
7. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: the need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries – The case of the Moroccan Party of Justice and Development. *Discourse and Society*, 2015, vol. 26, no. 6, pp. 662-681. DOI 10.1177/0957926515592778
8. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: A critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes. *Discourse and Communication*, 2015, vol. 9, pp. 487-508. DOI 10.1177/1750481315576838
9. Toft A. Contesting the deviant other: discursive strategies for the production of homeless subjectivities. *Discourse and Society*, 2014, vol. 25, pp. 783-809. DOI 10.1177/0957926514536839
10. Van Dijk T. Critical discourse analysis (new version). In: Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. (eds.) *Handbook of Discourse Analysis: in 2 vols.* 2nd ed. Chichester, Wiley Blackwell, 2015, vol. 1, pp. 466-485.
11. Wodak R. The discourse-historical approach. In: Wodak R., Meyer M. (eds.). *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, Sage Publ., 2011, pp. 63-93.
12. Kienpointner M. *Alltagslogik: Struktur und Funktion von Argumentationsmustern*. Stuttgart, Bad Cannstatt, Frommann-Holzboog Verlag, 1992, 447 p. (In German).
13. Wodak R., Iedema R. Constructing boundaries without being seeing: the case of Jorg Haider, politician. *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, 2004, no. 49, pp. 157-178.
14. Kwon W., Clarke I., Wodak R. Micro-level discursive strategies for constructing shared views around strategic issues in team meetings. *Journal of Management Studies*, 2014, vol. 51, no. 2, pp. 265-290. DOI 10.1111/joms.12036
15. Eemeren F.H., Houtlosser P., Henkemans A.F. *Argumentative Indicators in Discourse: a Pragma-Dialectical Study*. Dordrecht, Springer Publ., 2007, 234 p.
16. Toulmin S. *The Uses of Argument*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 247 p.
17. Bolton J. *Migrant crisis isn't just Europe's problem, it's our problem, too*. Available at: <https://www.fox-news.com/opinion/migrant-crisis-isnt-just-europes-problem-its-our-problem-too> (accessed 02.03.2019).
18. Pisa N. *2,500 illegal immigrants a week from North Africa flooding into Europe through Italy*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2003537/2-500-illegal-immigrants-week-North-Africa-flooding-Europe-Italy.html#ixzz5CAq9Xslb> (accessed 02.03.2019).
19. Szakacs G., Than K. *Orban: Hungary will arrest "rebellious" migrants*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-3230753/Orban-Hungary-arrest-rebellious-migrants.html> (accessed 02.03.2019).
20. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action. Politics as Usual*. London, Palgrave Macmillan, 2011, 252 p. DOI 10.1057/9780230316539
21. Walt V. "We want to change things from within". Italy's Matteo Salvini on his goal to reshape Europe. *Time*. Available at: <https://time.com/5394207/%20matteo-salvini-time-interview-transcript-full/> (accessed 02.03.2019).
22. Graff J. *Why Paris is burning*. Available at: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1125401,00.html> (accessed 02.03.2019).

Информация об авторе

Матыцина Марина Станиславовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Российская Федерация. E-mail: lipmarina@gmail.com

Вклад в статью: сбор данных, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Поступила в редакцию 13.05.2019 г.

Поступила после рецензирования 04.06.2019 г.

Повторное рецензирование 11.06.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Marina S. Matytcina, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department. Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation. E-mail: lipmarina@gmail.com

Contribution: data acquisition, obtained results analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6102-4397>

Received 13 May 2019

Reviewed 4 June 2019

Second peer review round 11 June 2019

Accepted for press 17 June 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-315-326
УДК 81-26

Interpretationspotenzial der deutschen Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält

Mariya A. ZAKHAROVA, Elena A. IAGODNITSENA

Derschawin Staatliche Universität Tambow
33 Internatsionalnaya Str., Tambow 392000, Russische Föderation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4739-6730>, e-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Interpretive potential of German lexis with color definition in its structure

Mariya A. ZAKHAROVA, Elena A. IAGODNITSENA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4739-6730>, e-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Интерпретирующий потенциал немецкой лексики, содержащей в своей структуре обозначение цвета

Мария Андреевна ЗАХАРОВА, Елена Александровна ЯГОДНИЦЕНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>, e-mail: masha.marusja2011@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4739-6730>, e-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Abstract. Wir analysieren die deutsche Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält, und beachten die sekundäre Bedeutung der lexikalischen Kategorien der Bereichen “Pflanzen” und “Tiere” gewidmet. Die Relevanz beruht auf dem ständigen Interesse der Linguisten an der Erforschung der Prozesse der Interpretation und Konzeptualisierung, was durch zahlreiche Arbeiten auf diesem Forschungsgebiet bestätigt wird. Das Ziel dieser Forschung ist die Analyse von lexikalischen Einheiten, die die Bereiche “Pflanzen” und “Tiere” im Rahmen ihrer Farbrealisierung auf dem Material deutscher, russischer und englischer Sprache zu objektivieren. Die Hauptmethoden sind die Methode der konzeptuellen Analyse, die Methode der Komponentenanalyse. Wir beschreiben ausführlich die sprachliche Umsetzung des Attributs “Farbe“ interpretativer Wissensformate auf der Grundlage von lexikalischen Kategorien, die die Bereiche “Pflanzen“ und “Tiere“ darstellen. Im Zuge der Untersuchung des tatsächlichen Materials wurden interpretative Zeichen des Wahrnehmungs- und Beobachtungsformats aufgedeckt, die für die Kategorien dieses Bereichs charakteristisch sind. Eine Reihe von lexikalischen Einheiten in den Bereichen “Pflanze” und “Tier” wurden analysiert und die wichtigsten Schlussfolgerungen zur Aktualisierung des Farbschemas in der Sprache unter Verwendung der Interpretation der lexikalischen Kategorien gezogen.

Stichwörter: Interpretation; Interpretationspotenzial; Interpretativer Bereich; das Format der Wahrnehmung; sekundäre Bedeutung

Abstract. We analyze of German lexis with color definition in its structure and consider the secondary importance of the lexical categories of “plants” and “animals”. The relevance is due to the continuous interest of linguists to the study of the processes of interpretation and conceptualization, which is confirmed by numerous works in this field of research. The purpose of this research

should be considered the analysis of lexical units objectifying the areas of “plants” and “animals” within the framework of their color realization on the material of German, Russian and English. The main methods in the work are the method of conceptual analysis, the method of component analysis. We describe in detail the implementation in languages of the “color” attribute of interpretive knowledge formats based on lexical categories representing the areas “plants” and “animals”. In the course of the study of the actual material, interpretive signs of the perception and observation format, characteristic of the categories of this field, were revealed. We analyze a number of lexical units included in the “plants” and “animal” areas, and make conclusions on updating the color scheme in the language using the interpretation of lexical categories.

Keywords: interpretation; interpretive potential; interpretation area; format of knowledge; secondary value

For citation: Zakharova M.A., Iagodnitsena E.A. Interpretationspotenzial der deutschen Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält [Interpretive potential of German lexis with color definition in its structure]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 315-326. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-315-326 (In German, Abstr. in Engl.)

Аннотация. Проанализирована немецкая лексика, содержащая в своей структуре обозначение цвета, а также рассмотрено вторичное значение лексических категорий областей «растения» и «животные». Актуальность обусловлена непрерывным интересом лингвистов к изучению процессов интерпретации и концептуализации, что подтверждают многочисленные работы в данной области исследования. Целью настоящего исследования следует считать анализ лексических единиц, объективирующих области «растения» и «животные» в рамках их цветовой реализации на материале немецкого, русского и английского языка. Основными методами являются метод концептуального анализа, метод компонентного анализа. Подробно описывается реализация в языках признака «цвет» интерпретирующих форматов знания на базе лексических категорий, репрезентирующих области «растения» и «животные». В ходе исследования фактического материала были выявлены интерпретирующие признаки формата перцепции и наблюдения, свойственные категориям данной области. Был проанализирован ряд лексических единиц, входящих в области «растения» и «животные», и сделаны основные выводы об актуализации цветовой схемы в языке при помощи интерпретации данных лексических категорий.

Ключевые слова: интерпретация; интерпретирующий потенциал; интерпретируемая область; формат перцепции; вторичное значение

Для цитирования: Zakharova M.A., Iagodnitsena E.A. Interpretationspotenzial der deutschen Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 315-326. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-315-326

Der Grundbegriff dieser Arbeit ist die Interpretation, worunter man die auf den Mechanismen der konzeptuellen Derivation gründende kognitive Tätigkeit des Menschen versteht, die die Entwicklung der Bedeutungen von Ausgangskonzepten und die Herstellung der Verbindung zwischen den entsprechenden kognitiven Gebieten darstellt.

Die Vielfalt der Merkmale von den Objekten der Interpretation zulässt das Vorhandensein von verschiedenen interpretierenden Formaten des Wissens, aber in dieser Arbeit spielt das Format der Wahrnehmung eine besonders wichtige Rolle, weil die Wahrnehmung des empfundenen Merkmals einen psychischen Grund hat und in Großem und Ganzem, die Wahrnehmung des Merkmals durch die Gefühlsorgane bedeutet.

Es sei betont, dass die Variabilität der lexikalischen Kategorien, die die Ontologie der Welt widerspiegeln, eine Möglichkeit anbietet, verschiedene Typen der Schätzungsbedeutungen zulässt.

Für die Identifizierung der Besonderheiten der Farbenwahrnehmung bei den Vertretern der deutschen Kultur gibt es in dieser Arbeit einige Beispiele aus Englisch und Russisch. Außerdem sind in diesem Artikel manche Kontexte mit den erforschenden Lexemen dargestellt, um die Bedeutungsnuancen zu zeigen.

Es sei bemerkt, dass die Farbencharakteristik jedem Objekt eigen ist, darum hat in meisten Fällen die Interpretation die Identifikationscharakter. Die Charakteristik mit der Beurteilung ist

nur im Falle der Bildung der sekundären Bedeutung von der Farbe.

In der Arbeit sind verschiedene Sprachstrukturen beschrieben, unter denen es die zusammengesetzten Adjektive mit der Struktur *Tiername + Farbe* gibt. Die Besonderheit solcher Adjektive ist keine sekundäre Bedeutung von Tiernamen als ihrer Bestandteil. Im Unterschied von zusammengesetzten Substantiven, die in meisten Fällen die das feste Ziel der Interpretation haben, sind die zusammengesetzten Adjektive fähig verschiedene Objekte zu charakterisieren, was die breite Palette der Ziele der Interpretation formt.

Ein anderer Typ der Sprachstrukturen sind die attributiven Wortverbindungen mit der Struktur *Farbenadjektiv + Substantiv*. In diesem Fall hilft das Substantiv das Ziel der Interpretation festzustellen und das Adjektiv dient für die Bestimmung des Interpretationsformats.

Also, weiter sind einige Beispiele zu jeder Farbe dargestellt.

ROT

Das Adjektiv *puterrot* – '(im Gesicht) überaus rot (besonders vor Wut, Scham)' [duden.de] zeigt die Interpretation des Merkmals der Hautfarbe (Abb. 1). Die Veränderung der Hautfarbe des Puters ist davon verursacht, dass es auf dem Hals und auf dem Kopf des Vogels viele Blutgefäße gibt. Da dieses Merkmal nur beim Zorn für den Vogel kennzeichnend ist, folgt daraus die Bedeutung des Formates der Beobachtung, das auch für den Referenten kennzeichnend ist: „Ein gemäßigter Kommentar war, verglichen mit dem Wutausbruch von Kohler, der mit *puterrotem Gesicht* tobte“ [1].

Doch es stellte sich heraus, dass solche Bezeichnung den Referenten in anderen Zuständen passt, z.B. die Verwirrung: „Da ist zum anderen das Mädchen aus der Tertia, das nicht nur *puterrot* wird, sobald der Lehrer es aufruft, damit es ein Gedicht aufsage, einen fremdsprachigen Text vorlese oder aus eigenen Erfahrungen berichte, sondern das mit Sicherheit mittendrin „steckenbleibt“¹. In diesem Fall spielt das Format der Wahrnehmung keine Rolle, weil die Ursachen der roten Gesichtsfarbe ganz verschieden sind. Außerdem wurden mit diesem Adjektiv auch die Objekte der Natur beschrieben: „Mit unverbaubarer Aussicht auf den freien Fall der *puterroten* Sonne liegt Le Mas du Langoustier

unter Schirmpinien eingebettet...“². Also, in letzten 2 Fällen kommt die Interpretation der Tiernamen durch das Format der Wahrnehmung zustande.

In Russischer Sprache gibt es auch eine Redewendung «красный как рак», doch diese passt zur Bezeichnung des Referenten nur im Zustand der Verwirrung [2]. Hier ist die Interpretation komplizierter, weil die Farbe des Krebses von der Freisetzung des Astaksamins im Panzer beim Kochen verursacht wird³, so dass das Format der Beobachtung unmöglich ist.

Die Pflanzennamen haben auch einige Beispiele. So macht die Farbe der Tomate möglich solche Wortverbindung „rot wie eine Tomate“ – 'Heftig erröten, z. B. aus Scham' (Abb. 2). Im Unterschied zum oben beschreibendes Adjektiv *puterrot*, ist diese Wortverbindung die Vergleichung, die durch das Format der Wahrnehmung zugrunde kommt. Hier gibt es eine Projektion von dieser Wortverbindung auf dem kognitiven Gebiet „Menschen“ wieder im Segment „Hautfarbe“: „Als ich das erste Mal du zu ihm sagte, wurde ich **rot wie eine Tomate**, obwohl ich zu den Befürwortern des Du gehörte“⁴. Es ist auch möglich, die Bedeutungsübertragung ins kognitive Gebiet „Artefakte“ auszuführen: Wir warten nur kurz, dann hält ein klebstofffrischer Trabbi, mit... farbiger Benzinverbrauchsanzeige, die ab 70 km/h **rot wie eine Tomate** wird [3, S. 285].

Die Komposita *kirschrot* und *himbeerrot* benutzt man in meisten Fällen bei der Interpretation mit dem Zielgebiete „Naturobjekte“ und „Artefakte“ durch das Format der Wahrnehmung: Gute Steine müssen Hitze fest bis 900 °C (Glühfarbe: **kirschrot**) sein [4, S. 108]; Seine **himbeerrote** Bluse endete... kurz unter den Ellbogen [5, S. 116].

Doch das Adjektiv *kirschrot* zeigt auch die Interpretation mit dem Zielgebiet „Menschen“, was man in einem Beispiel mit der negativen Beurteilung sehen kann: Worte wie Putzi, Schnurzelchen oder Hasimausi ändern über **kirschrot** beschmierte Lippen und verströmen den süßlich-fauligen Geruch pseudo-weiblicher Debität [6, S. 45]. Jedenfalls geht es hier um

² Am Orchestergraben der Zikaden // Die Zeit. 2003. 31 Juli.

³ Почему рак краснеет при варке? URL: <http://www.vokrugsveta.ru/quiz/208301/> (abrufen: 05.01.2019).

⁴ Viele möchten "Du" sagen // Die Zeit. 1974. 15 Februar.

¹ Das verratene Vertrauen // Die Zeit. 1963. 1 November.

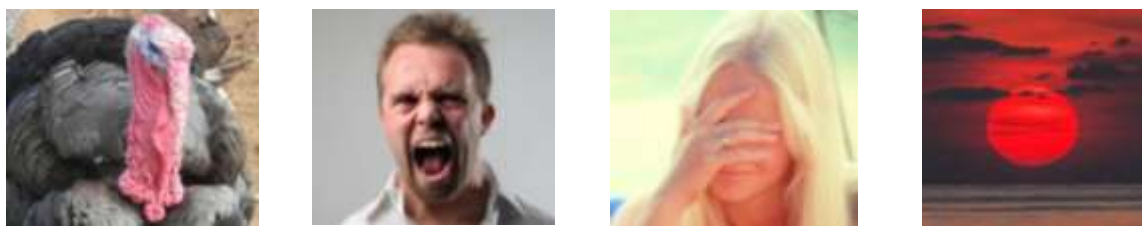

Abb. 1. Rote Farbe in der Interpretation des Zoonyms

Abb. 2. Rote Farbe als Bezeichnung der Pflanzennamen

die Übertragung auf die Lippenfarbe, die sich nicht von intellektueller Begabung abhängt und keine natürliche Farbe der Lippen ist.

Das Wort *Kirsche* kann selbst die sekundäre Bedeutung haben, was man in solchem Beispiel sieht: *Ihr Antlitz war rund und kerngesund, / Die Augen wie blaue Turkoasen, / Die Wangen wie Rosen, wie Kirschen der Mund, / Auch etwas rötlich die Nase* [7]. Der Autor beschreibt den Mund, indem er die Vergleichung durch das Format der Wahrnehmung benutzt.

GELB

Die Bezeichnung vom Gefieder des Vogels liegt im Grund der Bedeutung des Adjektivs *kanariengelb* – ‘hellgelb’ (Abb. 3), die durch das Format der Wahrnehmung gebildet wurde. Als Zielgebiete der Interpretation wurden am meisten Kleidungsstücke gewählt, was man auf unten liegenden Bildern und folgenden Beispielen sehen kann: *Er trug einen grauen Anzug, der selbst für seine kleine, dürre Gestalt etwas zu eng schien, dazu eine rote Krawatte und kanariengelbe Schnürstiefel* [8, S. 32]; *An jedem Buckel bleiben sie stehen, die Norweger bilden einen Pulk kanariengelber Skianzüge* [9, S. 4].

In englischer Sprache kann man ähnlichen Ausdruck finden: *canary yellow* – ‘a moderate yellow colour, sometimes with a green ishtinge’⁵.

Das zusammengesetzte Adjektiv *zitronengelb* – ‘von der Farbe einer Zitrone’ (Abb. 4) ist

als Ergebnis der Bedeutungsübertragung durch das Format der Wahrnehmung gebildet, aber das Zielgebiet der Interpretation ist breiter und enthält nicht nur das Gebiet ‘Artefakte’, sondern auch ‘Naturobjekte’: *„Afrika, wir kommen!“ ruft eine Dame im zitronengelben Kleid die Gangway hinablaufend und setzt sich unten ihren verwegenen Strohhut auf* [10]. *Der Himmel hinter ihnen färbte sich rosa und zitronengelb, während die Sonne immer tiefer aufs Meer zu sank und von oben ein dunkles Blau herabsickerte wie auslaufende Tinte* [11, S. 125].

GRÜN

Nicht so bestimmt ist die Bedeutung des Adjektivs *papageigrün* – ‘grün wie das Gefieder der Papageien’ (Abb. 5), weil das Gefieder der verschiedenen Papageienarten verschieden sein kann. Die Interpretation des Tiernamens wird durch das Format der Wahrnehmung ausgeführt. Bei der Beschreibung des Interieurs wurde das Adjektiv als ‘spitziges gelb-grün’ definiert⁶.

Die Interpretation von Pflanzennamen als Bestandteil des Adjektivs zeigte die Vielfalt der Farbtonen des Grünen, zum Beispiel: *grasgrün* – ‘leuchtend grün’, *tannengrün* – ‘Tertiärfarbe’, *olivgrün* – ‘abgetöntes Grün’, *resedagrün* – ‘ein zartes, leicht trübes Gelbgrün aufweisend’ (Abb. 6).

⁵ Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/us/> (accessed: 05.01.2019).

⁶ Farbkonzep im Kinderzimmer mit Alpina Farbenfreunden. URL: <https://www.knauberwelt.de/alpina-farbenfreunde/> (abrufen: 05.01.2019).

Abb. 3. Interpretation der Kleidungsstücke in gelber Farbe

Abb. 4. Gelb als Interpretation für Artefakte und Naturobjekte

Abb. 5. Papageiengrün

Abb. 6. Farbtönen des Grünen

Die ganze Interpretation dieser Adjektive wurde durch das Format der Wahrnehmung ausgeführt. Bei der Bildersuche von dieser Farbe kann man am meistens die Artefakte bzw. Kleidungsstücke finden (Abb. 7).

Doch alle diese Beispiele und Spracheinheiten stellen die primären Bedeutungen der Farben. Die nächste Wortverbindung zeigt umgekehrt die sekundäre Nomination: *Auf einen grünen Zweig kommen* – '[wirtschaftlichen, finanziellen o. ä.] Erfolg haben'. Die Interpretation ist mit der Hilfe der Metapher, die auf der Ähnlichkeit des wirtschaftlichen Anstieges und des Frühlingsaufblühens gründet, und durch das Format der Beobachtung ausgeführt: *Ein aufregter junger Auswanderer aus Danzig erzählte, wie er sich als Conditor bemüht habe, auf grünen Zweig zukommen, wie er sein Geschäft verkauft und „einen Juden angeschmiert“ habe, wie er jetzt mit 8 Dollars nach Brasilien gehe, irgendwelche Arbeit zu suchen* [12, S. 209].

BLAU

Das Spektrum der Interpretation des Pflanzennamen *Veilchen* ist breit und wird mit der Hilfe folgender Mechanismen ausgeführt.

Vergleichung: *er ist blau wie ein Veilchen* – '*sehr betrunken*'. Es geht dabei nicht um die Übertragung auf das Gebiet „Menschen“ nach der Ähnlichkeit der Farbe, weil der betrunkene Mensch nicht blaue Farbe ist. So funktioniert in diesem Fall das Format der Assoziation, weil es eine Meinung gibt, dass man in den alten Zeiten für die Herstellung des blauen Farbstoffes den Urin des betrunkenen Menschen benutzte⁷.

Metapher – der Begriff *Veilchen* bekommt auch sekundäre Bedeutung:

– als der Teil des zusammengesetzten Substantivs *Veilchenaugen*. Die blaue Farbe des Veilchens lässt die Übertragung durch das Format der Wahrnehmung auf das Gebiet „Menschen“ verwirklichen (Augenfarbe): *Deine klaren Veilchenaugen / Schweben vor mir Tag und Nacht, / Und mich quält es: was bedeuten / Diese süßen, blauen Rätsel?* [14];

– als der Teil des zusammengesetzten Adjektivs *veilchenblau* – '*das kräftige, dunkle, ins Violett spielende Blau des Veilchens aufwei-*

send'⁸. Die Interpretation findet durch das Format der Wahrnehmung statt, aber als Zielgebiet können verschiedene Bereiche sein, was auch manche Beispiele zeigen: *Die veilchenblauen Augen Vilshofens folgten der gedachten Linie* [14, S. 87]. *Sie stand in der Tür, massiv, uneinnehmbar, schien aus mehreren Autoreifen zusammengesetzt, die in himbeerfarbenen Sweater und veilchenblaue Hosen gepreßt waren* [15, S. 196];

– ohne verbundene Wörter mit der Bedeutung '*blauer Fleck unter dem Auge*': *Ein blaues Veilchen zierte das Gesicht von Pierre Pagé unterhalb des rechten Auges* [16]. *Er ist größer, viel stärker, so Bean, unter dessen rechtem Auge ein Veilchen blühte*⁹.

Es sei betont, dass die oben stehende *Veilchenaugen* und *veilchenblaue Augen* dasselbe bedeuten, doch im zweiten Fall hat das Wort *Veilchen* keine sekundäre Bedeutung bisher das volle Adjektiv mit dem Begriff aus anderem kognitiven Gebiet verwendet wird. Im Unterschied dazu zeigt das zusammengesetzte Substantiv die sekundäre Bedeutung des Teils *Veilchen*, weil im entgegengesetzten Fall dieses Wort '*die Augen vom Veilchen*' bedeuten würde. Das letzte Fall zeigt auch die sekundäre Bedeutung, weil die primäre die Blume bezeichnet.

Das heißt, dass verschiedene Spracheinheiten, die gleiche oder nahe Begriffe zeigen, verschiedene Stufe der sekundären Bedeutungen zeigen. Je mehr unter dem Wort versteckt, desto höher ist der Grad der Sekundarität vom Pflanzennamen. Das hängt von begleitenden Wörtern ab, weil sie den Teil der Bedeutungsübertragung auf sich nehmen (Tab. 1).

Es ist auch sehr interessant, dass sie Farbe der Veilchenblumen gar nicht immer blau ist, außerdem stammt das Wort *Veilchen* vom ahd. *fiol*, was *violett* bedeutete¹⁰.

Das Adjektiv *hechtblau* bedeutet '*von der Farbe eines Hechtes; blaugrau*' [duden.de]. Die Kontexte zeigen, dass die Interpretation dieses Adjektivs verschiedene Zielgebiete hat: sowohl Naturobjekte, als auch Artefakte. Dabei ist die Fischfarbe eher wärmer, darum ist es nicht verständlich, wie solches Adjektiv gebildet wurde.

⁸ Duden – Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Deutsche Sprache in 12 Bde. Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, 2013. Bd. 11.

⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

¹⁰ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 05.01.2019).

⁷ Warum heißt betrunken sein blau sein? – die Antwort. URL: https://praxistipps.focus.de/warum-heisst-betrunken-sein-blau-sein-die-antwort_96698 (abrufen: 05.01.2019).

Abb. 7. Illustration der Artefakten und Kleidung in grüner Farbe

Tabelle 1

Bedeutungsübertragung der begleitenden Wörtern

Spracheinheit	‘Farbe’	‘Körperteil’
<i>veilchenblaue Augen</i>	offenbar	offenbar
<i>Veilchenaugen</i>	versteckt	offenbar
<i>Veilchen</i>	versteckt	versteckt

GRAU

In der Sprache gibt es auch ein Adjektiv mit ähnlicher Bedeutung – *hechtgrau* – ‘*blaugrau*’¹¹ (Abb. 8). In meisten Fällen bezeichnet dieses Adjektiv die Militärkleidungsstücke: „über dem betressten Kragen seiner **hechtgrauen** Generalsuniform ließ ihn trotz seiner Jahre höchst attraktiv erscheinen“¹². Die Bilder zeigen tatsächliche äußere Ähnlichkeit von Objekten der Interpretation.

Ähnliche Bedeutung hat auch das Adjektiv *taubengrau* – ‘*taubenblau*’¹³ (Abb. 9). Doch das Zielbereich der Interpretation ist ganz breiter, z. B.: *Ein **taubengraues** Sportkostüm umhüllt die schmale Gestalt* [17, S. 81]. *Sie streckte sich, wie sie war, auf dem Staatsbett aus, angekleidet und ohne Decke, die Insekten summten, vom Tischchen duftete etwas Obst, sie verschränkte die Hände unterm Nacken, kreuzte die Füße, über ihr träumte **taubengrau** der Halbhimmel aus Seide, ab und zu grollte es hinter den Wäldern* [18, S. 680]. *Während die Grundfarben hell und zart sind, setzen einzelne Möbel Akzente, etwa himbeerrote Sessel vor **taubengrauen** Wänden*¹⁴.

Beide Adjektive haben die Interpretation durch das Format der Wahrnehmung.

Attributive Wortverbindung *graue Maus* – ‘*unscheinbare Person, die wenig aus sich zu machen versteht, der wenig Beachtung geschenkt wird*’¹⁵ veranschaulicht komplizierte Struktur der Interpretation im Rahmen des Merkmals des Formats der Wahrnehmung in Domain „körperliche Merkmale“, dabei wird die sekundäre Bedeutung des Adjektivs in Domain „Sozialisation“ gebildet. In einigen Beispielen wurden die Merkmale des kognitiven Gebietes ‘*Menschen*’ ins kognitive Gebiet ‘*gesellschaftliche Organisationen*’ übertragen, bezeichnend beispielsweise Fußballclub: *Es hat mich furchtbar geärgert, dass der HSV **zur grauen Maus** <...> geworden ist. Es fehlte eindeutig eine Leitfigur*¹⁶. In diesem Artikel spricht der Förderer und Fan des Hamburger SV über schlechte Arbeit der Organisatoren, weswegen der SV seine Position in der Bundesliga nachlässt. Die gemeinsame Domain ‘sozialer Status’ ermöglicht die Nomination des SVs bei den kognitiven Gebieten ‘*Menschen*’ und ‘*Organisationen*’ mit Hilfe der Wortverbindung mit dem Bestandteil Tiername.

¹¹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 05.01.2019).

¹⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

Abb. 8. Hechtgrau

Abb. 9. Taubengrau

Im Gegenteil kann man die Benutzung des SVs in solchem Beispiel beobachten: „Hannover 96er lebt in der Fußball-Bundesliga eine zauberhafte Metamorphose: **Die graue Maus** verwandelt sich in einen stolzen Schwan. Nachdem 1:0 beim FC St. Pauli <...>“¹⁷. In vorigem Beispiel diente das Merkmal des Formats der Wahrnehmung im Segment „Farbe“ als Grund der Bildung der sekundären Bedeutung, in diesem Kontext aber wird die Gegenüberstellung der Wortverbindungen ‘die graue Maus’ und ‘ein stolzer Schwan’ durch die Interpretation beiden Tiernamen im Format der Beobachtung bezeichnet.

Durch diese Wortverbindung wurde auch die ganze Stadt genannt: „...Hannover, dem, wenn es denn überhaupt zu den deutschen Metropolen gerechnet werden kann, eher die Rolle **der grauen Maus** zufällt“¹⁸. Es ist wahrscheinlich, dass die Interpretation des Zoonyms in diesem Zusammenhang nach dem Format der Funktion erfolgt, dass durch das Wort *die Rolle* unterstrichen wird. Wenn die vorhergehenden

Beispiele die Veränderung des sozialen Status aus Sicht des Prestiges veranschaulichen, sprechen wir in diesem Fall von der wirtschaftlichen Rolle der Stadt, die mit dem praktischen Fehlen der positiven Rolle der Maus für den Menschen verglichen wird.

Alle Beispiele der Interpretation des Zoonyms in der Zusammensetzung dieses Satzes veranschaulichen die kennzeichnende Art der Interpretation mit dem Zeichen «-».

SCHWARZ

Anders wird die Interpretation des Adjektivs *rabenschwarz* (Abb. 10) verwirklicht. Im Fall der Nomination des Pferdes oder des Rosses durch dieses

Abb. 10. Adjektiv „rabenschwarz“

¹⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

¹⁸ Ibid.

Adjektiv kann man den internen Interpretationsvektor durch das Format der Wahrnehmung in Domain „*physikalische Eigenschaften*“ beobachten ohne Bildung der bildlichen Bedeutung von abgeleiteten Adjektiv. Die praktische Sprachumsetzung dieses Adjektivs zeigt jedoch die Häufigkeit seiner Verwendung im übertragenen Sinne als etwas Düsteres, Dunkles und Unglückliches, was in der Attributwortkombination deutlich dargestellt ist: *rabenschwarzer Tag* – ‘ein Unglückstag; ein Tag voller Misserfolge’ [www.redensarten-index.de]. In diesem Fall wird das Wort Tag nicht als Tageslicht betrachtet, sondern als Zeitspanne, weshalb das Adjektiv keine widersprüchlichen Beziehungen zum Wesentlichen eingeht. In diesem Fall liegt offensichtlich eine Interpretation mit einem negativen Merkmal vor, das bei kontextuellen Verwendungen häufig betont wird: „*Wir haben einen rabenschwarzen Tag erwischt*“, *ärgerte sich er*¹⁹.

Die Verbindung dieses Adjektivs mit dem Substantiv *Nacht* zeigt die Interpretation ohne Bildung der sekundären Bedeutung: „*Einmal, bei rabenschwarzer Nacht in der Wüste, steuerte er das Auto mit seiner Frau und sechs Kindern um ein Haar in einen Abgrund*“²⁰. In diesem Fall aber ist die negative Bewertung dieser Eigenschaft offenbar, denn sie konnte negativ aufs Leben des Fahrers und seiner Familie beeinflussen.

Doch wenn es im Falle der Charakterisierung der Farbe des Pferdes als die Referenz eines Adjektiv-Zoonyms ein spezifisches Objekt der Natur austritt, dessen Farbe allgemeine Charakterisierung mit der Farbe eines Raben aufwies, kann die Charakterisierung der „Farbe des Nachts“ nicht vollständig der Farbe des Vogels entsprechen. Die Nacht als abstraktes Konzept, das ein Zeitintervall bezeichnet, kann nicht durch Wahrnehmungsmerkmale charakterisiert werden. Sinneswahrnehmende Objekte um uns herum sind in dieser Zeit schwarze oder dunkle Farben inhärent, dies ist aber keine ständige Eigenschaft.

Die kontextuelle Verwendung ähnlicher Zoonyms als Charakterisierung der Farbe wird auch in englischer Sprache beobachtet: „*The picture shows a dreamy, raven-haired young*

woman“²¹. „*Not really, she says, twirling her ravenlocks*“²².

Die Wendung *schwarzes Schaf* kann man im 1. Buch Mosein Jaakows Worte an Lawan beobachten. Es ist bekannt, dass es Jaakows Absicht war, starke dunkle Schafe gezielt zu züchten, um sie von seinem Schwiegervater zu nehmen, während er externe Faktoren einsetzte, um das gewünschte zu erreichen [Быт. 30, 41] oder indem er die Tatsache ausnutzt, dass weiße Schafe überwiegend heterozygot sind [19], erzielt Jaakow ein Ergebnis. Wenn wir die Interpretation des Zoonyms aus der Sicht des 1. Buch Mose betrachten, dann ist es offensichtlich, dass solche „schwarzen Schafe“ unter weißen Schafen erscheinen und nicht isoliert leben. Und die Komponente der Bedeutung von „Unterdrückung“ wird aus diesem Blickwinkel unvollständig verwirklicht, weil sie, von Lawan verachtet, zu einer begehrten Beute für Jaakow wurden. Aus Sicht der Interpretation dieses Zoonyms sollte man von einem assoziativen Format sprechen.

WEIß

Im Gegensatz zum Zoonym *schwarzes Schaf* hat Zoonym *weißer Rabe* keine negative Bewertung in seiner Definition als *eine ganz seltene Ausnahme, eine große Seltenheit*²³. Die untersuchten Kontexte zeigten, dass die Verwendung dieses Lexems nicht nur von einer negativen, sondern auch von einer positiven Charakterisierung begleitet wird: „*Die weißen Raben<...>sind naive Provinzler, die als halbe Kinder freiwillig in den Krieg zogen und von dort als Krüppel und vergewaltigende Monster zurückkehrten*“²⁴.

„*Jener 70-jährige, sieben Sprachen sprechend und noch in einer Patentabteilung tätig, sei auch bei ihnen längst „ein weißer Rabe“*“ [20]. Ein anderer Kontext erscheint unter dem Gesichtspunkt der Bestimmung der Art der Interpretation neugierig zu sein, wenn er gemäß der beschriebenen Einstellung zu einer Person, die nicht betrügen und stehlen möchte, in einem

¹⁹ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

²⁰ Ibid.

²¹ British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (abrufen: 05.01.2019).

²² Ibid.

²³ Duden – Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Deutsche Sprache in 12 Bde. Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, 2013. Bd. 11.

²⁴ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

Abb. 11. Vergleich der Maus und der Polizistenuniform

Abb. 12. Weiße Farbe in verschiedenen Bereichen

negativen Licht wahrgenommen wird, weil er von der Arbeit ausgeschlossen und als nicht handlungsfähig definiert ist: „Die Beamten des Ministeriums sollen ganz systematisch wie in Verbrecherschulen zu Diebereien angehalten worden sei. Wer nicht mit stehlen wollte, wurde als **weißer Rabe** sofort aus dem Dienst gejagt und erhielt das Zeugnis eines unfähigen Beamten, der nirgendwo wieder angestellt wurde“²⁵. Die Ironie des Autors, die im ersten Satz im Vergleich zu der Schule für Kriminelle, in der sie Diebstahl unterrichten müssen, zum Ausdruck gebracht wird, zeigt jedoch eine positive Einstellung gegenüber denjenigen Beamten, die im Gegensatz zu dem beschriebenen nichts stehlen.

Durch die Wortverbindung *weiße Maus* (Abb. 11) wird eine Polizeiaufsichtsbehörde²⁶ aufgrund der Farbanpassung der Maus der Uniform genannt, was uns die Interpretation im Rahmen des Wahrnehmungsformats zeigt.

Das Adjektiv *blütenweiß* – ‘(von Wäsche o.Ä.) strahlend weiß’ (Abb. 12) wird als Interpretation aufs Gebiet „Artefakte“ aufgrund des Wahrnehmungsformats benutzt: *Alles, was nicht blütenweiß ist, ist schmutzig*²⁷.

Konzept *Lilie* bildet eine Interpretation durch Merkmal „Farbe“ des Wahrnehmungsformats aufgrund der sekundären Nomination im Segment ‘Hautfarbe’: *Wie eine Lilie, weiß, schlank, kerzengrade, war sie hinaufgewachsen über ihre Mitschwester*²⁸. Als Interpretationsmechanismus dient in diesem Fall der Vergleich, der durch das Bindewort *wie* ausgedrückt wird.

Daher erscheint es notwendig, Rückschlüsse auf die Ergebnisse dieser Wissenschaftsarbeit zu ziehen. Die Analyse des Interpretationspotenzials lexikalischer Einheiten im Bereich *Flora* und *Fauna* zeigte, dass die häufigsten Wissensformate dieser Bereiche die Wahrnehmungs- und Beobachtungsformate sind. Die „Artefakte“ und „Menschen“ – Bereiche die-

²⁵ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

²⁶ Duden Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (abrufen: 05.01.2019).

²⁷ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (abrufen: 05.01.2019).

²⁸ Ibid.

nen als Zielbereich für diese Art von Interpretationen. Die wichtigsten Interpretationsmechanismen, die die untersuchten Bereiche repräsentieren, waren Metapher und Vergleich.

Diese Erkenntnisse ermöglichen es uns, das Verständnis des Interpretationspotenzials des

deutschen Vokabulars im Rahmen des Farbzeichens des Wahrnehmungsformats zu erweitern und eine Grundlage für weitere Forschung in diesem Bereich zu schaffen.

Список литературы

1. Weber-Klüver K. Greinen auf der Dorfbühne // Berliner Zeitung. 2000. 10 Apr.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
3. Ketman P., Wissmach A. DDR – ein Reisebuch in den Alltag. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1986.
4. Poller L., Mutz H. Die Sauna. Berlin: Verl. Tribüne, 1973.
5. Walser M. Halbzeit. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997 [1960].
6. Husen H. Ich scheiß auf Drag-Queens // Salbader. 1999. № 24.
7. Heine H. Deutschland. Ein Wintermärchen. Hamburg, Hoffmann und Campe, 1844.
8. Werfel F. Die Vierzig Tage des Musa Dagh I. Stockholm: Bermann-Fischer, 1947 [1933].
9. Schweikle J. Herr K. hat Husten // Die Zeit. 2000. 20 Jan.
10. Hahlweg B. Tunesien bringt die Augen zum Leuchten // Berliner Zeitung. 2001. 26 Mai.
11. Funke C. Tintenherz. Hamburg: Cecilie Dressler Verlag, 2003.
12. Klemperer V. Tagebuch 1925. Leben sammeln, nicht fragen wozu und warum. Berlin: Aufbau-Taschenbuch-Verlag, 2000 [1925].
13. Heine H. Werke und Briefe in zehn Bänden. Berlin, 1972.
14. Plievier T. Stalingrad. München: Desch, 1973 [1946].
15. Knief H. Der geschenkte Gaul. Berlin: Ullstein, 1999 [1970].
16. Wolf K. Drei folgenreiche Minuten // Berliner Zeitung. 2005. 10 Okt.
17. Horster H.-U. (Rhein E.). Ein Herz spielt falsch. Köln: Lingen, 1991 [1950].
18. von Niebelschütz W. Der blaue Kammerherr. Stuttgart: Dt. Bücherbund, [1991] [1949].
19. Муравник Г.Л. Библиейские корни генетики. Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. М., 2014. С. 77-102.
20. Gerste M. Was heißt hier alt? // Die Zeit. 1984. 13 Apr. URL: <http://www.zeit.de/1984/16/was-heisst-hier-alt> (abrufen: 05.01.2019).

References

1. Weber-Klüver K. Greinen auf der Dorfbühne. *Berliner Zeitung*, 2000, 10 Apr. (In German).
2. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian Language Dictionary: in 4 vols.]. 4th ed., stereotyped. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russian).
3. Ketman P., Wissmach A. *DDR – ein Reisebuch in den Alltag*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, 1986. (In German).
4. Poller L., Mutz H. *Die Sauna*. Berlin, Verl. Tribüne, 1973. (In German).
5. Walser M. *Halbzeit*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1997 [1960]. (In German).
6. Husen H. Ich scheiß auf Drag-Queens. *Salbader*, 1999, no. 24. (In German).
7. Heine H. *Deutschland. Ein Wintermärchen*. Hamburg, Hoffmann und Campe, 1844. (In German).
8. Werfel F. *Die Vierzig Tage des Musa Dagh I*. Stockholm, Bermann-Fischer, 1947 [1933]. (In German).
9. Schweikle J. Herr K. hat Husten. *Die Zeit*, 2000, 20 Jan. (In German).
10. Hahlweg B. Tunesien bringt die Augen zum Leuchten. *Berliner Zeitung*, 2001, 26 May. (In German).
11. Funke C. *Tintenherz*. Hamburg, Cecilie Dressler Verlag, 2003. (In German).
12. Klemperer V. *Tagebuch 1925. Leben sammeln, nicht fragen wozu und warum*. Berlin, Aufbau-Taschenbuch-Verlag, 2000 [1925]. (In German).
13. Heine H. *Werke und Briefe in zehn Bänden*. Berlin, 1972. (In German).
14. Plievier T. *Stalingrad*. Munich, Desch, 1973 [1946]. (In German).
15. Knief H. *Der geschenkte Gaul*. Berlin, Ullstein, 1999 [1970]. (In German).
16. Wolf K. Drei folgenreiche Minuten. *Berliner Zeitung*, 2005, 10 Oct. (In German).
17. Horster H.-U. (Rhein E.). *Ein Herz spielt falsch*. Cologne, Lingen, 1991 [1950]. (In German).

18. von Niebelschütz W. *Der blaue Kammerherr*. Stuttgart, Dt. Bücherbund, [1991] [1949]. (In German).
19. Muravnik G.L. *Bibleyskiye korni genetiki. Svet Khristov prosveshchayet vsek: al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta* [Biblical Roots of Genetics. The Light of Christ Enlightens All: Almanac of the Holy-Philaretovsky Orthodox-Christian Institute]. Moscow, 2014, pp. 77-102. (In Russian).
20. Gerste M. Was heißt hier alt? *Die Zeit*, 1984, 13 Apr. (In German). Available at: <http://www.zeit.de/1984/16/was-heisst-hier-alt> (accessed 05.01.2019).

Информация об авторах

Захарова Мария Андреевна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Вклад в статью: разработка интерпретирующего потенциала лексических единиц в формате «цвет» в области зоонимов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>

Ягодница Елена Александровна, аспирант, кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Вклад в статью: исследование интерпретирующего потенциала лексических единиц немецкого языка в области фитонимов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4739-6730>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Ягодница Елена Александровна
E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Поступила в редакцию 20.03.2019 г.
Поступила после рецензирования 17.04.2019 г.
Принята к публикации 22.04.2019 г.

Information about the authors

Mariya A. Zakharova, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: masha.marusja2011@yandex.ru

Contribution: interpretation of the interpretive potential of lexical units in the color format in the area of zoonyms, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0488-7932>

Elena A. Iagodnitsena, Post-Graduate Student, Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Contribution: study of the interpretive potential of the lexical units of the German language in the field of phytonyms, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4739-6730>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena A. Iagodnitsena
E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com

Received 20 March 2019
Reviewed 17 April 2019
Accepted for press 22 April 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-327-336
УДК 811.161.1'373.232(038)

Юмористические мотивы номинации русской военной техники

Надежда Андреевна РОДИНА

ФГКБОУ ВО «Военный институт физической культуры» Министерства обороны Российской Федерации
194044, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр-т, 63
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Humorous motifs of Russian military equipment nomination

Nadezhda A. RODINA

Military Institute of Physical Education
63 Bolshoy Sampsoniyevskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>, e-mail: esperance84@mail.ru

Аннотация. В современной отечественной лингвистике существует множество работ, посвященных описанию языковых личностей представителей определенных профессий. Однако в последние десятилетия в связи с возрастанием интереса к военной сфере исследуются именованные курсантов, солдат и офицеров. Также анализируются именованные объектов материального окружения рядовых и офицеров, что позволяет более полно вести изучение языковой личности представителя Вооруженных сил Российской Федерации, поскольку соотношение мотивов и способов номинации позволит раскрыть особенности языковой личности российского военнослужащего в его коммуникации через посредника. Представлен анализ мотивационных особенностей официальных названий российской военной техники и вооружения. Хремотонимы рассмотрены с точки зрения принадлежности к юмористическим средствам коммуникации в военной сфере. Предпринята попытка обосновать применение юмористических названий спецификой национального характера, присущего российскому военнослужащему. Материалом статьи явился массив в форме глоссария в сети Интернет, а также результаты опроса самих военнослужащих. В научный оборот введен новый эмпирический материал, что позволяет сделать объективные и достоверные выводы по характеру юмористической номинации в сфере военной техники и вооружения. Материал исследования может найти применение как в военном образовании, так и в факультативном курсе ономастики в гражданском вузе.

Ключевые слова: хремотоним; военная сфера; вооружение и военная техника; мотив номинации; русский юмор; языковая личность

Для цитирования: Родина Н.А. Юмористические мотивы номинации российской военной техники // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 327-336. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-327-336

Abstract. In modern national linguistics there is a set of works devoted to the description of language personalities of representatives of certain professions. However, in the last decades due to the increase of interest in the military sphere names of cadets, soldiers and officers are in the researchers' attention centre. We also analyze names of objects of a material environment, it allows to conduct fully studying of language personality of the representative of the Armed Forces of Russian Federation as the ratio of motifs and ways of the nomination will allow to reveal features of the language personality of Russian personnel in mediated communication. We analyze the motivation features of the official names of the Russian military equipment and armor. We consider chrematonyms in terms of their belonging to humorous means of communication in military sphere. We prove application of humorous names by specifics of national character of the Russian

personnel. Material of article is the corpus in the form of the glossary in the Internet and also results of the military personnel survey. The new empirical material introduction for scientific use allows to make objective and reliable conclusions on the nature of the humorous nomination in the sphere of military equipment and armor. Research material can be used both in military education, and in an elective course of onomastics in civil university.

Keywords: chrematonyms; military sphere; military equipment and armor; nomination motif; russian humor; language personality

For citation: Rodina N.A. Yumoristicheskiye motivy nominatsii rossiyskoy voyennoy tekhniki [Humorous motifs of Russian military equipment nomination]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 327-336. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-327-336 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В лингвистике последних лет особо актуальным является вопрос о характеристике этнической языковой личности. В разных аспектах исследуются представители таких наций, как американцы, немцы, англичане, китайцы и, естественно, славянские народы, которые для нас имеют наибольший интерес. Так, в частности, последние исследования позволяют назвать такие основополагающие черты россиян, как добрый нрав, простота, сострадание, долготерпение, внутренняя эмоциональность, доверчивость, стремление к справедливости, коллективизм (соборность), великодушие, патриотизм, общительность. Однако, как пишет Е.А. Костина с соавт., в русской «ветви» данные качества находят специфическое сочетание и интенсивность проявления [1]. Появляются работы, в которых специально рассматривается русская ментальность. Так, А.В. Сергеева в монографии «Русские: стереотипы поведения, традиции ментальность» отмечает, что они «открытые, добрые, искренние, всегда готовы помочь, гостеприимные, эмоциональные и способны найти выход из любой ситуации» [2]. Профессор Института философии РАН В. Шалок выявил, что основными стереотипными чертами русских являются правдивость, интеллект и доброжелательность [3].

Языковая личность россиянина в целом уже достаточно подробно рассмотрена [4–7]. В настоящее время особое внимание обращается на пока еще малоисследованный аспект, так называемой профессиональной языковой личности, то есть языковой личности представителя какого-либо профессионального коллектива. Обычно рассматривается коммуникативная языковая личность, так как именно общение коллег и сослуживцев по-

зволяет выявить особенности их речевого поведения.

Среди разных профессий можно отметить уже те, которые исследованы в плане характеристики языковой личности. Это политики, врачи, юристы, священники, преподаватели [8–12]. Наше же внимание привлекла специфика языковой личности военнослужащих, которая еще практически не рассмотрена.

Подчеркнем особо, что профессиональная военная сфера характеризуется специфическими факторами: перманентно ограниченным временем, отведенным на общение, субординированностью, замкнутой сферой коммуникации, порождающими обилие терминологической лексики и жаргона, и др. [13]. Именно эти факторы позволяют выявить своеобразие названий материальной военной культуры, в частности – названий военной техники, которые обязательно входят как элемент профессиональной коммуникации.

Также отметим секретность службы, специфику военного языка, обусловленного не только устоявшейся терминологией, но и номенклатурой, жаргонной лексикой, названиями объектов, создаваемых для армии и флота, в ономастике именуемыми хрематонимами [14]. Благодаря номинативной функции лексики в военном подязыке сформировалась своеобразная система двойной номинации объектов: индексирование по кодификации вооруженных сил и присвоение словесного ярлыка, который способен рассказать об удивительных свойствах объекта или же, напротив, скрыть их, дезинформировать человека. Такое соотношение мотивов и способов номинации позволяет раскрыть особенности языковой личности российского

военнослужащего в его коммуникации через наименование «посредника» – техники и вооружения [15].

Целью данной статьи является выявление особенностей национального характера, присущего российскому военнослужащему сквозь призму русского юмора, отраженного в названиях военной техники.

Н.М. Числова в статье «Юмор» как средство выражения радости в межкультурном общении» рассказывает об особенностях феномена юмора как инструмента демонстрации эмоционального состояния коммуникантов, принадлежащих любой культуре. Автор рассматривает различные виды юмора и отмечает, что он чаще всего существует в ситуативной форме и основывается на несоответствии внешнего описания объекта его внутреннему состоянию, на их противостоянии. Н.М. Числова приходит к выводу о безусловной принадлежности юмора к национальной картине мира, его концептуальности, характеристике множества ситуаций из коллективной памяти народа, нарочито соединенных насмешливой интенцией для «снятия напряжения с помощью психологической разрядки в виде положительной эмоции, выражаемой радостью» [16].

В статье «Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хрематонимов в российской армии» мы подробно описали ход исследования, в процессе которого нами было собрано 1500 именований в виде глоссария на открытых ресурсах в сети Интернет, а также методом прямого интервьюирования российских военнослужащих. Из них лишь 407 прошли лексико-семантический анализ по модифицированной классификации С. Юферева. В результате анализа дифференцирующих признаков было выявлено, что 19,5 % названий имеют юмористический характер [15]. По особенностям мотивации эти 86 онимов можно разделить на 5 групп (табл. 1).

Обратим внимание на яркие юмористические именованья, представляющие собой **прецедентные имена**.

Так, имя доктора Айболита из сказки К.И. Чуковского стало названием бронированной медицинской машины для ВДВ. Еще один антропоним – Ахиллес, – называющий древнегреческого героя, трагически сраженного копьем в единственное уязвимое место, на российском флоте является словесным идентификатором мишени-имитатора подводных лодок. Морфей – это имя древнего бога сна, а также название зенитного ракетного комплекса малой дальности, предназначенного для уничтожения целей, летящих на относительно небольшой высоте. Работа на границе у любого народа наводит на мысль об иностранном языке, российский пограничный сторожевой корабль носит название Баттерфляй – в переводе с немецкого *бабочка*. Заметим, что апеллятив Баттерфляй также может рассматриваться и как антропоним, принадлежащий героине трагической оперы Дж. Пуччини. По ассоциациям со всем известными персонажами художественной литературы названы разведывательный комплекс Дá нко и Ма́угли – прицел ночного видения 1ПН72М для ПЗРК «Игла-С». Топоним Атлантида, называющий легендарный затонувший остров в Атлантике, трансформировался в именование системы противолодочного вооружения.

Следующая группа – названия военной техники **метафорического** происхождения. По В.А. Масловой, метафора «возникает вследствие сближения между сходными по производимому впечатлению». В соответствии с этим метафоре присущи следующие характеристики: «она является орудием мышления и познания мира, отражает культурные ценности, так как основана на культурно-национальном мировидении» [17 с. 90-91].

Таблица 1
Количественное распределение названий военной техники

Данные от прецедентных имен собственных	Метафорические	Языковые ассоциативные	Данные от противного	Данные по традиционным русским личным именам
7 ед. 8,1 %	48 ед. 55,9 %	10 ед. 11,6 %	16 ед. 18,6 %	5 ед. 5,8 %

Прежде всего, следует отметить группу метафор, аппеллятивы которых называют живых существ. Например, робот-сапер Богомол напоминает всем известного жука. По характеру возможных действий, связанных с техникой, присущих также людям, названы опытный танк об. 477 Бунтарь и автомобиль УАЗ-3150 Шалу́н. Мистическое существо, способное принимать облик как человека, так и животного, в русской языковой традиции называется Оборотнем, по такому же принципу получил именование и армейский двусторонний маскировочный костюм. Несколько иначе мы понимаем хремотоним Дурак, принадлежащий ядерной авиабомбе РДС-7: его можно рассматривать в соотношении с фразеологизмом *валять дурака* – заниматься чем-то несерьезным, то есть для российской армии даже оружие массового поражения представляется далеко не самым весомым аргументом. С другой точки зрения, происхождение этого именования допустимо связывать с тем, что бомба создана для борьбы с потенциальным противником, имеющим репутацию не очень умных людей. Аналогичным образом спиральное заграждение из армированной колюче-режущей ленты названо Егозой: препятствие нацелено на врага, которому «не сидится на месте». Прибор поиска неконтактных взрывных устройств в сознании военнослужащих вызывает ассоциации с врачом, специализирующимся на лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата, а потому называется Ортопедом. Также с именованием лица, совершающего действие, коррелирует и Затравщик, поскольку *затравщик* – это тот, кто завалил зверя [18, с. 24]. Следовательно, военнослужащие используют черный юмор, таким образом описывая свое отношение к войсковому индивидуальному рациону питания.

Обратим внимание, что абстрактные имена существительные нередко попадают в сферу метафоризации, так как помогают представить смысловой образ в самой сущности предмета. Примером отражения такого яркого свойства слова является Буйность – название бронетранспортера БТР-80А. Оно может метафорически передавать характеристику как транспортного средства (скорость, мощность, пренебрежение погодными и дорожными условиями), перемещаемых воен-

нослужащих (решительность, отвага, азарт), так и цели – противника, которого следует «усмирить». Часть радиолокационной антенны – антенно-фидерное устройство называется Анонсом. Однако, выбирая именование, более соответствующее военно-техническому профилю, следовало бы обратить внимание на синонимы этого слова (например, оповещение), поскольку анонс – это предварительное объявление о спектакле, концерте и т. п. [19, с. 31]. Следовательно, можно предположить, что военнослужащие рассматривают процессы обнаружения, опознавания, распознавания и т. д. как своего рода зрелище. Просторечное слово *буча*, обозначающее оживление, шумный переполох [19, с. 46], также юмористически описывает взрывозащитный комплект, названный Бучей, вероятно, в соответствии со своим применением – защитой человека от возможных негативных последствий при детонации взрывчатых веществ. С этим онимом тесно связан Выруб, называющий разрушитель взрывных устройств, поскольку он также в сознании носителей соотносится с нелитературным, сленговым словом *вырубать* в значении «отключать, дезактивировать». Морской термин *дрейф*, обозначающий «отклонение движущегося судна от курса под влиянием ветра или течения, а также движение льдов, несомых течением», трансформировался в название ручной газовой гранаты Дрейф, предназначенной для препятствия дальнейшему продвижению противника. 300-мм реактивный снаряд с объемно-детонирующей частью головки Карантин так же, как и аппеллятив, способствует временной изоляции неприятеля. Напротив, своеобразную зону комфорта обеспечивает противоосколочное одеяло Уют.

Именования-метафоры, образованные от конкретных существительных, представляют собой конгломерат разнообразных слов, принадлежащих к различным семантическим группам. К специальной лексике следует отнести юридический термин – *вето*, спортивный – *волан*, сельскохозяйственный – *гербицид*, медицинские – *диагноз* и *испанка*, литературный – *баллада*. Так, эффективность насадки Вето для метания взрывпакета из АК-47 настолько высока, что ассоциируется с безоговорочным запретом. Спасаемый ле-

тательный аппарат, используемый на учениях, получил название Волан, поскольку напоминает снаряд для игры в бадминтон. По быстрому и сильному воздействию группы химических веществ для уничтожения сорных растений именуется быстроразвертываемый комплекс охраны временных стоянок самолетов Гербицид. В соответствии со словарным толкованием *диагноз* – это определение болезни на основании исследования пациента, однако, в разговорном русском языке уже устоялось выражение *это диагноз*, которое констатирует однозначность, ультимативность чего-либо. Именно Диагнозом российские военные назвали тяжелую радиотехническую станцию Р-410М. Еще одним примером черного юмора является именование Испанка, принадлежащее авиационной станции постановки оптико-электронных помех Л-166В1. Следует отметить, что *испанка* – одна из разновидностей гриппа, в результате эпидемии которой в 1918–1919 гг. погибло более 50 миллионов человек. А армейский информационный комплекс Баллада соотносят со стихотворным произведением на историческую тему.

Чаще всего военнослужащие отмечают схожесть между техникой и чем-то еще с точки зрения выполняемых функций. Так, телефонный коммутатор П-206Б Азбука и радиостанция Р-974 Алфавит ассоциируются у автора с буквами. По ярко выраженным действиям названо следующее оружие: фугасная противопехотная мина ПФМ-1 Бабочка (от взрыва предметы летают, как бабочка), ночной бинокль БН-1 Блик (позволяет видеть в темноте), 105,2-мм ручного противотанкового гранатомета РПГ-29 Вампир (имеет мощные поражающие свойства), противотанковая мина Клещ (прикрепляется к цели и уничтожает ее). Резиновая дубинка Аргумент зачастую действительно является хорошим средством для внушения. Войсковое средство ремонта (РТВ ПВО) Водичка, по всей видимости, эффективно устраняет поломки подобно тому, как вода смывает грязь. Сейсмометрическое маскируемое средство обнаружения Грёзы также отражает главное свойство вооружения – в данном случае это невидимость. Авиационная аппаратура управления ракетным оружием носит название Венец, акцентирующее

внимание на командном свойстве оборудования.

Следующая техника и вооружение своим внешним видом напоминают военнослужащим несколько необычные предметы или животных: коротковолновая радиостанция большой мощности Р-135 на шасси Урал-375Д Байн, самоходный миномет 2С32 Ботинок, бронебойная авиабомба БРАБ-1500 Альбатрос.

Особую коннотацию имеют именованья Дуэль, Норов и Огонёк. Так, старинное название поединка, прочно ассоциирующееся у современного человека с джентльменами, брошенными перчатками и шпагами, в российской армии принадлежит отнюдь не галантному 55-мм противодиверсионному гранатомету ДП-61 Дуэль. Слово *норов* в разговорном значении используется для описания упрямства человека, характера с причудами. Вероятно, 100-мм опытная противотанковая самоходная артиллерийская установка 2С15 имеет схожий характер либо может быть направлена на укрощение такого «строптивого противника». Массивный 55-мм корабельный семиствольный гранатомет МРГ-1 носит название Огонёк, в отношении апеллиатива которого необходимо упомянуть устойчивое разговорное выражение *делать что-либо с огоньком* – с интересом, увлечением, подъемом. Соответственно, не остается ни малейшего сомнения в том, что применение этого оружия не окажет никакого мотивационного воздействия на противника.

Также следует проанализировать именованья, образованные от нарицательных имен существительных, не имеющих языковой оценки. Так, малогабаритная фотокамера прокатки Алыча напомнила имядателью знакомый каждому русскому сорт сливы, отличающийся мелкими размерами. Естественно, в этом именовании прослеживается ирония. С такой же языковой окраской дано название боевой машине десанта БМД-2 – Будка. Подобно набору цветов, Букетом именуются наручники конвойные на 5 человек. Являясь отчасти не совсем крупным предметом армейского туалета, разгрузочный жилет носит название Галантереи. Отмечая защитную функцию серии бронежилетов описательно, но юмористически, военнослужащие дали ей именование Корá. Название специального фотоаппарата Загадка намекает на секрет-

ность приспособления, но не сообщает более никаких данных, что также, как мы считаем, юмористически используется военнослужащими. По сходному принципу именуется система глобальной морской разведки и целеуказания 17К114 Легенда. 324-мм авиационная противолодочная торпеда носит название Калибр, таким образом подчеркивая соответствие имени содержанию. Ярким проявлением недоброго российского армейского юмора является название Сюрприз, принадлежащее дубинке ПУС-3 телескопической и раскладной.

Отдельно рассмотрим названия Айнёт и Царь-бомба. Первое представляет собой комбинацию междометия *ай* и частицы *нет* и имеет остаточное значение неприятной неожиданности. Именование Айнёт вполне соответствует денотату – танковой системе дистанционного подрыва осколочно-фугасных снарядов. Царь-бомбой называется термоядерная авиационная бомба АН602, внушительные тактико-технические характеристики которой ставят ее на один уровень с Царь-пушкой и Царь-колоколом.

Мы также выделим группу метафор, которые образуются в результате возникновения у военнослужащих ассоциативных цепочек, включающих такие **языковые средства**, как устойчивые выражения, жаргонизмы, устаревшая и разговорная лексика.

Так, возможности боевой разведывательной машины БРМ-1КМ Аут заставляют вспомнить крылатое выражение *отправить в аут* – иммобилизовать, дезактивировать. Прибор ночного вождения Жесть позволяет шоферу управлять транспортным средством в любых условиях, даже когда снаружи *жесть* – что-то «брутальное, вызывающее негативные эмоции, реакции»¹. Комплекс обеспечения средств управления и связи Батрак назван так, потому что предназначен для выполнения сложных задач, то есть должен *батрачить*, что в разговорном языке означает «работать на кого-либо много, не щадя сил» [20, с. 26]. В связи со словарным значением слова *дилемма* – положение, при котором выбор одной из двух противоположностей одинаково затруднителен, и существ-

ующим крылатым выражением «Вот дилемма так дилемма!», используемым при описании тяжести проблемы, название 152-мм самоходной пушки 2С5М Дилемма однозначно трактуется как отражение его тактико-технических характеристик. Поскольку в русском языке устаревший синоним к слову волшебник – *кудесник* применяется исключительно с целью выделения человека по каким-либо экстраординарным способностям, летающий командный пункт Ил-22ВЗВУ Кудесник считается особым самолетом. В связи с существованием выражения *дать леца* – сильно ударить, толкнуть кого-либо [21, с. 163] 122-мм осколочно-фугасный снаряд ОФ56 получил название Леца. Умение хорошо выглядеть, быть аккуратным и привлекательным зафиксировано в сравнении с *куклой*, *куколкой*. В связи с этим возникло юмористическое именование костюма для спецподразделений Кукла.

Эмоциональные ассоциации поддерживают такие именованья, как лопата пехотная из броневой стали Азарт, программно-коммутирующее устройство 9ДИ-3518 Аттракцион, авиатранспортабельная дорожно-землеройная машина Восторг.

Специфический тип названий – **от противного** – представлен в таких именованьях военной техники, как Аистёнок, Дева, Дятел, Заколка, Звук, Игрушка, Канарейка, Карусель, Курточка, Ласка, Мята, Нежность, Сахароза, Созидание, Украшение, Фата.

Так, адекватное название микрофотокамеры предполагает связь с изображением, поэтому оним Звук отражает нарочитое несоответствие. Похожая ситуация сопряжена с названиями 9-мм бесшумного гранатометопистолета Дятел и бесшумного стрелково-гранатометного комплекса 6С1 Канарейка, поскольку эти птицы известны своей громкостью. Именование Карусель, принадлежащее стабилизатору вооружения СВУ-500, также ему не соответствует, поскольку апеллатив *карусель* обозначает вращающееся устройство, никак не ассоциирующееся с равновесием. Гастрономически приятные ассоциации призваны вызывать названия 152-мм специального ядерного снаряда для пушек 2А36, 2С5 Мята и 152-мм кассетных боеприпасов с 8 боевыми элементами Сахароза.

¹ *Словонovo* – словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <http://slovonovo.ru/> (дата обращения: 28.02.2019).

Следующие идентификаторы имеют отношение к миниатюрным предметам, однако, называют такие объекты внушительных размеров, как 125-мм бронебойный подкалиберный снаряд ЗБМ22(23) Заколка и 533-мм торпеда ТЭ-2 Игрушка.

Названия, образованные от абстрактных существительных *созидание* и *украшение*, имеют ошибочно конструктивное остаточное значение, поскольку Созидание – это гранатомет, а Украшение – 122-мм реактивный снаряд 9М22К с кассетной боевой частью.

Онимы Дева, Ласка, Нежность, Фата вызывают позитивные, «мягкие» ассоциации, связанные с женщинами, любовью, заботой. Однако они принадлежат 82-мм миномету 2Б24, 240-мм реактивному снаряду МС-24 с химической боевой частью, конвойным наручниками и 240-мм специальной ядерной mine для минометов 52М864, 2С4 соответственно.

Помимо лексического диссонанса, в данной группе названий присутствует и морфемная оппозиция облика слова и именуемого предмета. Например, переносная РЛС артиллерийской разведки Аистёнок содержит суффикс *-ёнок*-, придающий значению оттенку уменьшительности. А в идентификаторе подводного буксировщика боевых пловцов Курточка – аналогичный суффикс *-очк*-.

Отдельно следует отметить традицию присвоения особо тяжелым бомбам самых известных русских **личных имён**: Ваня, Иван, Мария, Наташа, Татьяна. Это связано с российской ментальностью, которая предполагает существование своеобразного отождествления государства как сильного, мощного защитника и человека, представляющего это государство, чему способствуют типичные русские имена: Иван как символ русского мужчины, Мария как символ русской женщины и т. д.

Проанализировав собранный фактический материал, мы пришли к следующим выводам.

Языковой личности российского военнослужащего свойственно такое качество, как юмор. Однако этот юмор специфичен. Его можно охарактеризовать в основном как черный юмор, что чаще всего отражается в рассмотренных военных хремотонимах.

Все собранные именованья военной техники и вооружения мы разделили на 5 групп: метафорические названия (55,9 %), именованья, данные от противного (18,6 %), идентификаторы, образованные языковыми ассоциациями (11,6 %), названия, данные от прецедентных имен собственных (8,1 %), хремотонимы, данные по традиционным русским личным именам (5,8 %).

Особый интерес вызывают специфические способы номинации: в основном это метафоры, основанные на сопоставлении характера действия и внешнего вида объектов. Достаточно много названий, образованных от противного. Есть яркие прецедентные имена в роли названий военной техники.

Безусловно, с помощью военных хремотонимов получают раскрытие такие качества личности российского военнослужащего, как патриотизм, эмоциональность, а также интеллект, необходимый для создания юмористических именованья.

Специфичная окраска военного юмора, содержащегося в рассмотренных хремотонимах, соответствует основному назначению юмора в целом: трансляции мыслей и чувств – как положительных, так и отрицательных. Однако, несмотря на не всегда однозначную эмоциональную окраску, благодаря особенностям механизма своего воздействия на человека, юмор является социальным инструментом, позволяющим эффективно снимать психологическое напряжение у военнослужащих, улучшать взаимопонимание, представляя собой, таким образом, незаменимый инструмент социализации.

Список литературы

1. Костина Е.А., Егорычев А.М., Ригер А. Русские: характер, ментальность, стереотипы поведения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (16). С. 116-128.
2. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2017. 315 с.
3. Шалок В. Стереотипы национальных характеров. URL: <http://www.vaal.ru/show.php?id=171> (дата обращения: 28.02.2019).

4. Башиева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч. Специфика формирования языковой личности россиянина в поликультурном контексте // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во Южного фед. ун-та, 2013. № 4 (76). С. 90-94.
5. Бушев А.Б. Языковая личность современного россиянина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 2 (42). С. 96-98.
6. Ворожбитова А.А. Категория «Языковая личность россиянина»: материалы анкетирования как репрезентация профессиональной языковой личности филолога // Язык: история и современность. 2017. № 4. С. 13-38.
7. Пахаренко С.В. Особенности лексикона русской языковой личности в эпоху глобализации // Приоритетные научные направления: от теории к практике: материалы 36 Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2017. С. 164-167.
8. Бушев А.Б. Языковая личность политика: в чем ее специфика? // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Междунар. науч. конф. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 147-152.
9. Гринёва М.С. Профессиональная языковая личность психотерапевта: вербальный уровень // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 19-23.
10. Искандарова Г.Р. Языковая личность российского юриста в XXI в. // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 152-155.
11. Махнёва А.И. Лингвистический анализ языковой личности Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Архиепископа др. Роберта Цоллича // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Междунар. науч. конф. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. С. 131-136.
12. Сергеева О.В. Языковая личность педагога в современной школе // Актуальные аспекты лингвистики и межкультурной коммуникации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 166-169.
13. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 22 с.
14. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
15. Родина Н.А. Лексико-семантическая характеристика ассоциативных хрематонимов в российской армии // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. 2019. № 7. С. 64-71.
16. Числова Н.М. «Юмор» как средство выражения радости в межкультурном общении // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 3. С. 88-93.
17. Маслова В.А. Культурология. М.: Академия, 2001.
18. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2015.
19. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2014. 736 с.
20. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.
21. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ, 2008.

References

1. Kostina E.A., Egorychev A.M., Rieger A. Russkie: harakter, mental'nost', stereotipy povedeniya [Russians: character, mentality, behavior stereotypes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2013, no. 6 (16), pp. 116-128. (In Russian).
2. Sergeeva A.V. *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russians: Behavior Stereotypes, Traditions, Mentality]. Moscow, Flinta Publ., 2017. (In Russian).
3. Shalok V. *Stereotipy natsionalnykh kharakterov* [Stereotypes of national characters]. (In Russian). Available at: <http://www.vaal.ru/show.php?id=171> (accessed 28.02.2019)
4. Bashieva S.K., Dokhova Z.R., Shogenova M.C. Spetsifika formirovaniya yazykovoy lichnosti rossiyanina v polikul'turnom kontekste [Formation of specific language of Russian personality in the context of culture]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*, 2013, no. 4 (76), pp. 90-94. (In Russian).
5. Bushev A.B. Yazykovaya lichnost' sovremennogo rossiyanina [Language personality of the modern Russian person]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*, 2010, no. 2 (42), pp. 96-98. (In Russian).

6. Vorozhbitova A.A. Kategoriya «Yazykovaya lichnost' rossiyanina»: materialy anketirovaniya kak reprezentatsiya professional'noy yazykovoy lichnosti filologa ["Linguistic personality of a Russian" category: materials of the application as the representation of the professional linguistic personality of the philologist]. *Yazyk: istoriya i sovremennost' – Language: History and Modernity*, 2017, no. 4, pp. 13-38. (In Russian).
7. Pacharenko S.V. Osobennosti leksikona russkoj yazykovoy lichnosti v epohu globalizatsii [Features of a lexicon of the Russian language personality during a globalization era]. Materialy 36 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike» [Proceedings of 36th International Scientific and Practical Conference "Priority Scientific Directions: from the Theory to Practice"]. Novosibirsk, Center of Scientific Cooperation Development Publ., 2017, pp. 164-167. (In Russian).
8. Bushev A.B. Yazykovaya lichnost' politika: v chem ee spetsifika? [Language personality of the politician: in what its specifics?]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkaya yazykovaya lichnost' v sovremennom kommunikativnom prostranstve» [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "The Russian Language Personality in Modern Communicative Space"]. Biysk, Altai State Humanities Pedagogical University Publ., 2012, pp. 147-152. (In Russian).
9. Grinyova M.S. Professional'naya yazykovaya lichnost' psihoterapevta: verbal'nyj uroven' [Professional language personality of the psychotherapist: verbal level]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yazykovaya lichnost' i effektivnaya kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire» [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "The Language Personality and Effective Communication in the Modern Polycultural World"]. Minsk, BSU Publ. Center, 2016, pp. 19-23. (In Russian).
10. Iskandarova G.R. Yazykovaya lichnost' rossiyskogo yurista in v XXI v. [The language personality of the Russian lawyer in the 21st century]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkaya yazykovaya lichnost' v sovremennom kommunikativnom prostranstve» [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "The Russian Language Personality in Modern Communicative Space"]. Biysk, Altai State Humanities Pedagogical University Publ., 2012, pp. 152-155. (In Russian).
11. Makhnyova A.I. Lingvisticheskiy analiz yazykovoy lichnosti Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla i Arkhiepiskopa dr. Roberta Collicha [Linguistic Analysis of the Language Identity of the Patriarch of Moscow and All Russia Kirill and Archbishop Robert Tsollich]. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkaya yazykovaya lichnost' v sovremennom kommunikativnom prostranstve» [Proceedings of International Scientific and Practical Conference "The Russian Language Personality in Modern Communicative Space"]. Biysk, Altai State Humanities Pedagogical University Publ., 2012, pp. 131-136. (In Russian).
12. Sergeeva O.V. Yazykovaia lichnost pedagoga v sovremennoi shkole [The language personality of the teacher at modern school]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye aspekty lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii» [Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference "Relevant aspects of linguistics and cross-cultural communication"]. Krasnodar, 2018, pp. 166-169. (In Russian).
13. Lazarevich S.V. *Leksika i frazeologiya russkogo voennogo zhargona (semantiko-slovoobrazovatel'nyy analiz): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexicon and Phraseology of the Russian Military Slang (Semantic and Word Formation Analysis). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Nizhny Novgorod, 2000, 22 p. (In Russian).
14. Bondaleto V.D. *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow, Prosvyasheniye Publ., 1983, 224 p. (In Russian).
15. Rodina N.A. Leksiko-semanticheskaya harakteristika associativnyh hrematonimov v rossiyskoy armii [Lexical and Semantic characteristic of associative chrematonims in the Russian army]. *Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya* [Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Prospects of a Research], 2019, no. 7, pp. 64-71. (In Russian).
16. Chislova N.M. "Yumor" kak sredstvo vyrazheniya radosti v mezhkul'turnom obshchenii [The notion of "humor" as an expressive means of joy in the intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki – Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 2013, no. 3, pp. 88-93. (In Russian).
17. Maslova V.A. *Kul'turologiya* [Culturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. (In Russian).
18. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. (In Russian).
19. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, AST Publ., 2014, 736 p. (In Russian).
20. Yefremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of Russian Language. Explanatory and Word Formation]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (In Russian).

21. Fyodorov A.I. *Frazeologicheskii slovar russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, AST Publ., 2008. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Военный институт физической культуры, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: esperance84@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, сбор и анализ данных, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Поступила в редакцию 02.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 26.04.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department. Military Institute of Physical Education, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: esperance84@mail.ru

Contribution: study conception, data acquisition and analysis, manuscript drafting and design

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Received 2 April 2019

Reviewed 26 April 2019

Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-337-348
УДК 81'282.2

Диалектный мини-словарь одной языковой личности Воронежской области

Любовь Внинаминовна НЕДОСТУПОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1978-4725>, e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Dialect mini-dictionary of one linguistic person of the Voronezh Region

Lubov V. NEDOSTUPOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1978-4725>, e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Аннотация. Посвящено изучению особенностей русских народных говоров в XXI веке, что является важной необходимостью по причине огромного влияния на них со стороны литературного языка, происходящей индустриализации в обществе. Доказана необходимость изучения языковой системы говора в аспекте антропоцентрической парадигмы и сделана попытка представить диалектный словарь одной личности старинного села Верхняя Тойда Аннинского района Воронежской области. Предложены авторские словарные статьи, отражающие лексикон деревенского жителя с целью получения максимально полного представления о его речевом портрете. Результаты анализа Диалектного мини-словаря одной языковой личности Воронежской области, включающего 106 диалектных лексем, функционирующих в речи диалектоносителя, репрезентируют знания об окружающей действительности. Устанавливается, что диалектные единицы в мини-словаре отражают диалектную языковую личность, которая демонстрирует локальные особенности, отражая черты южнорусского наречия воронежского диалектного дискурса. Попытка создания такого мини-словаря на основе воронежских говоров позволяет говорить о том, что большинство слов используется и в других русских народных говорах, однако имеются и те, которые мы считаем локализмами или регионализмами. Данный факт доказывает яркость, выразительность и самобытность верхнетойденского говора.

Ключевые слова: ареальная лингвистика; Воронежская область; диалектный словарь; языковая личность; речевой портрет

Для цитирования: Недоступова Л.В. Диалектный мини-словарь одной языковой личности Воронежской области // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 337-348. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-337-348

Abstract. We center on the study of peculiarities of Russian folk patois in the 21st century, which is an important necessity due to the enormous influence on them by the literature language, the ongoing industrialization in society. We prove the necessity of studying the linguistic system of patois in the anthropocentric paradigm aspect. We make an attempt to present the dialect dictionary of one person in the ancient village of Verkhnyaya Toida, Anninsky District, Voronezh Region. We suggest vocabulary entries which reflect the villager's lexicon in order to get the most complete picture of his speech portrait. The results of the analysis of the Dialect mini-dictionary of one linguistic person of the Voronezh Region, including 106 dialect lexemes that are functioning in the dialect carrier speech, represent knowledge of the social realm. We establish that the dialectal units in the mini-dictionary reflect a dialectal linguistic person, who demonstrates local peculiarities, reflecting the features of the southern Russian dialect of the Voronezh dialectal discourse.

An attempt to create such mini-dictionary based on Voronezh patois suggests that the majority of words are also used in other Russian folk patois, but there are also those that we consider to be localisms or regionalisms. This fact proves the brilliance, expressiveness and originality of the Verkhnyaya Toida patois.

Keywords: areal linguistics; Voronezh Region; dialect dictionary; linguistic person; speech portrait

For citation: Nedostupova L.V. Dialektnyy mini-slovar' odnoy yazykovoy lichnosti Voronezhskoy oblasti [Dialect mini-dictionary of one linguistic person of the Voronezh Region]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 337-348. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-337-348 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Диалект является уникальным культурным и гносеологическим феноменом, представляющим собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития [1, с. 36].

Изучение особенностей русских народных говоров в XXI веке является насущной необходимостью, поскольку актуальность такого рода исследований объясняется перемещением фокуса внимания с языковой системы говора на человека в рамках антропоцентрической парадигмы.

Говоры Воронежской области считаются говорами «позднего заселения», их исследование началось в середине XIX века и продолжается до сих пор. Однако в настоящее время воронежские говоры изучены учеными-диалектологами недостаточно. Еще В.И. Даль в первом обзоре диалектов «О наречиях русского языка» дал характеристику воронежским говорам. Н.И. Второв в статье «О заселении Воронежской губернии», опубликованной в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1861 год», впервые представил сведения о воронежских диалектах с изложением этнографических сведений. Автор указал на разнообразие в образе жизни, быте, одежды жителей Воронежской губернии, а также отметил различия в речи.

В настоящее время выделяются работы таких воронежских ученых, как С.А. Попов, Е.Ф. Акаткина, В.И. Дьякова, М.Я. Запрягаева, Г.Ф. Ковалев, Н.И. Кривова, Т.В. Карасева, Л.К. Лыжова, А.Д. Черенкова, Т.А. Литвинова и мн. др. Опубликован двухтомный Словарь украинских говоров Воронежской области М.Т. Авдеевой, два выпуска «Словаря воронежских говоров» под редакцией Г.Ф. Ковалева. В.И. Дьякова считает: «Несмотря на то, что достаточно много материалов опубликовано по воронежским говорам,

воронежские диалекты изучены чрезвычайно мало, особенно с точки зрения монографического описания. Следует учесть, чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного русского языка, тем полнее знания о духовной и материальной культуре русского народа» [2, с. 29].

Выявление диалектных особенностей порой затруднено в силу глобального проникновения литературного языка, в том числе и через средства массовой информации. Собрать воедино лексические единицы говоров в современных условиях непросто, но зафиксировать диалектные слова, которые еще не исчезли, сегодня представляется важной и необходимой задачей. Богатую, акающую речь еще по-прежнему можно услышать в небольших деревеньках, в речи пожилых людей, которых по праву можно назвать не только носителями, но и хранителями народного богатства родного языка.

Рассмотрим говор одного старинного села Аннинского района Воронежской области. Село Верхняя Тойда располагается в 13 км от поселка городского типа Анна и в 87 км от областного центра – Воронежа. Оно было образовано крестьянами-переселенцами из под Москвы с реки Хатуни в 30-х гг. XVIII века на реке Тойде, от которой получила свое название. «Верхняя» – потому что стоит выше по течению реки, чем ранее образованное село «Тойденское», которое позже стало называться Старой Тойдой. В 1859 г. здесь проживали 1561 человек. Затем население увеличилось до 3203 человек [3].

Однако в конце XX – начале XXI века начинается переселение молодежи в районный и областной центры. В настоящее время в Верхней Тойде проживает около 850 чело-

век. Имеется средняя школа, детский сад, два магазина, медицинский пункт, дом культуры и почта.

Цель данного исследования – попытаться представить диалектный мини-словарь одной личности Воронежской области, описав лексикон сельского человека для получения максимально полного представления о языковой картине мира. Тем самым пополнить словарный фонд русских народных говоров сведениями о диалекте Центрального Черноземья и его носителе. Информатором является уроженка села Верхняя Тойда – Мургина Татьяна Ивановна, 1925 г. р.

Предметом нашего внимания стала народная речь, зафиксированная путем непосредственного общения с информатором (методом направленной беседы) в течение 2017 г.

Значимость такого рода исследований объясняется сложившейся современной ситуацией в лингвистике и перемещением фокуса внимания с языковой системы говора на человека в рамках антропоцентрической парадигмы.

В.Е. Гольдин справедливо утверждает: «Именно представители старшего поколения чувствуют себя хранителями традиции и «контролерами» ее сохранения и трансляции, в наибольшей степени сосредоточенными на ее специфике, и именно они проявляют в процессах разговорного общения культурно-традиционные особенности наиболее последовательно» [4, с. 58].

Особенности мировидения и мировосприятия отражаются в языке и сознании человека, формируя речевой портрет диалектоносителя.

Представим отдельные словарные статьи мини-словаря Татьяны Ивановны Мургиной, проживающей в небольшом населенном пункте Центрального Черноземья.

Анадысь (нареч.) – недавно: «Анадысь пёньшо принисли. Анадысь завищанию зделала на ие». В словаре В.И. Даля представленная лексическая единица в этом значении, но приведена без указания местности [5, т. 1, с. 59]. В Словаре русских народных говоров (далее СРНГ) названы следующие территории функционирования рассматриваемого диалектизма: Якутская, Забайкалье, Курская, Кубанская, Воронежская, Орлов-

ская, Саратовская, Пензенская, Самарская, Куйбышевская, Тамбовская, Казанская, Калужская, Рязанская, Тульская, Московская, Тверская, Оренбургская, Амурская, Прииссыкульская области, Урал и Киргизская АССР [6, т. 23, с. 220].

Братнина (сущ., соб.) – братава: «У мене братнина жана была». СРНГ приводит эту лексему с указанием распространения в московских говорах [6, т. 3, с. 159]. В Словаре воронежских говоров (далее СВГ) названы Лискинский и Хохольский районы Воронежской области [7, т. 1, с. 138].

Бывало́ча, бывало́ча (вводн. слово) – бывало: «Бывало́ча какие-т деньги паявляца. Бывало́ча лишнига куса не́ была». Слово отмечено в Курской, Орловской областях и Аннинском районе Воронежской области [6, т. 3, с. 235].

Булгахтир (сущ., ед. ч.) – бухгалтер: «Канстантиныч булгахтирам был». В рассматриваемых словарях данное слово не представлено, что позволяет нам считать его узколокализмом. Здесь наблюдается явление метатезы.

Бли́нцы́ (сущ., мн. ч.) – блинчики: «Ф пра́зник бли́нцы́ пикли́». Словарь В.И. Даля приводит эту лексическую единицу без указания местности [5, т. 1, с. 135]. В СРНГ это слово отмечено в калужских, воронежских, курских, рязанских и донских говорах [6, т. 3, с. 25].

Вирхато́ида (сущ., имя собств.) – Верхняя Тойда: «Ф школу хадилі в Вирхато́иди». Это название населенного пункта распространено только у старожилов. Возможно, оно появилось в результате экономии речевых средств носителями говора.

Вы́хлебта́ться (гл., сов. в.) – испачкаться: «И сама тады фся вы́хлебтаисси». Ни в одном из рассматриваемых нами словарей данная лексема не отражена. Его следует отнести к узколокализмам.

Вышвы́рывать (гл., сов. в.) – выкидывать, выгонять: «Па два́цать аднэй кучки вышвы́рвала. А тады ми́не из звя́на вышвы́рвали». Представленная лексическая единица являет собой фонетический диалектизм.

Го́род (сущ., ед. ч.) – огород: «Го́рот диржи, пали. На го́рот вы́ду с палка́й». СРНГ указывает на огромный ареал распро-

странения данной лексической единицы: Курская, Орловская, Воронежская, Тульская, Тамбовская, Калужская, Тверская, Смоленская, Донская, Краснодарская, Куйбышевская, Рязанская, Саратовская, Архангельская области, Междуречье Оки и Прони [6, т. 7, с. 57]. В Словаре украинских говоров Воронежской области (далее СУГВО) приведена территория распространения слова: Кантемировский, Репьевский, Подгоренский и Россошанский районы [8, т. 1, с. 101].

Годи́ться (гл., несов. в.) – быть пригодным (-ой, -ыми): «*А сама уш ни гадилась рабoтaть. Ка́кий ни́гóжии к рабoтe были*». Эта же лексема отмечена в казанских говорах [6, т. 6, с. 269]. В СУГВО указывается на повсеместное распространение слова на территории Воронежской области [8, т. 1, с. 97].

Го́рься (от гл. гориться) – горюй: «*Гварить, ни го́рьси, Таньк*». В представленных словарях данная лексема не рассматривается, поэтому мы можем отнести его к узколокализмам.

Гре́бовать (гл., несов. в.) – брезговать, гнушаться чем-либо: «*Пацалу́ю ие, ни гребу́я*». В.И. Даль указывает на распространение слова в калужских, тамбовских, орловских и псковских говорах [5, т. 1, с. 365]. В СРНГ приведена большая территория распространения слова: Тверская, Брянская, Смоленская, Калужская, Тульская, Московская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Ростовская, Самарская, Куйбышевская, Пензенская, Казанская, Оренбургская, Исык-Кульская, Новосибирская, Кемеровская, Красноярская, Архангельская, Смоленская области [6, т. 7, с. 126].

Гута́рить (гл., несов. в.) – беседовать, болтать, разговаривать: «*Фсе загу́тарили пра ета*». У В.И. Даля находим указание на бытование слова в воронежских и тамбовских говорах [5, т. 1, с. 380]. Данный диалектизм функционирует на территории Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Астраханской, Саратовской, Пензенской, Самарской, Куйбышевской, Симбирской, Казанской, Владимирской, Костромской, Ростовской, Вологодской, Брянской, Орловской, Смоленской, Оренбургской, Барнаульской и Тверской областей [6, т. 7, с. 250].

Дво́юрный, двоерный (прил.) – двоюродные: «*Наши ма́три дво́юрнаи. Двоерныи*

мы». Употребляемые в говоре слова являются фонетическими диалектизмами.

Де́льная (прил.) – деловая, пригодная для чего-либо: «*У ей ма́ть ни́ро́дная была де́льная*». Данное слово распространено в говорах Тобольской, Архангельской областей, Урала и Зауралья [6, т. 7, с. 347].

До́черь (сущ., ед. ч.) – дочь: «*А́дна и до́чирю за́муш а́дала*». Территория его распространения: Московская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Владимирская, Архангельская, Северо-Двинская, Вятская, Пермская, Свердловская, Чкаловская, Оренбургская, Якутская области и КАССР [6, т. 8, с. 163].

До чи́ста (нареч.) – до одного, без исключения: «*Фсе да чи́ста паи́ли ф калхо́с*». Рассматриваемое слово имеет узколокальный характер.

Дите́ (сущ., ед. ч.) – дитя, ребенок: «*Дите ка́рмила ки́селем. Трехме́щный дите в лю́льти был*». На огромный ареал функционирования данной лексемы указывает СРНГ: Кемеровская, Архангельская, Новгородская, Костромская, Ярославская, Нижегородская, Казанская, Пензенская, Самарская, Куйбышевская, Тверская, Смоленская, Московская, Калужская, Рязанская, Брянская, Тульская, Орловская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Кубанская, Пермская, Томская, Кара-Калпакская области [6, т. 8, с. 67].

Друго́же́нец (сущ., ед. ч.) – вдовец, вторично женившийся мужчина: «*У ей му́ш-та он то́же дру́гаже́нец был*». В.И. Даль указывает на функционирование лексемы в тамбовских говорах.

Дю́жо, дю́же (нареч.) – очень: «*Ти пе́рича я дю́жо ни по́мню. Ня дю́жо гря́зна в избе́-та*»? Ареал употребления рассматриваемого диалектизма: Ярославская, Вологодская, Новгородская, Орловская, Пермская, Тульская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Ивановская, Пензенская, Тамбовская, Астраханская, Кубанская, Ростовская, Краснодарская, Сев. Кавказская, Саратовская, Воронежская, Белгородская, Курская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Новгородская, Ленинградская, Архангельская, Олонекская, Вятская, Казанская, Самарская, Куйбышевская, Оренбургская, Уральская,

Свердловская, Красноярская, Костромская, Владимирская, Архангельская, области [6, т. 8, с. 301-302].

Ёто (указ. мест.) – это: «*Ёто фсе́ дома пиритрём*». Данная лексема является фонематическим диалектизмом.

Жа́литься (гл., несов. в.) – жаловаться: «*Да вот эт мне жа́лилась а́на*». В толковых словарях русского языка данная лексическая единица приведена с пометой «областное». В СРНГ указывается следующая территория функционирования диалектизма: Архангельская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Ярославская, Московская, Калужская, Тульская, Смоленская, Брянская, Орловская, Курская и Воронежская области [6, т. 9, с. 64].

Жикетка (сущ., ед. ч.) – жилетка: «*Жикетка на мне, фся наша и бага́цтва была*». Рассматриваемая лексема в названных словарях не представлена, она является фонематическим диалектизмом.

Зарже́ (гл., сов. в.) – громко засмеётся: «*Как пракурор тады́ зарже́*». Данная лексическая единица является вариантом разговорно-сниженного слова «заржёт», отличающегося одной фонемой. Ни в одном из представленных словарей она не отражена.

Здра́вая (прил.) – здоровая: «*Я ка́да́ была здра́вая, ни пасижу́*». Это слово с неполногласным сочетанием является наследием старославянского языка. Лексические единицы с данным явлением достаточно часто встречаются в русских говорах (*древо, просёнок, град* и т. д.).

Изба́ (сущ., ед. ч.) – жилой дом из одной или двух комнат с русской печью: «*А изба́ при змле́ стояла. Я ф чужой избе́ ака́зала́ся*». В СРНГ приведён огромный ареал использования лексемы в других говорах на территории Новгородской, Архангельской, Северо-Двинской, Онежской, Вологодской, Ленинградской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской, Нижегородской, Горьковской, Ивановской, Московской, Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Самарской областей. Кроме того, указывается, что «во многих южных областях когда-то было только слово изба, а хата появилась позже. Так, например, в воронежских, орловских, курских письменных памятниках XVII века известно только слово изба, а слово хата

не упоминается. В гребенских, донских, терских диалектах слово изба исчезает, нет его на Кубани» [6, т. 12, с. 85-86].

Ити́ть (гл., несов. в.) – идти: «*На́да ити́ть че́рись пиркиднóй мост. Прайти́ть не́гди. Туды́ ити́ть. Ана да́лжна наза́т прити́ть*». Рассматриваемый диалектизм имеет широкий ареал распространения: Петербургская, Архангельская, Мурманская, Владимирская, Нижегородская, Тверская, Московская, Тульская, Калужская, Смоленская, Курская, Орловская, Воронежская, Донская, Кемеровская, Томская и Ср. Прииртышская области [6, т. 12, с. 79].

Иде́, иде́й-та (нареч.) – где, где-то: «*А сын ни зна́ю иде́. Па́д мики́най иде́й-та*». Лексическая единица «*иде́*» функционирует на огромной территории: в Тамбовской, Воронежской, Курской, Орловской, Брянской, Смоленской, Московской, Калужской, Тульской, Рязанской, Самарской, Куйбышевской, Саратовской, Астраханской, Донской, Новороссийской, Краснодарской, Владимирской, Пермской, Уральской, Алтайской, Томской, Колымской, Якутской областях [6, т. 12, с. 76].

Ишио́ (нареч.) – ещё: «*Ишио́ на́да жить. Налóх ишио́ плати́ть*». В используемом в говоре слове наблюдается отвердение мягкого шипящего. В названных словарях оно не рассматривается.

Каб, ка́бы (мод. част.) – чтобы: «*Мали́тя Бо́га каб вайна́ ни нача́лася. Ка́бы я ни уи́ла*». Эти модальные частицы широко распространены в говорах Тамбовской, Смоленской, Олонёцкой, Архангельской, Астраханской областей и КАССР.

Воронежский ареал не называется [6, т. 12, с. 287].

Казать (гл., несов. в.) – рассказывать, говорить: «*Пра ча́го ка́зала забы́ла. Я фсе пра сибё́ и пра сибё́ ка́зала*». В словаре Т.Ф. Ефремовой даны отличные от названного значения слова [9]. В.И. Даль указывает на функционирование лексемы в данном значении в западных и южных говорах [5, т. 2, с. 65]. В СРНГ находим огромный ареал распространения этого слова: Курская, Орловская, Воронежская, Тульская, Калужская, Брянская, Смоленская, Донская, Тамбовская, Рязанская, Тверская, Новгородская, Архангельская, Самарская, Саратовская, Омская, Алтайская, Читинская, Новосибирская облас-

ти и Средний Урал [6, т. 12, с. 312]. СУГВО указывает на функционирование диалектизма в Богучарском, Воробьевском, Острогожском, Россошанском и Калачеевском районах Воронежской области [8, т. 1, с. 151].

Колобышка (сущ., ед. ч.) – небольшая круглая пышка, лепёшка: «*Бува́лача ф прэ́зник тиклі́ и калабы́шки*». Названная лексема функционирует в воронежских, московских и вятских говорах [6, т. 14, с. 148].

Крича́ть (гл., несов. в.) – плакать, рыдать: «*Тужила́ я и кричала́. Крича́ла ды па́ехала*». В перечисленных словарях приведены иные толкования лексемы. СРНГ указывает на распространение этого слова в данном значении в Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Московской, Тульской и Донской областях [6, т. 15, с. 261].

Карто́хи (сущ., мн. ч.) – картофель: «*Карто́хи с ма́слам краши́ли. Карто́хи ели*». Ареал функционирования рассматриваемого диалектизма огромен: Курская, Орловская, Тульская, Калужская, Тамбовская, Ростовская, Воронежская, Куйбышевская, Московская, Владимирская, Пензенская, Смоленская, Брянская, Архангельская, Вологодская, Калининская, Вятская, Пермская, Томская, Кемеровская, Новосибирская, Свердловская, Красноярская области и Южный Урал [6, т. 13, с. 105].

Куды́ (мест. нар.) – куда: «*Пирисла́ли письмо́ куды́ на́да. Ат дитей́ никуды́ ни уйде́шь*». В СРНГ находим территорию употребления лексической единицы «куды» в говорах Олонецкой, Рязанской, Сибирской, Кемеровской, Томской, Красноярской, Иркутской, Тульской, Тобольской, Ленинградской областей. Воронежский ареал не называется [6, т. 16, с. 16].

Лязать (гл., несов. в.) – забираться куда-либо, лазить: «*Ани на крышу́ лязали́*». Рассматриваемая лексема распространена на Урале, в Пермской, Ярославской, Рязанской, Воронежской и Тульской областях [6, т. 17, с. 270].

Ма́тря (сущ., ед. ч.) – мама, мать: «*Ани́ даждида́ющая ма́трю. У де́душки бы́ла ма́тря адна́*». СРНГ указывает на распространение данного диалектизма в Сталинградской, Воронежской областях и Бурятской АССР [6, т. 18, с. 37].

Мо́жа (ввод. сл.) – может быть: «*Ну, мо́жа, куды́ и накры́ла. Мо́жа тут я сарва́ла здраво́вью*». Лексическая единица «можа» имеет огромный ареал употребления: Тамбовская, Саратовская, Воронежская, Курская, Брянская, Кубанская, Новосибирская, Екатеринбургская, Пермская области, Среднее Прииртышье, Литовская ССР, Эстонская ССР и Латвийская ССР [6, т. 18, с. 199].

Нако́й (нареч.) – зачем: «*Нако́й жэгли. Нако́й она́ мне́ нужна́*». В говорах Московской, Калужской, Рязанской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тульской, Терекской, Донской, Смоленской, Ленинградской, Вологодской областей и на Урале зафиксировано использование данного слова [6, т. 19, с. 333].

Неро́дная (прил.) – неродная: «*Эт Кла́фки, ниро́дной до́чири. Ниро́дную до́чь вы́гнула*». Использование в верхнетойденском говоре лексемы в такой форме свидетельствует о разнице в ударении, что даёт право считать его акцентологическим диалектизмом.

Ны́ня (нареч.) – сегодня: «*Сказал «Напи́шу», да па ны́ня пи́ша... Ны́ня он рубахи́ свайи́ прастирне́*». От литературной формы слово «ныне» отличается только конечной гласной.

Недои́мки (сущ., мн. ч.) – недостаток чего-то: «*Иде́ нидаи́мки, иде́ как*». В толковых словарях приводятся иные, отличные от верхнетойденского, значения, что позволяет считать его семантическим диалектизмом.

Наймáть (гл., несов. в.) – нанять: «*Каво́ит найма́ть на́да*». Ареал функционирования данного слова огромен: Тверская, Смоленская, Брянская, Московская, Калужская, Суздальская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Тульская, Воронежская, Кубанская, Донская, Куйбышевская, Оренбургская, Омская, Томская, Кемеровская области, Средний Урал, Азербайджанская и Армянская ССР [6, т. 19, с. 299].

Нала́живать (гл., несов. в.) – класть: «*Фсе се́мира на́лаживали́, а я таска́ла*». В рассматриваемых словарях лексическая единица приведена в других значениях. Это даёт право считать его семантическим диалектизмом.

Не́ту (част.) – нет: «*Пришла́, мае́й лы́ки не́ту. Щас па́т сало́май ни́чаво́ не́ту*». СРНГ

указывает на большую территорию распространения названной лексемы: Вятская, Донская, Новгородская, Сибирская, Калининская, Челябинская, Тобольская, Томская, Сибирская, Иркутская, Колымская, Брянская, Омская, Архангельская, Тульская, Воронежская области, Урал и Зауралье [6, т. 21, с. 179].

Обо́я (числ.) – оба: «*Мы обо́я гла́вными бы́ли*». В СРНГ приведено другое значение лексемы. На наш взгляд, его следует считать словообразовательным диалектизмом.

Оборка (сущ., ед. ч.) – верёвка: «*Ана аборкай связна*». В толковых словарях, используемых нами, зафиксированы иные значения лексемы. Однако СРНГ указывает на функционирование данного слова в названном значении в Уфимской, Тамбовской, Тульской, Курской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Донской, Брянской, Курской, Иркутской, Костромской, Сталинградской, Волгоградской, Калужской, Смоленской, Вятской, Красноярской, Московской областях и Латвийской ССР [6, т. 22, с. 175].

Оттэ́да, оттэ́ля (нареч.) – оттуда: «*Пазванила оттэ́да в больницу. На́да приве́сть ии́е оттэ́ля. Аттэ́да паехали. Мне аттэ́да атвичáли*». Первый вариант используемой в говоре лексической единицы отличается от литературного одной фонемой. Второй имеет широкую территорию употребления: Тамбовская, Орловская, Рязанская, Воронежская, Донская, Краснодарская, Владимирская области и Урал [6, т. 24, с. 335].

Однэ́й (числ.) – одной: «*Аднэ́й то́же пришло́ся*». Наблюдается различие с литературным языком употребление фонемы в слове.

Однова́ (нареч.) – единожды: «*Пакры́ла плато́к аднава́*». В СРНГ находим следующий ареал функционирования диалектизма: Ярославская, Московская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Самарская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Пензенская, Вологодская, Уральская, Пермская, Свердловская и Новосибирская области [6, т. 23, с. 37].

Озя́бнуть (гл., сов. в.) – замёрзнуть: «*А азя́бну, так я тах-та адыа́юсь*». Толковый словарь русского языка приводит эту лексему с пометой «нар.-разг.» [9]. СРНГ указывает на употребление слова на территории КАССР, Архангельской, Рязанской, Влади-

мирской, Новгородской, Костромской, Ярославской, Тверской, Вятской и Кировской областей. Воронежский ареал не называется [6, т. 23, с. 102].

Опери́ться (гл., сов. в.) – встать на ноги, стать самостоятельным, начать хорошо жить: «*А ка́да́ я апири́лась, стала хара́шо*». В СРНГ отмечены места функционирования лексемы в этом значении: Калужская и Курская области [6, т. 23, с. 251]. Воронежский ареал не называется.

Оштраховáть (гл., сов. в.) – оштрафовать: «*И́их аштраховáли што биз билета ё́хали*». Слово отличается от литературного эквивалента одной фонемой, не обусловленной фонетической системой говора.

Подде́вка (сущ., ед. ч.) – одежда, которую поддевают под верхнее платье; душегрейка: «*А на мне из мамина́й подде́вки жи-ке́тка*». В СРНГ находим большую территорию распространения лексемы: Тверская, Ярославская, Владимирская, Московская, Калужская, Рязанская, Нижегородская, Свердловская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Омская, Иркутская области, Урал и Азербайджанская ССР [6, т. 27, с. 385-386].

Поме́стье (сущ., ед. ч.) – двор, усадьба: «*Идо́е Кла́шка Гри́шина живё, на э́там паме́стии я радила́ся. Ихни́га паме́стья там нету́*». В рассматриваемых нами словарях лексема приведена в иных значениях. В данном значении слово зафиксировано в Саратовской, Куйбышевской, Воронежской, Сталинградской, Волгоградской, Ростовской, Волжской, Донской, Кубанской, Брянской, Орловской, Курской, Калужской, Рязанской, Калининской, Ленинградской, Омской областях, на Урале, в Мордовской АССР и Киргизской ССР [6, т. 29, с. 208].

Похоро́нить (гл., несов. в.) – спрятать, припрятать: «*А я ей зава́рну́ла, на, э́т паха-рани́*». СРНГ указывает на функционирование данной лексемы в смоленских говорах [6, т. 30, с. 362]. Воронежский ареал не называется.

Посо́дим (гл., сов. в.) – посадим: «*Мам, пасо́дим тибе́ в маши́ну и пави́зём*». Ни в одном из названных нами словарей это слово не отражено. В данном варианте лексемы наблюдается смешение этимологических «о» и «а» в корне -сад-.

Путёвый (прил.) – путевой: «Путёвый лист атабрани». В перечисленных словарях приведены иные значения лексической единицы.

Поро́жний (прил.) – пустой: «Эт пёрвая фёрма была, а щас эт фсе парожний». В.И. Даль указывает на распространение слова в новгородских и псковских говорах [5, т. 3, с. 261]. СРНГ приводит следующие территории употребления рассматриваемого диалектизма: Вятская, Курская, Смоленская, Новгородская, Алтайская, Сибирская, Томская, Кемеровская, Архангельская, Брянская, Омская области и Урал [6, т. 30, с. 70-71]. Воронежский ареал не отмечен.

Почём (нареч.) – откуда: «Пачём я знаю?» В рассматриваемых словарях лексема указана в другом значении, поэтому её можно считать семантическим диалектизмом.

Пятистенок (сущ., ед. ч.) – крестьянский дом; пятистенная постройка: «Патом питистенак строили». Это слово имеет огромную территорию функционирования: Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Пермская, Брянская, Донская, Волгоградская, Курганская, Тобольская, Томская, Новосибирская, Горно-Алтайская, Амурская, Костромская области, Урал, Зауралье и Бурятская АССР [6, т. 33, с. 225].

Рани (нареч.) – раньше: «Рани фсе строилися». В представленных словарях эта лексема не отражена.

Рась (част.) – разве: «Рась фсе напóмнишь. Рась я б изнаси́ла яво́». Ни в одном из рассматриваемых словарей названная лексическая единица не отражена.

Римина́ция (сущ., ед. ч.) – реанимация: «А сказали, мать в римина́ции». Данный вариант слова является узколокализмом, употребление его ограничено определённой территорией.

Рыйо́н (сущ., ед. ч.) – район: «Я ийво́ в Па́нинском рыйо́не палучила». Ни в одном из словарей эта лексема не отражена.

Рысею (нареч.) – рысью, бегом, быстро: «Ани ры́сий и ры́сий ф калхос». СРНГ указывает на бытование слова в Аннинском районе Воронежской области, что, собственно, и подтверждает наше исследование [6, т. 35, с. 315].

Сеницы (сущ., мн. ч.) – нежилая часть дома, соединяющая жилое помещение с крыль-

цом, сени: «Ф сёныцы бижал то́жа абгарёл. Ис синёц дру́зья комнату де́лали». В толковом словаре эта лексема приведена с пометой «разговорное» [9]. В СРНГ указывается следующий ареал функционирования слова: Псковская, Ярославская, Костромская, Новгородская, Вологодская, Архангельская, Владимирская, Казанская, Ярославская, Нижегородская, Московская, Бурятская и Марийская АССР [6, т. 37, с. 166].

Сочтёшь (гл., сов. в.) – посчитаешь: «А ско́лька пагибла ни сачтёшь. Глаза́ ни видю́ть, день́ги ни сачтёшь». Данное слово является устаревшим в современном русском языке [9]. В СРНГ оно не отражено.

Спра́вить (гл., сов. в.) – купить: «Квартиры наспра́вили фсем». В толковом словаре приведены иные значения слова [9]. СРНГ указывает на употребление лексемы в этом значении в говорах Новгородской области, КАСР и Грузинской ССР [6, т. 40, с. 255].

Свя́кры (сущ., ед. ч.) – свекровь: «За Зи́нки Трафи́мавай свя́кры бижала́». Данный диалектизм распространён в калужских говорах [6, т. 36, с. 341].

Суды́ (нареч.) – сюда: «Иди́ суды́. Та́ньк, пайди́ суды́». Эта лексическая единица имеет огромный ареал функционирования: Пермская, Архангельская, Олонецкая, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Прибалтийская, Смоленская, Брянская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Ярославская, Рязанская, Калужская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Донская, Кубанская, Сталинградская, Вятская, Кировская, Кемеровская, Новосибирская, Томская, Красноярская, Иркутская, Амурская, Хабаровская, Олонецкая области, Прииртышье, Урал, Забайкалье, Грузинская ССР и Дагестан [6, т. 42, с. 176].

Сули́ть (гл., несов. в.) – обещать: «Зя́ть су́ля мне забрать». В толковом словаре лексема приведена с пометой «устаревшее» [9]. В СРНГ указаны орловские, мешёвские, калужские говоры и территория Литовской ССР [6, т. 42, с. 222].

Сы́мя (гл., сов. в.) – снимет: «Ана́ щас ни сы́мя и ни навеса́». Ни в одном из названных нами словарей данная лексическая единица не отмечена.

Тады́ (нареч.) – тогда: «Тады́ уш Кла́фка замуш. Тады́ ани́ раздили́ся. Тады́ до́ража

фста́ня. А тады да пазна́ палóли. Тады́ бы́ли йидина́личники. А тады́ триста́ рублей де́ньги бы́ли. Разби́лись тады́ у Ря́бавых ри́бяты-та. Афто́бусы тады́ ни ха́дили. В словаре В.И. Даля указывается на распространение лексемы в курских, тамбовских, вятских, псковских говорах [5, т. 4, с. 217]. Воронежский ареал не называется.

Тах-то (мест. нареч.) – так-то: «*Вот тах-та и жили*». В СРНГ находим следующий ареал функционирования данного слова: Курская, Орловская, Рязанская, Воронежская, Сталинградская, Ставропольская, Ростовская, Пензенская и Тамбовская области [6, т. 43, с. 313].

Тепе́рьче (нареч.) – теперь: «*Тепе́рьче ничаво́ жить*». Этот диалектизм имеет большую территорию распространения: Архангельская, Рязанская, Пензенская, Омская, Томская, Красноярская, Иркутская, Нижегородская, Пермская, Одесская, Иркутская области, Среднее Прииртышье и КАССР [6, т. 44, с. 47].

Тра́хтар (сущ., ед. ч.) – трактор: «*А там то́лько трахтар праехал*». В СРНГ находим следующий ареал функционирования лексической единицы: Костромская, Псковская, Калининская, Брянская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Вологодская, Новгородская, Архангельская, Куйбышевская, Сталинградская, Алтайская и Томская области [6, т. 45, с. 17]. Воронежский ареал не называется.

Ту́та (нареч.) – тут: «*Ту́та и настро́илися. Зять с нами ту́та*». Эта лексема имеет большую территорию распространения: Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Воронежская, Алтайская, Ленинградская, Ярославская, Калининская, Олонецкая, Вологодская, Псковская, Прибалтийская, Смоленская, Московская, Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Нижегородская, Костромская, Пензенская, Сталинградская, Омская, Исыккульская, Новосибирская, Красноярская, Кемеровская области, Урал, Прибайкалье, Приамурье и Башкирская АССР [6, т. 45, с. 291].

Тя́жко (нареч.) – жарко, душно: «*Че́ фсем так тя́шка*». В представленных словарях приведены отличные от данного значения слова. СРНГ указывает на функционирование слова в этом значении в московских говорах [6, т. 46, с. 83].

Убра́ться (гл., сов. в.) – одеться: «*Убра́тца не́ ф чива́ была. Вида́ла при диньа́х убра́тай*». В СРНГ называется место функционирования лексемы – воронежские говоры [6, т. 46, с. 124].

Убра́ться (гл., сов. в.) – умереть: «*Фсе се́мира убра́лись, а я живу́*». В названном значении эта лексическая единица употребляется в говорах Архангельской и Пермской областей [6, т. 46, с. 123]. Воронежский ареал не называется.

Хо́тца (гл., несов. в.) – хочется: «*Мне хо́тца узнать. Хо́тца рабо́тать, а щас си́жу*». Ни в одном из словарей лексема не отмечена. Видимо, оно имеет узколокальный характер употребления.

Хто́ зный (мест.) – кто знает: «*А хто́ зный как приде́цца*». Рассматриваемые словари эту лексическую единицу не отражают. Это даёт нам право считать его диалектизмом.

Ху́ть (союз) – хоть: «*За каро́ву мала́чка ху́ть сдашь*». В названных словарях данная лексема не рассматривается, она является фонематическим диалектизмом.

Чи́жалó (нареч.) – тяжело: «*Ф калхо́зи то́же рабо́тать чи́жалó. Там чи́жалó па́ло́ть*». В.И. Даль указывает на распространение слова в курских, воронежских и калужских говорах [5, т. 4, с. 400].

Чи́гун (сущ., ед. ч.) – чугун: «*Ф чи́гуна́х гото́вили в вае́нную вре́мя, да и па́том то́же*». Данная лексическая единица является фонематическим диалектизмом, так как отличается от литературного варианта одной фонемой. В рассматриваемых словарях она не отражена.

Чудо́к, чуто́к (нареч.) – немного, чуть-чуть: «*Сдашь чудо́к ф калхос. Знаю́ эт свой край чуто́к*». В.И. Даль называет местом распространения данных слов московские и тамбовские говоры [5, т. 4, с. 407].

Ша́ (нареч.) – ещё: «*Да ша́ ни ха́дила. Да ша́ в ба́льни́цы атляжа́ла*». Данная лексема, на наш взгляд, имеет такой вариант в говоре по причине экономии респондентом языковых средств.

Ша́р (сущ., ед. ч.) – одна сторона на потолке; часть потолка: «*Мажу́ в де́нь па́ло́к, ша́р мажу́ в де́нь*». В толковом словаре приведены иные, отличные от данного значения [9].

Швыря́ть (гл., несов. в.) – кидать: «*А я сижу на тубарётки швыряю. Из рук вырывали, швыряли*». В толковом словаре эта лексема дана с пометой «разговорное» [9], однако В.И. Даль указывает на распространение его в костромских говорах [5, т. 4, с. 419-420].

Шёпушек (сущ., ед. ч.) – шёпот: «*Шёпушком гварю́ ма́три*». В представленных словарях данное слово не отмечено. Эту лексическую единицу, на наш взгляд, можно считать локализмом – местным словом, употребление которого ограничено определённой территорией.

Шишкатури́ть (гл., несов. в.) – штукатури́ть: «*Сама шишкатурила, сама шишкатурку гатовила*». Данный вариант не отражён в рассматриваемых словарях, мы же считаем его фонематическим диалектизмом.

Таким образом, представленные диалектные единицы в мини-словаре отражают диалектную языковую личность, которая демонстрирует локальные особенности, отражая черты южнорусского наречия. Попытка создания такого мини-словаря на основе воронежских говоров позволяет говорить о том, что большинство слов используется и в других русских народных говорах, однако имеются и те, которые мы считаем локализмами или регионализмами. Данный факт доказывает яркость, выразительность и самобытность верхнетойденского говора.

Наши наблюдения позволяют утверждать, что диалектоносите́ль обладает прекрасными душевными качествами, которых порой не хватает современному молодому поколению, крепостью духа и сильным характером. С чувством благоговения Татьяна Ивановна вспоминает о трудных временах в истории и жизни окружения, оценивая места своего пребывания, о трепетном отношении к старым людям, переживает за отсутствие физической силы и неспособность вести дела по причине нездоровья. Жалуеться, что хозяйственные постройки потихоньку приходят в упадок, ведь дети и внуки уехали жить в город.

Правомерно считаем, что постепенно, на глазах, угасает огонек той самой настоящей крестьянской жизни, однако он теплится еще

в душе и в красивой речи нашей замечательной информантки. Она душа села, ее книга жизни. И чем больше общаешься с ней, тем больше нового узнаешь, познаешь, открываешь... «Тот багаж знаний, которым владеют люди старше 70–80 лет, является уникальным, потому что накапливался долгими годами и отшлифовывался самой жизнью. К величайшему сожалению, время быстротечно, и его бег невозможно остановить. Люди уходят из жизни, унося с собой народную мудрость и ценную речь, хранящую особенности быта и элементы народной культуры» [10, с. 141].

Хочется верить, что русская деревня с ее многовековым укладом будет продолжать жить, а знания о языке ее жителей ученые-диалектологи должны успеть зафиксировать и передать молодому поколению, интересующемуся своей историей, корнями, родословной. Это важно, ценно и необходимо для сохранения самобытности русского народа с огромным человеческим потенциалом и прекрасными возможностями, его традиций, уважения к прошлому.

Ценность осуществления таких исследований для современных ученых-диалектологов не подлежит сомнению. Важно успеть зафиксировать интересную, своеобразную и в то же время живучую во времени народную речь. Диалект, являясь особым, своеобразным типом дискурса, сохраняет традиционные особенности местной речи, с другой стороны, безусловно, отражает изменения, происходящие в среде его носителей. А с помощью словарей мы знакомимся с диалектной картиной мира проживающих на определенной территории людей.

Кроме того, словарные материалы, представленные в исследовании, существенно дополняют сведения о лексике воронежских говоров и показывают, как много богатств для историков языка она хранит. Они могут непосредственно использоваться в написании научных трудов по вопросам региональной специфики говоров Воронежской области, в том числе в рамках проекта «Лексический атлас русских народных говоров», осуществляемого Российской академией наук.

Список литературы

1. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36-54. DOI 10.17223/19986645/50/3
2. Дьякова В.И. Из истории изучения Воронежских говоров // Воронежское лингвокраеведение. Воронеж: ВГУ, 2005. Вып. 1. С. 24-30.
3. Акиншин А.Н., Андреева Р.В. Анна: за веком – век. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1998. С. 393-395.
4. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58-64.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
6. Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2002–2016. Вып. 1–49.
7. Словарь воронежских говоров / под ред. Г.Ф. Ковалева. Вып. 1. А – Вячать. Воронеж, 2004; Вып. 2. Га – Жучок. Воронеж, 2007.
8. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000.
10. Недоступова Л.В. Тематический словарь диалектной лексики «Природа и человек в говоре поселка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области // Диалектологический альманах. Воронеж: ВГПУ, 2013. Вып. 1. С. 141-168.

References

1. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialektnyy diskurs kak sfera realizatsii natsional'noy kul'tury: konstanty i transformatsii [Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 36-54. (In Russian). DOI 10.17223/19986645/50/3
2. Dyakova V.I. Iz istorii izucheniya Voronezhskikh govorov [From research history of Voronezh patois]. *Voronezhskoye lingvokrayevedeniye [Voronezh Linguistic Study of Local History]*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2005, no. 1, pp. 24-30. (In Russian).
3. Akinshin A.N., Andreyeva R.V. *Anna: za vekom – vek [Anna: Century after Century]*. Voronezh, Central Black Earth Book Publ., 1998, pp. 393-395. (In Russian).
4. Goldin V.E. Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of the traditional rural culture of verbal communication]. *Avanesovskiy sbornik [Avanesovskiy Digest]*. Moscow, 2002, pp. 58-64. (In Russian).
5. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008. (In Russian).
6. Filin F.P., Sorokoletov F.P. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian National Patois]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002–2016, no. 1-49. (In Russian).
7. Kovalev G.F. *Slovar' voronezhskikh govorov* [Dictionary of Voronezh Patois]. Voronezh, issue 1. A – Vyachat; 2004, issue 2. Ga – Zhuchok, 2007. (In Russian).
8. Avdeyeva M.T. *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Ukrainian Patois of the Voronezh Region: in 2 vols.]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2008. (In Russian).
9. Efremova T.F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyy: v 2 t.* [New Russian Language Dictionary. Explanatory and Educational: in 2 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. (In Russian).
10. Nedostupova L.V. *Tematicheskiy slovar' dialektnoy leksiki «Priroda i chelovek v govore poselka gorodskogo tipa Talovaya Talovskogo rayona Voronezhskoy oblasti* [Thematic dictionary of dialect lexis “Nature and human in the patois of the urban-type settlement Talovaya, Talovskiy District, Voronezh Region]. *Di-alektologicheskii al'manakh [Dialectal Almanac]*. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2013, no. 1, pp. 141-168. (In Russian).

Информация об авторе

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, набор первичного материала и сбор данных, анализ полученных результатов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

Поступила в редакцию 04.03.2019 г.

Поступила после рецензирования 17.05.2019 г.

Повторное рецензирование 13.06.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Lubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition and data acquisition, obtained results analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

Received 4 March 2019

Reviewed 17 May 2019

Second peer review round 13 June 2019

Accepted for press 17 June 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-349-356
УДК 808

Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция

Екатерина Алексеевна ТУТАТИНА

ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»
127550, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8493-8706>, e-mail: e.tutatina@gmail.com

Book title: pragmatics, poetics and evolution

Ekaterina Alekseevna TUTATINA

Moscow Polytechnic University
38 B. Semyonovskaya St., Moscow 127550, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8493-8706>, e-mail: e.tutatina@gmail.com

Аннотация. Изучен вопрос об истории заглавия художественного произведения и о том, как менялась его роль в книге и место в книжном издании. Также рассматривается проблема изучения заглавия книги в русской и зарубежной практиках с точки зрения его поэтики и функций как в тесной связи с текстом произведения, так с помощью метода «дальнего чтения». Кроме того, рассмотрены теоретические вопросы структуры заглавия и особенности его связи с жанром художественного произведения. Описаны некоторые актуальные тенденции озаглавливания книг в современных издательских практиках, такие как широкое использование приемов цитирования и аллюзии, стремление к сокращению заглавия до нескольких символов, а также использование букв латинского алфавита. Отдельно поднимается вопрос об ответственности редактора при работе с заглавием переводного произведения. На конкретных примерах впервые проанализированы проблемы выбора заглавия книги в процессе редакционной подготовки издания, а также некоторые ошибки, которые может совершить редактор, останавливаясь на том или ином варианте заглавия. Использован аналитико-синтетический метод исследования. В конце указаны основные выводы, полученные в результате исследования.

Ключевые слова: заглавие книги; паратекст; издательское дело; титульная страница; заглавие и жанр; история заглавия

Для цитирования: Тутатина Е.А. Заглавие книги: прагматика, поэтика и эволюция // Нефилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 349-356. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-349-356

Abstract. We consider history of the book title and how its role in the book and its place in the book edition changed. It also addresses the problem of studying the title of a book in Russian and foreign practices from the point of view of its poetics and functions, both in close connection with the text of the work, and with the help of the “distant reading” method. It is also being reviewed some current trends in book naming in modern publishing practices, such as the extensive use of citation and allusion techniques, the desire to reduce the title to a few characters, as well as the use of the letters of the Latin alphabet. The problems of the connection between the title and the genre of the novel and the structure of the title are also described. Separately, the question of the responsibility of the editor when working with the title of the translated work is raised. With concrete examples the problems of choosing the title of a book in the process of editorial preparation were analyzed, as well as some errors that the editor may make, dwelling on one or another variant of the title. We use the analytical-synthetic method of research. At the end of the work there are the main conclusions from the study.

Keywords: book title; paratext; book publishing; title page; genre; history of a title

For citation: Tutatina E.A. Zaglaviye knigi: pragmatika, poetika i evolyutsiya [Book title: pragmatics, poetics and evolution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 349-356. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-349-356 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Вопрос о заглавии достаточно подробно изучен в литературоведческих (исследуется связь заглавия с текстом произведения) и лингвистических работах (исследуются проблемы перевода заглавия). Однако заглавие, играющее важную роль для книги в целом, нечасто исследуется в общепилологическом теоретическом ключе: с точки зрения поэтики заглавия, истории его изменения и функций в аппарате книги. Актуальность данного исследования заключается в том, что оно может быть полезно не только в сфере литературоведения и языкознания, но и для широкого круга специалистов-книговедов: в первую очередь для редакторов, издателей и книгораспространителей. В исследовании поднимается вопрос о выборе заглавия книги в процессе редакторской подготовки, связи заглавия, титульного листа и обложки, то есть рассматриваются проблемы, связанные в большей степени с прагматикой заглавия, восприятием заглавия книги читателем, а не с лингвистическими особенностями заглавия.

К истории изучения заглавия

История изучения заглавия уходит в глубь веков. Одним из первых интерес к вопросу заглавия начал проявлять Г.Э. Лессинг. В «Гамбургской драматургии» (нем. *Hamburgische Dramaturgie*) он указывает на важность идентификационной функции заглавия трагедии «Родогюна» (фр. *Rodogune*) П. Корнеля. Г.Э. Лессинг утверждает, что трагедия должна была называться «Клеопатра» – по имени главной героини, сирийской царицы Клеопатры, но автор опасался, что читатель спутает ее со знаменитой египетской царицей Клеопатрой. Г.Э. Лессинг не согласен с этим решением П. Корнеля. То, что автор не вынес имя главной героини в заглавие, по его мнению, означает, что он заведомо отказывает читателю в эрудиции и способности различать этих двух цариц: «Кто знает египетскую царицу, знает и то, что Сирия не Египет, что несколько царей и цариц носили одинаковые имена; а кто ее не знает, тот не может смешать ее с сирийской царицей. П. Корнелю не следовало бы, по крайней мере, так тщательно избегать даже имени Клеопатры в своей трагедии; от этого пострадала ясность первого действия...» [1].

В 20-х гг. XX века С.Д. Кржижановский написал основополагающий труд на русском языке о заглавии книги, где дал определение заглавию и составил классификацию заглавий. Заглавие – это сжатая мысль произведения, в заглавии можно увидеть всю книгу [2, с. 6]. С развитием структурализма и семиотики в 1960-е гг. как на Западе, так и в России активно изучается проблема заглавия. Английский филолог Г. Левин первым использовал термин «титология» применительно к области знаний, в которой должно быть исследовано заглавие. В своей работе «The Title as a Literary Genre» [3] он поднимал следующие вопросы: кто озаглавливает книгу, как меняется заглавие в истории литературы, как исторически связано заглавие с жанром произведения. Немного позднее одну из важнейших работ написал французский структуралист Ж. Женетт: «Paratexts. Thresholds of Interpretation» [4], в которой заглавие впервые на таком высоком уровне обобщения рассматривается самостоятельно, вне связи с текстом произведения. Ж. Женетт вводит понятие «паратекст» (текстовые элементы книжного издания, которые не входят в текст литературного произведения: заглавие, имя автора, предисловие...). Паратекст, по Ж. Женетту, это «порог», который читатель либо переступает – и читает книгу, либо останавливается и откладывает ее. Это отчасти книговедческий подход: исследуются элементы текста в книжном издании, которые не входят в текст литературного произведения. По следам Ж. Женетта появляются и другие работы, в которых рассматриваются структурные особенности заглавия и функционирование его в различных видах изданий (Ж. Фриа исследовал заглавия детских книг, Т. Уайтмарш – заглавия жанровой литературы и т. д.). Отдельно стоит выделить ученого, который дал особое направление исследованию массивов заглавий: Ф. Моретти в сборнике статей «Дальнее чтение» (англ. *Distant Reading*) [5] описал использование статистических методов для выявления закономерности в озаглавливании английских романов XVIII в. На русском языке появляются работы по поэтике и структуре заглавия (Е.В. Джанджакова [6]), а также исследования особенностей заглавий в массовой литературе (М.А. Черняк [7], О.В. Федунина [8]), редак-

торской подготовки и книговедческих аспектов книжных заглавий (Л.В. Зимина [9], Е.А. Тутатина [10] В.Н. Топоров [11]).

Изменение заглавия и его места в книге

Книга сейчас не может существовать без заглавия. Заглавие в первую очередь обращено к читателю, иногда заглавие – это единственное, что читатель знает о книге. Оговоримся, что заглавие не всегда было обязательным элементом книги: по отношению к древним памятникам письменности мы не можем говорить о заглавии в современном понимании. Понятие «заглавие» во все не применимо к шумерским глиняным табличкам, а «Эпос о Гильгамеше» – более позднее общее заглавие для создававшейся веками поэмы. «Египетская книга мертвых» – это описательное заглавие к циклу предписаний к захоронениям, «Книга Келлс» названа по месту, где была найдена, – в ирландском аббатстве Келлс. Эти заглавия были даны текстам, когда их заново открыли. Библия этимологически значит просто «книга», книги Ветхого Завета названы описательно («Книга Бытия», «Книга Левит»), книги Нового Завета – по именам авторов. Как ни странно, древняя формула «Книга...» и сейчас не изжила себя: взять хотя бы «Книгу снобов» Теккерея, «Книгу рекордов Гиннеса» [3, р. 24]. Заглавие одного произведения исторически могло измениться: так, Данте назвал свои «видения» Комедией, а эпитет «Божественная» присовокупил уже Дж. Боккаччо поколением позже. В Средние века писцы часто сшивали несколько книг вслепую в один том, а в роли заглавия мог выступать инципит (начальное слово или несколько слов какого-либо текста, служащие для его идентификации). Многие века, когда заглавие и имя автора не были обязательными элементами книги или свитка, заглавие передавалось устно и было скорее предметом общего знания, что зависело от степени образованности.

В XVIII веке заглавия были напрямую связаны с жанром произведения. Г. Левин пришел к выводу, что заглавия трагедий тяготеют к индивидуализации, а комедий – к обобщению. В трагедиях Ж. Расина и У. Шекспира, как и в классических трагедиях, есть тенденция брать в качестве заглавия

имя главного героя: Антигона, Гамлет, Федра. Классическая комедия скорее обращается в заглавиях к неким хорическим общностям: лягушки, облака, птицы [4, р. 27]. Комедии Нового времени берут в качестве заглавия некую обобщенную черту: алхимик, мизантроп. Очень широко обобщение в заглавиях комедий У. Шекспира: «Много шума из ничего» (англ. *Much Ado about Nothing*), «Комедия ошибок» (англ. *The Comedy of Errors*), «Все хорошо, что хорошо кончается» (англ. *All's Well That Ends Well*). Эти заглавия настолько неконкретные, что могли бы быть взаимозаменяемы. Другие заглавия комедий У. Шекспира называют типичного персонажа в определенном месте: «Виндзорские насмешницы» (англ. *Merry Wives of Windsor*), «Два веронца» (англ. *The Two Gentlemen of Verona*), «Венецианский купец» (англ. *Merchant of Venice*), и два заглавия обращаются к определенным событиям: «Сон в летнюю ночь» (англ. *A Midsummer Night's Dream*) и «Двенадцатая ночь, или Что угодно?» (англ. *Twelfth Night or What You Will*). Та же склонность к типическому в заглавии – в комедиях Д.И. Фонвизина («Недоросль», «Бригадир»).

Можно проследить и некоторые тенденции в озаглавливании книг от романтизма до реализма. Следует упомянуть о дуализме в заглавиях с союзом «и», который служит для противопоставления или сопоставления: этот прием использован в многочисленных забытых сейчас романах, но также и в самых значимых романах XIX века: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Красное и черное» (фр. *Le Rouge et le Noir*) Стендаля, «Гордость и предубеждение» (англ. *Pride and Prejudice*) Джейн Остин. Заглавия с указанием на определенное место действия, как правило, подчеркивают историзм романа, а также говорят об определенном хронотопе: готического замка, родового поместья и т. д. Можно вспомнить заглавия таких романов, как «Эдинбургская темница» (англ. *The Heart of Midlothian*, букв. «Сердце Мидлотиана») Вальтера Скотта, «Миддлмарч» (англ. *Middlemarch*) Джордж Элиот, «Мэнсфилд-парк» (англ. *Mansfield Park*) Джейн Остин, «Возвращение в Брайдсхед»

(англ. *Brideshead Revisited*) Ивлиной Во, «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лескова.

В XX веке в заглавиях активнее используются приемы аллюзии, метонимии и синекдохи, а также цитирование (так, в заглавие может быть вынесена строка из чужого текста, а может быть обыграно заглавие другого произведения). В заглавиях цитируют Библию, произведения Шекспира, обыгрывают популярные образы из произведений Льюиса Кэрролла, Артура Конан Дойля и классиков викторианской литературы. В заглавиях русских книг, помимо цитат из мировой художественной литературы, – от реминисценций на древнерусскую литературу до цитирования поэтов Серебряного века и т. д. [12].

Заглавие: современные тенденции

Среди современных тенденций озаглавливания книг также стоит упомянуть стремление к сокращению: к редуцированию заглавия до буквы или числа. Так, заглавие романа Томаса Пинчона представляет собой одну букву: V. В заглавиях чаще используются числа: «1984» Олдоса Хаксли, «451 градус по Фаренгейту» (англ. *Fahrenheit 451*) Рэя Брэдбери. Кроме того, нельзя не сказать о использовании некириллических букв в заглавиях современной русской литературы. Например, могут встречаться буквы латинского алфавита как в виде вставки одной-двух букв или слога в русское заглавие, так и в виде полной транслитерации словосочетания, например, в романе «*Vremena goda*» Анны Борисовой (Бориса Акунина), «*Pro luboff/op*» Оксаны Робски. Использование цитаты, реминисценции, иностранного алфавита, сокращение заглавия до буквы и цифры органично вписывается в общую тенденцию к заглавиям с языковой игрой. Такие заглавия привлекают внимания читателя и в силу своего необычного облика лучше запоминаются.

Также важна общая тенденция к изменению – в основном сокращению – заглавия в переизданиях. Это заметно в первую очередь в изменении заглавий-синопсисов XVIII века. Самый известный пример – заглавие романа «Робинзон Крузо». В наше время просто нет нужды в полном заглавии: имя Робинзона Крузо настолько известно, так что

читателю не нужно уточнение про «моряка из Йорка...». Однако и менее известные заглавия постепенно редуцируются. В первую очередь забывается подзаголовок и жанровая идентификация (согласно теории Ж. Женетта, заглавие имеет трехчастную структуру: заглавие, подзаголовок и указание на жанр, но, разумеется, возможно отсутствие последних двух элементов). Указание на жанр особенно часто встречалось в заглавиях произведений XVIII века. Иногда оно даже включалось в основное заглавие (например, «*Комедия ошибок*» У. Шекспира), но чаще шло отдельно, иногда с уточнением: например, «*Недоросль, комедия в пяти действиях*» Д.И. Фонвизина, «*Мещанин во дворянстве, комедия-балет*» (фр. *Le Bourgeois gentilhomme est une comédie-ballet*) Мольера (заглавия приводятся по титульной странице первого издания). Уже в XIX веке тенденция указывать жанр постепенно исчезает: в заглавиях романов О. Бальзака, Ф.М. Достоевского, Стендаля, Г. Флобера, Ч. Диккенса отдельного указания на жанр, в основном, нет. Жанровая идентификация, однако, не исчезает полностью: если жанр вынесен по воле издателя или автора на титульную страницу (позднее – на обложку), такое сознательное решение, как правило, говорит о некой задумке автора. Например, указание «Роман в стихах» – это важный момент для понимания структуры «Евгения Онегина». Автор дал понять, как прочитывать свое произведение: «Евгений Онегин» не просто поэма, а нечто более объемное – роман. Густав Флобер намеревался дать подзаголовок и указание на жанр в романе «Саламбо» (фр. *Salammbô*): «241–240 гг. до Рождества Христова, карфагенский роман». Это должно было послужить буржуазному читателю помощью в понимании исторического периода, в который развивается действие романа. Однако в итоге автор, по совету своего издателя, отказался от этой идеи, как отмечает Ж. Женетт [4, р. 68].

В современных издательских практиках указание на жанр тоже встречается. Например, в русском переводе романа Таны Френч «Тайное место» (англ. *The Secret Place*) на обложку под заглавием вынесено жанровое указание: «роман». Тана Френч известна как автор детективов, и «Тайное место» – оче-

редной в ее серии детективных романов о дублинской полиции. Однако нельзя сказать, что романы Т. Френч примечательны только как образец детективного жанра: автор поднимает более глубокие проблемы, чем жанр того требует. Указание на жанр, вынесенное издателем на обложку, – это способ заявить, что «Тайное место» не просто детективный роман, а роман в широком смысле, который не нужно оценивать только в узких рамках жанра. Это в том числе дает намек читателю не сосредотачиваться исключительно на детективной составляющей сюжета. Это отвечает современной точке зрения на расширение рамок жанра детективного романа. Дискуссия о границах жанров детективного, сентиментального романов активно ведется в последние несколько лет. Литературные критики приходят к выводу, что массовая литература переросла привычные границы жанра и уже давно интегрируется в «большую» литературу (см., например, книгу Г. Юзефович «О чем говорят бестселлеры. Как все устроено в книжном мире» [13]).

Ответственность редактора и выбор заглавия

Проблема изменения заглавия имеет и прагматическое значение: заглавие входит в область ответственности автора и редактора. Придерживаясь теории Ж. Женетта, можно говорить о двух типах паратекста: официальном и неофициальном. Заглавие книги входит в официальный паратекст, если оно помещено в книжное издание. Неофициальный паратекст (например, альтернативные переводы заглавий, а также отброшенные автором в процессе работы варианты заглавия) может быть важен для текстологов и историков литературы. Так, например, роман Т. Пратчетта и Н. Геймана “Good Omens” имел долгую историю фанатских переводов до того, как права на официальный перевод были куплены в 2012 г. издательством ЭКСМО. Роман, переведенный для ЭКСМО М. Юркан, был назван «Благие знамения». Существуют неофициальные переводы В. Филиппова (с заглавием «Добрые знамения») и В. Вербицкого (с заглавием «Добрые предзнаменования»). Варианты, как мы видим, различаются оттенками значений слов «благие»/«добрые», «знамения»/«предзнаме-

нования» («благой», «знамение» звучит архаичнее, что соответствует контексту романа и представляется нам потому более удачным вариантом). Однако в любом случае, независимо от того, насколько удачно или, наоборот, неудачно сформулировано официальное заглавие, после издания романа неофициальные заглавия ушли в тень, а во всех библиографических списках, рецензиях, критических статьях фигурирует только утвержденное редактором.

Проблема выбора заглавия также стоит перед редактором, который готовит к изданию переводное произведение. Есть множество примеров, когда неточный перевод заглавия нарушает то негласное правило, по которому заглавие не должно быть «спойлером» произведения и открывать читателю интригу заранее. Например, так произошло с заглавием романа М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» (англ. *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time*). Более верным здесь был бы перевод «Загадочное ночное происшествие с собакой»: в начале романа читатель не знает, что именно случилось с собакой, – это и становится завязкой интриги. Однако официальное русское заглавие настраивает на некий детективный сюжет с более серьезным уровнем насилия, чем есть в оригинальном заглавии. Кроме того, в переводе неизбежно теряется языковая игра: оригинальное заглавие является цитатой из рассказа Артура Конан Дойля «Серебряный» (англ. *The Adventure of Silver Blaze*), а главный герой романа М. Хэддона – поклонник романов о Шерлоке Холмсе.

Зачастую заглавие получается двусмысленным не намеренно. Так произошло, например, с русским заглавием детективного романа японского писателя К. Хигасино «Жертва подозреваемого X» (яп. *Yōgisha X no Kenshin*). Перевод на английский достаточно близок к оригиналу и звучит так: “*The Devotion of Suspect X*”, что означает «Преданность подозреваемого Икс». Двусмысленность, как мы видим, возникает из-за слова «жертва», которое в русском языке многозначно. В контексте детективного романа смысл его прочитывается однозначно: жертва – человек, подвергшийся злому умыслу «подозреваемого Икс». Но если посмотреть на оригинальное заглавие или на английский

его перевод, становится понятно, что слово «жертва» здесь подразумевалось в другом значении: самопожертвование «подозреваемого Икс», добровольный отказ, отречение в пользу кого-то. Этот нюанс играет важнейшую роль в сюжете романа: в кульминационный момент становится ясно, о какой жертве идет речь, и заглавие обретает смысл. В случае романа «Жертва подозреваемого Х» можно сказать, что русское заглавие с его двусмысленностью придает дополнительную интригу, а не раскрывает сюжет, как в предыдущем нашем примере. Неизвестно, была эта двусмысленность оставлена редактором намеренно или это вышло случайно.

Официально заглавие произведения закрепляется в его первом издании, но и здесь возможны варианты. Во-первых, нельзя абсолютно забывать про период авторских сомнений до рождения итогового заглавия. Например, для романа «Человек-зверь» (фр. *La Bête humaine*) Э. Золя исследователь-титолог К. Дюше насчитал 133 варианта заглавия [4, р. 66]. Однако авторские сомнения насчет заглавия могут возникать и после публикации. В этом случае автор не принимает решения об изменении заглавия единолично, так как возникает фигура издателя, читателя, иногда – юридические препятствия. Множество дискуссий о заглавиях останутся неизвестными нам, однако иногда автор официально признается во вступлении, что хотел назвать книгу иначе, либо неофициально – в интервью. Иногда обновленное заглавие делает книгу более продаваемой. В 1930 г. вышел фильм «Голубой ангел» по мотивам романа Г. Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (нем. *Professor Unrat oder Das Ende eines Tyranen*). В переиздании издатель добавил к оригинальному заглавию подзаголовок «Голубой ангел», чтобы, вероятно, увеличить продажи за счет аудитории фильма. Т. Адорно в своей статье о заглавиях [14] с негодованием и иронией говорит о том, по какой причине изменили название в экранизации: очевидно, потому что фильм с оригинальным заглавием «Учитель Гнус» мог бы провалиться в прокате, в то время как «Голубой ангел» туманно намекал на женский образ, привлекательный для публики. Однако, пишет Т. Адорно, это заглавие противоречит

смыслу произведения и потому для судьбы изданий романа является крайне неудачным решением.

Разумеется, невозможно предсказать заранее, будет ли заглавие отлично «продавать» книгу. Американскими учеными была предпринята попытка вывести формулу бестселлера, для чего они использовали статистические методы для анализа композиции, сюжета и лексики романов из списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» [15]. В том числе они затрагивали вопрос о том, каким должно быть заглавие бестселлера, и пришли к выводу, что рецепта идеального заглавия привести невозможно. Этот вывод справедлив, но, как мы видим, вполне возможно проследить закономерности изменения заглавий в истории книгоиздания, а также выявить современные тенденции, жанровые особенности и даже определенную моду на заглавия, что может быть полезно в процессе редакционной подготовки издания. Так, например, видна тенденция к сокращению заглавия, которая прослеживается в изменении распространенных заглавий-описаний на титульных листах изданий XVIII века к заглавию в его современном виде, с учетом того, что возможно использование «длинных» заглавий в качестве языковой игры. Определенную моду на заглавия, как мы рассмотрели выше, можно увидеть в каждую эпоху, и каждая эпоха приносит свои знаковые черты (например, заглавия книг по месту действия, свойственные готическому роману, употребление чисел и латиницы в романах эпохи постмодернизма). Мы пришли к выводу, что знание этих особенностей может быть полезно автору и редактору при выборе заглавия, поможет избежать ошибок и нечаянной двусмысленности, примеры которой мы приводим выше.

Интерес представляет дальнейшая разработка вопроса о современных тенденциях в заглавиях книг, особенно в изданиях произведений так называемой массовой литературы – детективных, фантастических и сентиментальных романах, – с целью выявления определенных закономерностей на лексическом и грамматическом уровнях. Это видится нам органичным продолжением и углублением представленного исследования.

Список литературы

1. Лессинг Г.Э. Из «Гамбургской драматургии»: часть 2. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/lessing-iz-gamburgskoj-dramaturgii-2.htm> (дата обращения: 16.02.2019).
2. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931.
3. Levin H. The title as a literary genre // *The Modern Language Review*. 1977. Vol. 72. № 4. P. 23-36.
4. Genette G. *Paratexts. Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 456 p.
5. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.
6. Джанджакова Е.В. О поэтике заглавия // *Лингвистика и поэтика*: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 207-214.
7. Черняк М.А. Поэтика заглавия массовой литературы конца XX века // *Русский язык на рубеже тысячелетий: материалы докладов и сообщений Всерос. конф.: в 3 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 540-548*.
8. Федунина О.В. К вопросу о функциях заглавия в детективе. («Неподходящее занятие для женщины» Ф.Д. Джеймс в контексте традиции) // *Вестник РГТУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2011. № 7. С. 59-66.
9. Зими́на Л.В. Креативное редактирование: К вопросу об издательских «технологиях» озаглавливания книг // *Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела*. 2013. № 5. С. 81-88.
10. Тутатина Е.А. Поэтика и прагматика заглавий // *Вестник Московского государственного университета печати*. 2013. № 7. С. 36-39.
11. Топоров В. Креативная редактура: опция отказа 1 // *Перемены: толстый веб-журнал*. URL: <http://www.peremeny.ru/co-lumn/view/825> (дата обращения: 16.02.2019).
12. Тутатина Е.А. Цитирование как одна из современных тенденций в озаглавливании книг // *Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела*. М., 2017. № 3. С. 63-67.
13. Юзефович Г.Л. О чем говорят бестселлеры. Как все устроено в книжном мире. М.: Редакция Елены Шубиной, 2018. 256 с.
14. Adorno T. *Titles. Notes to Literature*: in 2 vols. N. Y.: Columbia University Press, 1992. Vol. 2. 300 p.
15. Арчер Д. Код бестселлера. М.: КоЛибри, 2017. 256 с.

References

1. Lessing G.E. *Iz «Gamburgskoy dramaturgii»: chast' 2* [From “Hamburg Dramaturgy”: pt 2]. (In Russian). Available at: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/lessing-iz-gamburgskoj-dramaturgii-2.htm> (accessed 16.02.2019).
2. Krzhizhanovskiy S.D. *Poetika zaglaviy* [Poetics of Titles]. Moscow, Nikitinskiye subbotniki Publ., 1931. (In Russian).
3. Levin H. The title as a literary genre. *The Modern Language Review*, 1977, vol. 72, no. 4, pp. 23-36.
4. Genette G. *Paratexts. Thresholds of Interpretation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 456 p.
5. Moretti F. *Dal'neye chteniye* [Distant Reading]. Moscow, Publ. House of Gaidar Institute, 2016, 352 p. (In Russian).
6. Dzhandzhakova E.V. O poetike zaglaviya [On title poetics]. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 207-214. (In Russian).
7. Chernyak M.A. Poetika zaglaviya massovoy literatury kontsa XX veka [Poetics of the mass literature title of the end of 20th century]. *Materialy dokladov i soobshcheniy Vserossiyskoy konferentsii: v 3 t. «Russkiy yazyk na rubezhe tysyacheletiy»* [Proceedings of the All-Russian Conference: in 3 vols. “Russian Language at the Turn of the Millennium”]. St. Petersburg, 2001, vol. 2, pp. 540-548. (In Russian).
8. Fedunina O.V. K voprosu o funktsiyakh zaglaviya v detektive («Nepodkhodyashcheye zanyatiye dlya zhenshchiny» F.D. Dzheyma v kontekste traditsii) [On the issue of title functions in detective novels (Phyllis Dorothy James “An Unsuitable Job for a Woman” in the context of tradition)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye – RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies”*, 2011, no. 7, pp. 59-66. (In Russian).
9. Zimina L.V. Kreativnoye redaktirovaniye: K voprosu ob izdatel'skikh «tekhnologiyakh» ozaglavlivaniya knig [Creative editing: On the question of publishing technologies of book titling]. *Izvestiya vuzov. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of Higher Educational Institutes. Issues of Polygraphy and Publishing], 2013, no. 5, pp. 81-88. (In Russian).
10. Tutatina E.A. Poetika i pragmatika zaglaviy [Poetics and pragmatics of the titles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati* [Herald of Moscow State University of Printing Arts], 2013, no. 7, pp. 36-39. (In Russian).

11. Toporov V. Kreativnaya redaktura: opsiya otказа 1 [Creative editing: rejection option 1]. *Peremeny: tolsty veb-zhurnal* [Changes: Large-Scale Web-Journal]. (In Russian). Available at: <http://www.peremeny.ru/column/view/825> (accessed 16.02.2019).
12. Tutatina E.A. Tsitirovaniye kak odna iz sovremennykh tendentsiy v ozaglavlivanii knig [Quotation as one of the modern trends in book titling]. *Izvestiya vuzov. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of Higher Educational Institutes. Issues of Polygraphy and Publishing]. Moscow, 2017, no. 3, pp. 63-67. (In Russian).
13. Yuzefovich G.L. *O chem govoryat bestsellery. Kak vse ustroyeno v knizhnom mire* [What are Bestsellers Talking About? How Everything Works in the Book World]. Moscow, Elena Shubina's Publ., 2018, 256 p. (In Russian).
14. Adorno T. *Titles. Notes to Literature: in 2 vols.* New York, Columbia University Press, 1992, vol. 2, 300 p.
15. Archer D. *Kod bestsellera* [The Bestseller Code]. Moscow, CoLibri Publ., 2017, 256 p. (In Russian).

Информация об авторе

Тутатина Екатерина Алексеевна, аспирант, кафедры издательского дела и книговедения Высшей школы печати и медиаиндустрии. Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: e.tutatina@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8493-8706>

Поступила в редакцию 08.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 07.05.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Ekaterina A. Tutatina, Post-Graduate Student, Publishing and Bibliology Department of Higher School of Printing and Media Industry. Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: e.tutatina@gmail.com

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8493-8706>

Received 8 April 2019

Reviewed 7 May 2019

Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-357-363
УДК 82.09

Индивидуализация в рецензии на поэтическую книгу

Елена Владимировна НОВОЖИЛОВА

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., 6
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7879-7919>, e-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Individualization in poetic book review

Elena V. NOVOZHILOVA

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7879-7919>, e-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Аннотация. Изложены отдельные результаты качественного содержательного анализа рецензий на сборники стихов, опубликованных в русской литературной периодике последних лет. Формулируется цель рецензента – привлечь читателя к своему тексту и посредством этого к поэтическому произведению; задача рецензента – обнаружить и донести до читателя такие признаки авторского стиля и поэтического произведения (книги), как плода этого стиля, которые позволяют говорить об авторе и о книге как об уникальных, отличных от всех прочих («Пушкин – это Пушкин»). Подчеркивается, что литературный критик работает, прежде всего, на индивидуализацию художественного произведения. В этой связи разворачивается аналогия работы критика с работой эксперта-криминалиста по идентификации неизвестного объекта: в качестве такого объекта (идентифицируемого) выступает содержание не написанной пока рецензии, в качестве объекта для сравнения (идентифицирующего) – поэтический текст. Перечисляются признаки, по которым идет сопоставление, указывается, что эти признаки не случайны, а жестко обусловлены задачей индивидуализации. Подводится итог о том, что рецензия на стихи – не есть простое отражение особенностей стихов плюс субъективное отношение критика к ним; для более глубокого понимания того, как создается литературно-критическое произведение, необходимо заимствование ряда понятий из иной области знаний – теории криминалистической идентификации.

Ключевые слова: теория литературы; литературоведение; литературная критика; рецензия на поэтическую книгу; теория криминалистической идентификации; тождество

Для цитирования: Новожилова Е.В. Индивидуализация в рецензии на поэтическую книгу // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 357-363. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-357-363

Abstract. We present the individual results of a qualitative, comprehensive reviews analysis of collections of poems published in Russian literary periodicals of recent years. We formulate the goal of the reviewer – to attract the reader to his text and through it to the poetic work; the task of the reviewer is to detect and convey to the reader such signs of the author's style and poetic work (book) as the essence of this style, which make it possible to speak of the author and book as unique, different from all others ("Pushkin is Pushkin"). We emphasize that a literary critic works primarily on the individualization of an artistic work. In this regard, we unfold the analogy of the work of the critic with the work of the forensics analyst on the identification of an unknown object: as such object (identifiable) serves not yet written content of the review, as an object for comparison (identifying) serves the poetic text. We list the features that are being compared, we indicate that these features are not accidental, but are strictly due to the task of individualization. We sum up that the poems review is not a simple reflection of the poems peculiarities, plus the critic's subjective attitude towards them; for a deeper understanding of how a literary-critical work is created, it is necessary to borrow a number of concepts from another field of knowledge – the forensic identification theory.

Keywords: theory of literature; literature studies; literary criticism; poetic book review; forensic identification theory; identity

For citation: Novozhilova E.V. Individualizatsiya v retsenzii na poyeticheskuyu knigu [Individualization in poetic book review]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 357-363. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-357-363 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Рецензия – одна из важнейших форм того «особого словесного искусства, задача которого судить о свойствах художественного объекта» [1, с. 65]. Поэтике рецензии как литературно-критического жанра *per se* посвящены работы Л.П. Гроссмана, Б.Ф. Егорова, В.И. Баранова, А.Г. Бочарова, В.В. Перхина, В.И. Новикова, Ю.А. Говорухиной, Н.Н. Молитвиной, А.Г. Башкатовой и др. Однако до сих пор не рассматривался подробно механизм рецепции, переноса той информации, которая содержится в рецензируемом художественном произведении и переходит в рецензию.

В этом отношении рецензии на прозу и в целом на произведения с выраженным сюжетом имеют преимущество, поскольку критик может описать этот сюжет, охарактеризовать по необходимости формальные особенности и добавить субъективную оценку текста. О поэтическом произведении, как правило, нельзя сказать, «о чем» оно, – и здесь при написании рецензии доминируют иные факторы, которые незаметны в рецензиях на прозу, но без которых отзыв на «произведение ни о чем» вообще нельзя помыслить.

Отзывы на «произведения ни о чем» существуют – и в количественном отношении это огромный массив: по нашим подсчетам, ежегодно в авторитетных литературных СМИ на русском языке публикуется 30–40 а. л. рецензий только на сборники стихов. (Наш материал о количественных характеристиках рецензий в настоящий момент готовится к печати.) Такой объем уже сам по себе является существенным литературным фактом [2].

В этой статье представлены некоторые результаты осмысления эмпирического материала – рецензий на поэтические книги, опубликованные в журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Знамя», «Литература» и «Новый мир» в последнее пятилетие (2014–2018 гг.).

Для этих текстов, как и для всей литературной критики, характерны явно выраженные практические цели. Рецензент преследу-

ет особую цель: привлечь внимание читателя к своему тексту и посредством этого – к поэтическому произведению. Поскольку критики работают в условиях гигантского переизбытка информации (30–40 а. л. отзывов на стихи ежегодно), – становится понятно, что цель труднодостижима и может быть достигнута только при максимальном обособлении предмета речи. Отсюда задача рецензента: обнаружить и донести до читателя такие признаки авторского стиля и поэтического произведения (книги), как плода этого стиля, которые позволяют говорить об авторе как об уникальном поэте, отличном от всех прочих («Пушкин – это Пушкин»). Сам поэт, подбирая строки и слова, вряд ли решает при этом прямую задачу продемонстрировать свое «я», индивидуализировать себя самого (ибо, как известно, стихи пишут все). В отличие от него рецензент очевидным образом прикладывает к этому все усилия. Он становится первым на этом пути – а возможно, так и остается единственным.

Важность задачи индивидуализации сближает литературного критика с представителем совершенно иной профессии: с экспертом-криминалистом. Оба получают на руки неизвестный объект, который необходимо осмотреть и описать, оба совершают последовательность действий по установлению *индивидуального тождества*. «Индивидуальное тождество есть наличие у объекта неповторимой совокупности устойчивых признаков, отличающей его от всех иных, в том числе ему подобных, объектов, индивидуализирующей объект и дающей возможность распознать его» [3, с. 85].

Индивидуальное тождество – центральное понятие теории криминалистической идентификации, которая, в свою очередь, «представляет одну из наиболее глубоко разработанных теорий криминалистики, нашедших широкое практическое применение». Это – отечественная разработка. Ценна она тем, что «является научно обоснованным методом исследования причинности и уста-

новления неизвестных объектов по их следам» [4, с. 101]. Понятийное заимствование здесь вполне оправданно. Оно помогает создать аналогию отношений и объяснить ряд особенностей эмпирического материала рецензий – явное предпочтение одних признаков стихов другим, неразличение литературоведческих категорий и их «сплавление» (в том числе рецензентами, имеющими ученые степени по филологии) и т. д.

Индивидуальное тождество означает тождественность объекта самому себе. При этом прежде достижения тождества объекты, в сопоставлении именуется *идентифицирующим* (тот, что есть в наличии) и *идентифицируемым* (тот, который подлежит установлению). Для криминалиста это соответственно конкретный нож в бурых пятнах, который лежит перед ним в герметичном пакете, и некий нож, который когда-то в прошлом стал орудием убийства. Идентифицируемый объект для криминалиста – в прошлом.

Для литературного критика идентифицирующий объект – это лежащая перед ним свежеезданная книга стихов с ценником магазина, а идентифицируемый объект – образ, который формируется в сознании критика и составляет содержание не написанной пока рецензии: «портрет» книги со всеми ее характерными признаками, с теми «изюминками», которые могут быть интересны и важны для читателя. Таким образом, идентифицируемый объект для рецензента находится в будущем и должен быть создан им самим.

Может показаться, что, поскольку рецензия находится в будущем и создается самим критиком, то она может быть произвольной, любой. Но это неверно. Рецензент подобно криминалисту движется по довольно узкому лабиринту познания. Он не имеет возможности обеспечить тождественность книги и рецензии, полностью воспроизведя первую во второй, поэтому он должен найти в книге и перечислить в своем собственном тексте набор признаков (в криминалистике – *идентификационные признаки*) данной книги и данного поэта, которые удовлетворяют следующим требованиям:

- они существуют в действительности (то есть данные категории известны литературоведению или понятны читателю);

- они содержатся или имеют непосредственное отношение к этой книге;

- они служат индивидуализации, обособлению книги и поэта (т. е. не встречаются в каждом первом или каждом втором подобном произведении), по ним книгу и поэта действительно можно узнать.

Рецензент движется к индивидуальному тождеству, накапливая идентификационные признаки поэтической книги. Рассмотрим их подробнее.

А) Краткие биографические сведения: место проживания поэта, примерное указание на его возраст, принадлежность к поэтической школе (если в книге об этом говорится прямо) и порядковый номер книги. Такие сведения об авторе используются на первом этапе обособления, эта работа производится критиком машинально, не вполне осознанно. Географическая локация словно бы маркирует поэта, который перестает быть *terra incognita*; признаки места могут быть перенесены и на него. Наиболее часты двучленные сочетания сведений об авторе, например, место проживания и порядковый номер книги – ср.: «Первая книга симферопольского поэта» [5] и т. п. Тем не менее, сведения об авторе могут подаваться в любой комбинации.

Б) Пул признаков, относящихся к содержанию поэтического произведения и чаще всего используемых в совокупности; включает литературоведческие категории автора, героя, топоса (в лотмановском понимании этого термина, то есть пространственного континуума художественного текста), сюжета, тем и мотивов.

Парадоксально, но особенности поэтической формы гораздо реже служат идентификационными признаками. Рецензенты, как правило, высказываются о них весьма обобщенно: этот путь индивидуализации не самый продуктивный, если только поэт не эксплуатирует ту или иную формальную особенность постоянно и намеренно (как, например, Амарсана Улзытуев анафору или Максим Амелин силлабический стих). Ритм и форма сами по себе не индивидуализируют.

Если отдельные признаки встречаются в поэтических произведениях часто, то постоянные группы из нескольких признаков – статистически реже. И в случаях, когда тот или иной признак в отдельности не дает ин-

дивидуализации («так пишут все»), критики решают эту проблему, в частности, объединяя литературоведческие категории в *кластеры*.

Кластеры признаков (понимаемые в духе А.К. Жолковского [6] как повторяющиеся устойчивые комбинации взаимно независимых тематических и формальных характеристик произведения) – составляют принципиальное отличие литературной критики от аналитического способа познания. Ученый-литературовед всегда оперирует отдельными признаками художественного текста, рецензент же осмысливает произведение с помощью их групп. Именно таково на самом деле «противоположение творческих и аналитических умов» [1, с. 63].

Самый распространенный вариант кластера – автор, герой и топос произведения: «Колочка отказывается принимать растительную, паразитическую, бессмысленную жизнь, предпочтя смерть. Но, растворившись в окружающем пространстве («вцепился в окоем»), репей способен на чудо. Преображение мира – красота – оказывается важным для него. Истинный художник (творец). Автор лишь в сопричастности с природным пространством может оказаться создателем» [7]. Разнообразие вариантов соотношения этих объектов, видимо, дает наибольшие возможности для индивидуализации.

В) Указание на связи между книгой и творчеством иных поэтов или литературных групп и тем самым включение поэта в интертекстуальную сеть поэтических имен (субститут системы литературных стилей и направлений). В идеале каждый поэт и каждая книга должна занять в этой системе свое место: этому способствует труд литературного критика. Впрочем, рецензент, как правило, ограничивается лишь названием этого места, перечислением ассоциаций и не аргументирует, почему автор книги помещен именно туда, – либо аргументация имеет характер намека.

«Амелин в предисловии отмечает родство поэтик Карасева и В. Маяковского, находя в текстах последнего прецедент и фразового стиха, и характера рифм, и образного строя тверского поэта. Не менее значимым представляется также сделанное в предисловии, но, к сожалению, не развитое наблюдение о

композиционном сходстве стихов Карасева и Ф. Тютчева. Из не указанных Амелиным авторов следует назвать Б. Слуцкого и С. Нельдихена. <...> Близкие интонационные аналогии можно обнаружить в древнерусских текстах, еще несущих на себе печать изустной традиции, или, скажем, переводах «Слова о полку Игореве», выполненных вольным стихом (например, переводе В. Жуковского). <...> делается понятным, что Карасев – порождение традиции не столько литературной, сколь фольклорной. Все точки пересечения его с литературными предшественниками имеют место лишь тогда, когда предшественники эти сами так или иначе заступают на территорию фольклора» [8]. Несмотря на то, что в тексте этой рецензии поэта сравнили со множеством предшественников, заканчивается она характерной фразой: «Перед нами – яркий и самобытный поэт», то есть индивидуализация, даже назывная и противоречащая логике критического текста, ставится рецензентом во главу угла.

Ученый-литературовед, описывая поэтику того или иного автора и учитывая в этих целях рецензии, должен понимать, что имеет дело с отображением, следом – но механизм этого отображения совершенно иной. Рецензия не может быть прямым отпечатком информации о принадлежности произведения к тому или иному стилю и направлению, поскольку такая информация непосредственно не содержится в произведении. (См. закономерности отображения объектов друг в друге, передачи информации через отображение (след) в трудах В.Я. Колдина [9].) Поэтому нельзя сделать достоверные выводы о системе литературных стилей и направлений, складывающейся или сложившейся в современной поэзии, только на основании сведений из рецензий.

Г) Фрагменты речи самого поэта, наиболее характерные для него. Возможны два варианта цитирования:

– цитата-иллюстрация к тому или иному тезису рецензента. Она может быть включена в текст рецензии и образовывать с ней синтаксическое единство («Поэт – беглец, «герой с канистрою бензина», уплывающий «летучей рыбой в незагоревшейся воде», путник, уходящий бродить тайным ночным «бесконечным коридором», дабы познать

«глубокие замеры/безумия и яркой темноты» [10]), а может быть выделена, например, отдельной строфой – и в этом случае индивидуализирует ярче;

– цитата-визитка (стихи, «говорящие сами за себя»), которая обычно помещается в конце рецензии и в мини-рецензиях может занимать до половины их объема.

Д) Собственный художественный инструментарий рецензента – риторические, стилистические приемы или тропы. Их, конечно, нет в рецензируемой книге, но они создаются на основе ее реальных особенностей (незначительных) – и заостряют их, укрупняют, добавляют логическое следствие, то есть так же, как и в случае с кластерами, доводят до состояния, когда эти особенности становятся различимыми и индивидуальными.

Так, популярен прием метафоры, которую критик складывает из биографических черт автора и отдельных содержательных особенностей его поэзии: «Ее хобби – ландшафтный дизайн, перенесенный из реальности в лирику» [11], «Стихотворение становится теоремой <...> еще одной формулой мироздания» [12].

Вот гипербола с привлечением лексических выразительных средств – критик утрирует образ поэта о поглощающих его сущностях, чтобы добиться более сильной реакции читателя: «Вторая природа – текст, речь – хрумкает твоими косточками не менее энергично, чем природа первая, и даже сливается с ней» [13].

Следует признать художественным приемом и подражание критика поэту – нецитационное воспроизведение отдельных характерных черт его текста. Подражание может быть ритмическим, стилистическим. Вот любопытный пример: в подражание автору с его «языковым шумом» рецензент воспроизводит подобный же «языковой шум», объединяя в перечислении разнородные объекты. Здесь филологические термины становятся художественным средством: «Поэзию Банникова отличает особая организация речи: субъект его бесконечно множась текст перемещается от услышанной фразы к цитате, от сообщения в соцсети к штампу, от оскорблений к метафоре. Иными словами, языковой шум, в котором существует этот субъект, позволяет читателю каждый раз

конструировать свой собственный образ Банникова» [14]. Такое частичное подражание позволяет добиться индивидуализации, не превращая рецензию ни в сплошную цитату, ни в пастиш.

Рецензент волен выбирать любые идентификационные признаки, которые, по его мнению, выделяют поэтическое произведение из общего ряда, определять их количество и последовательность, объединять их в кластеры, при этом придерживаться или не придерживаться научной терминологии, литературоведческого или любого другого дискурса. Но от того, как он это сделает, зависит конечный результат его работы – установление или неустановление индивидуального тождества. А дойти до конца критик обязан.

Если он считает дар поэта неуникальным, а сборник стихов банальным и скучным, то его собственная задача упрощается, но ненамного: в отрицательном отзыве поэта следует охарактеризовать как типичного представителя той или иной уникальной литературной общности – то есть установить его *групповую принадлежность*. (Уникальной – значит отличной от других групп, при этом отличие не обязательно состоит в высоких или невысоких художественных качествах произведений, ср.: «типичный образец уральской школы поэзии» и т. п.) Рецензент останавливается на предпоследнем этапе индивидуализации. Приведем пример того, как критик сначала констатирует групповую принадлежность поэта («рафинированная московская барышня, пишущая стихи»), но затем продолжает свою работу и движется к индивидуальному тождеству: «<Ее> я больше слушал, нежели читал; слушал обычно на поэтических вечерах, на которых один за другим читали по три–четыре стихотворения несколько московских поэтов, и стихи Поляковой вполне выдерживали этот контекст. В них было все, что полагалось: интонация, образность, версификационная культура, эмоциональность (по преимуществу минорная). То есть такая вот рафинированная московская барышня, пишущая стихи, и действительно – стихи как бы камерные, лирические, «тихие». С соответствующими ожиданиями я открыл ее новую книгу и споткнулся на первой же странице <...>» [15].

Однако если не удастся собрать необходимой совокупности идентификационных признаков – то в этом случае тождество установить невозможно. Литературный критик, публикуя свой текст, вступает во взаимодействие с читателем, в отношении «говорящий – адресат». И если найдено недостаточно аргументов, чем же особенно и уникальна поэтическая книга, почему читатель должен купить и прочесть ее (или, по крайней мере, перенять точку зрения критика на нее), – то это коммуникативная неудача рецензента, который не смог убедить, не довел свой труд до конца. В любом случае без индивидуализации он обойтись не может, поскольку становится внятным для читателя только тогда, когда говорит: «Автор – это...».

Итак, современная рецензия на поэтический сборник – это труд литературного критика по индивидуализации книги. Для того

чтобы раскрыть суть этого труда, мы создаем аналогию и заимствуем ряд понятий из теоретической криминалистики: «индивидуальное тождество», «групповая принадлежность», «идентифицирующий объект» (книга стихов), «идентифицируемый объект» (содержание рецензии), «идентификационные признаки» (из их числа мы выделяем краткие биографические сведения о поэте, содержательные особенности произведения, цитаты, ассоциативные связи с творчеством иных поэтов или литературных групп, собственные художественные приемы рецензии). Мы также предлагаем использовать понятие «кластер признаков». Все признаки, найденные и отобранные рецензентом, ложатся в основу тождества, в котором – и именно так – поэтическая книга должна оказаться тождественной своей рецензии.

Список литературы

1. Гроссман Л.П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61-81.
2. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: Аграф, 2002. 496 с.
3. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р.С. Белкин. М.: БРЭ, 1993. 111 с.
4. Криминалистика / отв. ред. Н.П. Яблоков. М.: Юрист, 2005. 782 с.
5. Горшкова Е. <О книге стихов Дмитрия Билько> // Воздух. 2016. № 2.
6. Жолковский А.К. Интертекстуальное потомство «Я вас любил...» Пушкина // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. С. 390-431.
7. Ленивец А. Созвездие гонимых псов // Знамя. 2019. № 2.
8. Саломатин А. Свежий оттиск // Арион. 2014. № 4.
9. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1978. 144 с.
10. Слепухин С. «Соскребая темноту с картинки» // Литература. 2018. № 119.
11. Приймак А. Исцеляющая рекурсия // Новый мир. 2017. № 7.
12. Бонч-Осмоловская Т. «Там, может быть, долина...» // Новый мир. 2017. № 3.
13. Риц Е. Книжная полка Евгении Риц // Новый мир. 2017. № 7.
14. Клинова М. <О книге стихов Вадима Банникова> // Воздух. 2016. № 3-4.
15. Костырко С. Книги // Новый мир. 2016. № 7.

References

1. Grossman L.P. Zhanry khudozhestvennoy kritiki [Genres of art criticism]. *Iskusstvo* [Art], 1925, no. 2, pp. 61-81. (In Russian).
2. Tynyanov Y.N. *Literaturnaya evolyutsiya: Izbrannye trudy* [Literary Evolution: Selected Works]. Moscow, Agraph Publ., 2002, 496 p. (In Russian).
3. Belkin R.S. (compiler). *Kriminalistika: kratkaya entsiklopediya* [Criminalistics: a Brief Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 1993, 111 p. (In Russian).
4. Yablokov N.P. (executive ed.). *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Yurist Publ., 2005, 782 p. (In Russian).
5. Gorshkova E. <O knige stikhov Dmitriya Bilko> [<About the book of poems by Dmitry Bilko>]. *Vozdukh* [Air], 2016, no. 2. (In Russian).
6. Zholkovsky A.K. Intertekstual'noe potomstvo «Ya vas lyubil...» Pushkina [Intertextual posterity of Pushkin's poem "I loved you..."]. *Izbrannye stat'i o russkoy poezii: invarianty, struktury, strategii, interteksty*

- [Selected Articles on Russian Poetry: Invariants, Structures, Strategies, Intertexts]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005, pp. 390-431. (In Russian).
7. Lenivets A. Sozvezdie gonchikh psov [Constellation of Canes Venatici]. *Znamya* [Flag], 2019, no. 2. (In Russian).
 8. Salomatin A. Svezhiy ottisk [Fresh print]. *Arion*, 2014, no. 4. (In Russian).
 9. Koldin V.Y. *Identifikatsiya pri rassledovanii prestupleniy* [Identification in the Investigation of Crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ, 1978, 144 p. (In Russian).
 10. Slepukhin S. «Soskrebaya temnotu s kartinki» [“Scraping the darkness from the picture”]. *Litteratura* [Literature], 2018, no. 119. (In Russian).
 11. Priymak A. Istselyayushchaya rekursiya [Healing recursion]. *Novyy mir* [New world], 2017, no. 7. (In Russian).
 12. Bonch-Osmolovskaya T. «Tam, mozhnet byt', dolina...» [“There may be a valley...”]. *Novyy mir* [New world], 2017, no. 3. (In Russian).
 13. Ritz E. Knizhnaya polka Evgenii Ritz [The bookshelf of Evgenia Ritz]. *Novyy mir* [New world], 2017, no. 7. (In Russian).
 14. Klinova M. <O knige stikhov Vadima Bannikova> [<About the book of poems by Vadim Bannikov>]. *Vozdukh* [Air], 2016, no. 3-4. (In Russian).
 15. Kostyrko S. Knigi [Books]. *Novyy mir* [New world], 2016, no. 7. (In Russian).

Информация об авторе

Новожилова Елена Владимировна, соискатель, кафедра теоретической и исторической поэтики, специальность 10.01.08 Теория литературы, текстология, институт филологии и истории. Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, отбор и анализ эмпирического материала, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7879-7919>

Поступила в редакцию 17.05.2019 г.
Поступила после рецензирования 01.07.2019 г.
Принята к публикации 12.07.2019 г.

Information about the author

Elena V. Novozhilova, Competitor, Theoretical and Historical Poetics Department, Specialization 10.01.08 Theory of Literature, Textology, Institute for Philology and History. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. E-mail: elena.v.novozhilova@yandex.ru

Contribution: main study conception, empirical material selection and analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7879-7919>

Received 17 May 2019
Reviewed 1 July 2019
Accepted for press 12 July 2019

Об особенностях функционирования предметной детали в произведениях И.А. Бунина

Надежда Борисовна БУГАКОВА, Юлия Сергеевна ПОПОВА,
Оксана Владимировна СУЛЕМИНА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, e-mail: ya_witch@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>, e-mail: buka1621@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>, e-mail: may2005@yandex.ru

On features of subject detail functioning in the works of I.A. Bunin

Nadezhda B. BUGAKOVA, Yulia S. POPOVA, Oksana V. SULEMINA

Voronezh State Technical University

14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>, e-mail: ya_witch@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>, e-mail: buka1621@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>, e-mail: may2005@yandex.ru

Аннотация. Исследована роль предметной детали в художественной картине мира И.А. Бунина на материале прозы. На примере функционирования такой реалии, как чемодан, раскрывается проблема художественного предмета в поэтике писателя. Задача исследования – описание некоторых художественных принципов поэтики И.А. Бунина, анализ роли художественного предмета в системе произведения. С этой позиции рассмотрены наиболее репрезентативные тексты («История с чемоданом», «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Генрих», «Безумный художник»). Выявлены характерологические функции портретной детали, призванные показать статусность героя. Также этой детали присущи и сюжетообразующие функции, которые являются существенным признаком предмета, при котором мир вещей одушевляется. Отмечаются и особые сенсорные свойства детали (цветовые, ольфакторные, звуковые, тактильные) как способ психологической характеристики героя и отражения художественного своеобразия писателя.

Ключевые слова: сюжет; персонаж; деталь; проза; художественная картина мира; И.А. Бунин

Для цитирования: Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В. Об особенностях функционирования предметной детали в произведениях И.А. Бунина // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 364-370. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-364-370

Abstract. We investigate the role of subject detail in the I.A. Bunin's artistic worldview on the material of prose. Problem of an artistic subject in the poetics of the writer is revealed on the example of functioning of such thing as a suitcase. The purpose of the study is to describe some artistic principles of I.A. Bunin's poetics and analyze the role of artistic subject in the work system. From this position, we consider the most representative texts ("The Story of a Suitcase", "The Gentleman from San Francisco", "Mitya's Love", "Heinrich", "The Mad Artist"). We reveal the characterological functions of the portrait detail, designed to show status of the hero. This detail also inherent plot-forming functions, which are an essential feature of a subject in which the world of things is animated. We note the special sensory properties of the detail (color, olfactory, sound, tactile) as a way of psychological characteristics of the hero and a reflection of the writer's artistic originality.

Key words: plot; character; detail; prose; artistic worldview; I.A. Bunin

For citation: Bugakova N.B., Popova Y.S., Sulemina O.V. Ob osobennostyakh funktsionirovaniya predmetnoy detali v proizvedeniyakh I.A. Bunina [On features of subject detail functioning in the works of I.A. Bunin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 364-370. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-364-370 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Многие литературоведы отмечают особую функцию детали в художественном мире писателей. Они выделяют идейно-смысловую, эмоциональную-образную нагрузку этого элемента, который характеризует персонажа, становится знаком его существования, является отражением окружающего мира и в то же время его концентрацией, смыслодержущим обрамлением [1–5].

Пристрастие И.А. Бунина к детали отмечали исследователи его творчества. Так, А.Г. Соколов в статье «Заметки о художественном мастерстве И. Бунина» подтверждает многогранный талант писателя как мастера детали: «Но во всем своем творчестве Бунин остался мастером предельно детализированного видения мира. Он воспринимал внешний мир зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием, пространственным воображением» [6, с. 98].

Отражается эта многогранность художественного дарования писателя в комплексе изобразительных средств, одним из которых является портретная деталь. Для характеристики внешности героя она является ключевой и делится по гендерному и социальному признаку. К женским костюмным деталям можно отнести: бант или ленту («Митина любовь», «Чаша жизни»), гребень («Чистый понедельник», «Гая Ганская»), шляпу («Митина любовь», «Гая Ганская», вуаль («Братья», «Апрель»), чулки («Митина любовь», «Дело корнета Елагина»), перчатки («Митина любовь», «Солнечный удар»). К статусным мужским деталям относят: трость («Братья», «Будни»), очки («Чаша жизни», «Учитель»), несессер («Господин из Сан-Франциско»), портсигар («Визитные карточки», «Будни»). С точки зрения социального статуса персонажей важными являются детали костюма: шапка – признак героя-крестьянина («Деревня», «Захар Воробьев»), картуз – городской житель («Деревня», «Солнечный удар»), сапоги так же являются доминантой в костюме городского жителя и показателем статуса в крестьянской среде («Деревня», «Игнат»), а оппозицией этой де-

тали служат лапти как символ крестьянского мира с присущими ему свойствами («Деревня», «Захар Воробьев»).

И.А. Бунин точно описывает не только детали костюма, но другие сопутствующие ему атрибуты. И даже такая утилитарная вещь, как чемодан, в художественном мире писателя является не только простым предметом обихода, но и характеристикой героя, а порой становится компаньоном и участником событий.

В рассказе «История с чемоданом» (1931) речь идет о первом путешествии молодого человека в Турцию. Как и в рассказе «Господин из Сан-Франциско», герой отправляется в дальнее плавание на корабле. Он молод, беспечен и легковверен. Такими словами персонаж характеризует себя сам. Слово «легкий» становится его лейтмотивом. В поездке герою необходим новый чемодан, который он выбирает быстро, ни минуты не сомневаясь. События описываются очень буднично, обыденно. Во время чтения рассказа возникает мысль, что так могло случиться с каждым. Поход в дорогой магазин дает почувствовать герою свой статус («ты мгновенно становишься фатом, спеша притвориться тем именно светским молодым человеком» [7, т. 4, с. 613]). Но об этом фатовстве ему придется еще не раз пожалеть.

Герой – типичный представитель галереи бунинских персонажей, которых можно назвать «господами». Это слово в художественном мире писателя – синоним слова статус, который может быть не только реальным, но и мнимым. Одним из признаков персонажей этой группы является внешний атрибут – трость. Несмотря на то, что перед нами предстает молодой человек, не наделенный физическими недостатками, он носит с собой этот предмет («Я, помню, отвечая на поклоны, засунув в левый карман пальто набалдашник трости, конец которой торчал у меня за плечом, быстрым шагом прошел по коврам, по разным отделеньям магазина, мельком хвостнул, что уезжаю надолго» [7, т. 4, с. 614]). Трость служит средством опоры

не в прямом смысле, она утверждает положение героя в этом мире, демонстрирует статус. Эта деталь портрета характеризует и богатых господ в рассказе «Братья» («толпой шли только что прибывшие из Европы. На подъезд отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывая из рук у них трости» [7, т. 4, с. 10]). Здесь трость тоже является показателем принадлежности персонажей к определенному классу людей. Но эта деталь может стать и внешним атрибутом желаемого статуса, а не реального, как в рассказе «Роман горбуна» («Он содрогнулся, поднялся, сдержанно, не спеша надел в прихожей весеннюю шляпу, взял трость и медленно вышел» [7, т. 4, с. 534]).

Встреча героя с чемоданом представлена, как любовное свидание. А описание этого предмета занимает куда больше места, чем описание героя. Этот обыденный предмет наделен разными сенсорными характеристиками: тактильными ощущениями (большой, тяжелый), зрительными (с этим удивительным лоском новой великолепной кожи, с зеркально-белыми замками), обонятельными (благородно-пахучий) и даже звуковыми (атласно-скрипящий). Вещь возводится в культ. И теперь это не просто предмет обихода, необходимый в дороге, но и сакральный атрибут, который даже имеет недра.

В рассказе происходит феминизация героя. Его отношение к вещам больше свойственно женщине, а не мужчине. Эту особенность можно проследить в сцене выбора чемодана и похода в магазин, ожидания встречи с ним. Проявляются женские черты и во внимании к деталям, в описании тонких душевных переживаний от обладания этой вещью.

Большая часть текста представляет собой описание качеств чемодана. В результате чего чемодан очеловечивается («качается и дремлет», «мчится», «чемодан полежал в вестибюле», «чемодан лег на верхней койке», «он оказался ловок, прыток, изворотлив» [7, т. 4, с. 613-615]) и даже становится компаньоном героя («так что в нашем с чемоданом распоряжении оказалась целая большая каюта», «вновь соединившись с чемоданом» [7, т. 4, с. 613-615]). Этот предмет обихода в рассказе может не только производить действия, характерные для людей, но и обладает

душевными качествами и эмоциями (покорность, жажда мести, ярость, счастье). Постепенно роль чемодана меняется – он становится противником героя и отправляет его «в нокаут» («метки и ужасны были все его удары», «какой умной, сильной, злобной тварью он вдруг объявился» [7, т. 4, с. 618]). После нападения герой меняет свое отношение к чемодану. Меняются и его «блестящие» характеристики. Теперь он «гладкий, скользкий, тяжелый, как булыжник» [7, т. 4, с. 618].

Повествование в рассказе сначала неспешное, потом прерывается движением и резкими звуками. Описание схватки героя с чемоданом производит впечатление целого фильма. Автор как будто останавливает время, чтобы выхватить важные детали, а потом снова кадры начинают движение. Этот прием можно заметить, например, в сравнениях. Когда происходит разгар «схватки», чемодан сравнивается с подвижным мячом, а в момент паузы, «подготовки» чемодана к действию, он сравнивается с булыжником.

Рассказ пронизан нотами иронии и юмора. «Под юмором, – писал А.В. Луначарский, – разумеется такой подход к жизни, при котором читатель смеется, но смеется ласково, добродушно» [8, с. 182]. Этот эффект достигается благодаря тому, что герой и вещь становятся равными. Автор видоизменяет традиционный порядок и показывает, чтобы было бы, если бы вещи ожили. Так же комический эффект достигается приемом отклонения ситуации от логической нормы, когда человек не просто попадает в плен вещи или поклоняется им. Он является слабее, чем утилитарная вещь, проигрывает в битве с ней.

Исследователь Е.В. Сафонова выделяет особую роль слова, как одного из главных источников в создании комического эффекта: «Говоря о роли слова как «средства комического», мы имеем в виду функционально-стилистическую роль общеупотребительных слов, архаизмов и диалектизмов, неологизмов, терминов и терминологических слов, профессионализмов, заимствований и вулгаризмов, жаргонизмов, собственных названий лиц, предметов и пространства, прозвищ, званий и титулов» [9, с. 475]. В рассказе «История с чемоданом» помимо вышеперечисленных приемов И.А. Бунин использует

ет и «силу слова», которая поддерживает комический эффект. Нельзя не отметить патетические фразы героя, которые он произносит в самых неожиданных ситуациях, будь то «нападение» чемодана («Я бился не на живот, а на смерть» [7, т. 4, с. 616], «Я задыхался, обливался потом, катаясь по каюте в самом постыдном, растерзанном виде, молил бога о кинжале» [7, т. 4, с. 616], «Будь ты проклят! крикнул я ему под утро» [7, т. 4, с. 617]) или же прогулка на свежем воздухе («Я метнулся из рубки на холодный ветер или, говоря поэтичней, в ледяные крылья бури» [7, т. 4, с. 617]).

Усиливает юмористический настрой и постепенный переход из вещного мира в человеческий других предметов. Так, в конце рассказа оживает умывальник. Он «мотаясь, как пьяный, задыхался, отчаянно ловил своей дырой воздух, клокотал и захлебывался ревом» [7, т. 4, с. 617], у него «все больше выворачивало душу от морской болезни» [7, т. 4, с. 617]. Затем это «живое безумие» овладевает и кораблем («Борт передо мной летел в лиловеющее облачное небо, ют в тот же миг взвился вверх своим широким задом» [7, т. 4, с. 618]) и морем («палубу то и дело крыло пенными и шумными хвостами крепко пахнущего мокрым бельем моря» [7, т. 4, с. 618]). При этом морю даны звуковые и обонятельные характеристики. И неожиданно оно пахнет «мокрым бельем». Снова вещный мир наступает и захватывает все вокруг.

В рассказе «История с чемоданом» портретная деталь является, с одной стороны, способом характеристики персонажа, его отношения к миру, желание показать свой статус, и даже некоторая фемининность. С другой стороны, эта внешняя доминанта становится сюжетообразующим началом, демонстрирует отношение автора к ситуации и к вещному миру в целом. И.А. Бунин показывает утопию, что было бы, если бы вещи «ожили» (чемодан, умывальник, корабль или море). Несмотря на комизм ситуации и юмористическую тональность рассказа, последние слова героя («А в сущности, что я мог ему сделать?» [7, т. 4, с. 618]) заставляют читателя задуматься над этим вопросом. Ответ на него может быть не таким радужным.

Нельзя не отметить пересечение лейтмотива «корабль» с одним из самых известных

рассказов И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1915), где пароход «Атлантида» тоже предстает «ожившим существом». Он наделяется человеческими чертами («бесчисленные огненные глаза» [7, т. 4, с. 70], «широкогорлые трубы» [7, т. 4, с. 70], «вращался в своем маслянистом ложе исполнинский вал, точно живое чудовище» [7, т. 4, с. 70]). Этот образ объединяет в себе и видимое величие богатой жизни, и смирение перед неизбежностью, смертью, которая делает всех равными, и стихийное начало природы, сквозь которое корабль прокладывает себе путь, демонстрируя видимую победу человеческой мысли над силами природы.

Объединяет рассказ «Господин из Сан-Франциско» с рассказом «История с чемоданом» и желание героев показать свой статус, и следствие этого, присутствие другой общей детали – чемодана. Он является показателем состоятельности человека, приобретенного положения («его снова окружили мальчишки и те дюжие каприйские бабы, что носят на головах чемоданы и сундуки порядочных туристов» [7, т. 4, с. 60], «кривоногие подростки со смоляными косами до пят и с девичьими густыми ресницами, исподволь вытаскивали к лестницам пледы, трости, чемоданы, несессеры...» [7, т. 4, с. 60]). Чемодан становится символом богатой, роскошной жизни господ с верхней палубы, недоступной для обычных людей. Т. Веблен в книге «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» отмечает, что представителям высших слоев свойственно потребление на показ. «Мода визуализирует статус и материальное положение. Мотив поведения владельца демонстрирует «потребность в подчинении установленному обычаю и существованию на уровне признанных обществом норм вкуса» [10, с. 158].

В рассказе «Митина любовь» (1924) тоже присутствует эта символическая деталь. Как и в предыдущих текстах, чемодан свидетельствует о статусе героя. Митя – мальчик из барской семьи. Но этот предмет связан и с мотивом дороги, с серьезными переменами в жизни героя. Его отъезд в деревню делит жизнь на два этапа: время с Катей и жизнь без нее, в «стихии пола» [11, с. 217]. Так же он демонстрирует эмоциональное состояние персонажа («Вижу по твоим усилиям заду-

шить чемодан» [7, т. 4, с. 340], «Он глядел, как Митя завязывал чемодан, видел, как тряслись его руки» [7, т. 4, с. 339]).

Чемодан появляется и в рассказе «Генрих» (1940), в начале текста, когда герой собирается уезжать за границу. Перед читателем предстает поэт, пресыщенный жизнью. Он наперед знает, что будет в путешествии, представляет его в деталях: «Опять будет запах газа, кофе и пива на венском вокзале, ярлыки на бутылках австрийских и итальянских вин на столиках в солнечном вагоне-ресторане в снегах Земмеринга, лица и одежды европейских мужчин и женщин, наполняющих этот вагон к завтраку» [7, т. 5, с. 359]. Даже запахи ему знакомы, они вызывают воспоминания. Герой в ожидании чего-то необычного, счастья, свидания с женщиной.

Молодой поэт является представителем интеллигенции. Чемодан, как и другие внешние характеристики героя («молод, бодр, сухо-породист, глаза блестят, иней на красивых усах, хорошо и легко одет» [7, т. 5, с. 359]), является ярлыком принадлежности к определенному месту в обществе, так как этот аксессуар для хранения и перемещения вещей не свойственен героям из деревенской среды. Это можно объяснить тем, что чемодан в современном виде появился в середине XIX века во Франции и был не только труднодоступен для жителя деревни, но и очень дорог. Его прямое назначение связано с необходимостью перемещения вещей на дальнее расстояние, поэтому он становится неотъемлемым спутником в дороге. Чемодан в рассказе демонстрирует, что решение об отъезде уже принято и назад дороги нет. В конце текста он выступает как символ неудавшейся поездки («Он потребовал к себе в комнату чаю и стал убирать из гардероба вещи в чемоданы, стараясь больше не думать о ней и не жалеть о своей бессмысленной, испорченной поездке» [7, т. 5, с. 369]).

В рассказе «Безумный художник» (1921) герой тоже является представителем интеллигенции. И.А. Бунин дает его описание в начале рассказа: «Но вот к крыльцу подъехал господин в пенсне, с изумленными глазами, в черном бархатном берете, из-под которого падали зеленоватые кудри, и в длинной дохе

блестящего каштанового меха» [7, т. 4, с. 197]. Внешний облик художника выдает его профессию (стереотипный берет и кудри). Автор сразу обозначает его статус (господин). И спутник героя – чемодан тоже соответствует положению («он, торжественным шагом следуя по широкому коридору за молодым коридорным, несшим его дорогой заграничный чемодан» [7, т. 4, с. 197]) и свидетельствует о том, что герой путешествовал, и вводит мотив дороги. В этом рассказе дорожный аксессуар функционирует и как хранилище вещей (герой постоянно обращается за какими-либо нужными предметами к чемодану). Он хранит не только вещи, но воспоминания. По мере того, как художник достает оттуда новые предметы, перед читателем открывается жизнь героя. Этот «диалог» с чемоданом отображает эмоции, маркирует ключевые моменты сюжета: приезд в гостиницу, осторожное обращение с воспоминаниями, создание антуража для работы, обращение к альбому, чтобы оживить образ любимой, отсутствие в чемодане кисти, как невозможность выразить себя, переход внешнего состояния окружающей среды (жар) на героя («в чемодане торчала из белья оплетенная фляжка с одеколоном. Он вскочил, быстро отвинтил ее крышечку и, обжигаясь, стал пить» [7, т. 4, с. 205]).

Анализ прозаических текстов И.А. Бунина позволяет сделать вывод: вещная деталь становится не только частью быта, является характеристикой персонажа (как в рассказах «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Генрих», «Безумный художник») или несет сюжетобразующую функцию (как в рассказе «История с чемоданом»), но и переходит на уровень бытия. Исследователь Е.Д. Шмид отмечает особую принадлежность «портретных деталей к содержательно-концептуальному ядру текста» [12, с. 5]. Изучение системы художественных деталей является инструментом, позволяющим выявить глубину художественного замысла писателя. Сделанные в работе выводы и наблюдения открывают перспективы для дальнейшего исследования особенностей функционирования портретной детали в творчестве И.А. Бунина.

Список литературы

1. Добин Е. Герой. Сюжет. Деталь. М.: Сов. писатель, 1962. 408 с.
2. Грачева И.В. Каждый цвет уже намек: о роли художественной детали в русской классике // Литература в школе. 1997. № 3. С. 49-55.
3. Колодина Н.И. Изобразительность в системе построения художественной детали // Понимание менталитета и текста. Тверь, 1995. С. 150-154.
4. Цивин Р.Д. Художественная деталь и ее идейно-эстетические функции в литературном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970.
5. Черняков А.А. Художественная деталь как объект эстетического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
6. Соколов А.Г. Заметки о художественном мастерстве И. Бунина // Русский язык за рубежом. 1971. № 1. С. 95-100.
7. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1988. Т. 4. 704 с.; Т. 5. 801 с.
8. Луначарский А.В. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худ. лит., 1963–1967. Т. 8. 654 с.
9. Сафонова Е.В. Формы, средства и приёмы создания комического в литературе // Молодой ученый, 2013. № 5. С. 474-478.
10. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
11. Степун Ф. Портреты. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гум. ин-та, 1999. С. 216-260.
12. Шмид Е.Д. Эволюция художественной детали в тексте словесного портрета: на материале английской художественной прозы XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

References

1. Dobin E. *Geroy. Syuzhet. Detal'* [Hero. Plot. Detail]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1962, 408 p. (In Russian).
2. Gracheva I.V. *Kazhdyy tsvet uzhe namek: o roli khudozhestvennoy detali v russkoy klassike* [Every color is a hint: the role of artistic detail in the Russian classics]. *Literatura v shkole* [Literature in School], 1997, no. 3, pp. 49-55. (In Russian).
3. Kolodina N.I. *Izobrazitel'nost' v sisteme postroyeniya khudozhestvennoy detaili* [Fine art in the system of building artistic detail]. *Ponimaniye mentaliteta i teksta* [Understanding of Mentality and Text]. Tver, 1995, pp. 150-154. (In Russian).
4. Tsivin R.D. *Khudozhestvennaya detal' i ee ideyno-esteticheskiye funktsii v literaturnom proizvedenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Detail and Its Ideological and Aesthetic Functions in a Literary Work. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kiev, 1970, (In Russian).
5. Chernyakov A.A. *Khudozhestvennaya detal' kak ob'yekt esteticheskogo analiza: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Art Detail as an Object of Aesthetic Analysis. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1979. (In Russian).
6. Sokolov A.G. *Zametki o khudozhestvennom masterstve I. Bunina* [Notes on the artistic mastery of I. Bunin]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 1971, no. 1, pp. 95-100. (In Russian).
7. Bunin I.A. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, vol. 4, 704 p., vol. 5, 801 p. (In Russian).
8. Lunacharskiy A.V. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1963–1967, vol. 8, 654 p. (In Russian).
9. Safonova E.V. *Formy, sredstva i priomy sozdaniya komicheskogo v literature* [Forms, means and methods of creating a comic in literature]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2013, no. 5, pp. 474-478. (In Russian).
10. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoye issledovaniye institutsiy* [Theory of the Idle Class: Economic Study of Institutions]. Moscow, Progress Publ., 1984, 368 p. (In Russian).
11. Stepun F. *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 1999, pp. 216-260. (In Russian).
12. Shmid E.D. *Evolutsiya khudozhestvennoy detali v tekste slovesnogo portreta: na materiale angliyskoy khudozhestvennoy prozy XVIII–XX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Evolution of Artistic Detail in the Text of a Verbal Portrait: on the Material of English Artistic Prose of the 18th–20th Centuries. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Информация об авторах

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: ya_witch@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2683-0665>

Попова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: buka1621@rambler.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Сулемина Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: may2005@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа текстов, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Бугакова Надежда Борисовна
E-mail: ya_witch@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2019 г.
Поступила после рецензирования 03.06.2019 г.
Повторное рецензирование 19.06.2019 г.
Принята к публикации 12.07.2019 г.

Information about the authors

Nadezhda B. Bugakova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: ya_witch@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Yulia S. Popova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: buka1621@rambler.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1747-3758>

Oksana V. Sulemina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: may2005@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, organization and participating in conceptual texts analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4326-6370>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Nadezhda B. Bugakova
E-mail: ya_witch@mail.ru

Received 14 May 2019
Reviewed 3 June 2019
Second peer review round 19 June 2019
Accepted for press 12 July 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-371-380
УДК 82.09

Пространственно-временные координаты художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить»

Елена Олеговна КУЗЬМИНЫХ, Виктория Викторовна ВЯЗОВСКАЯ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7571-7634>, e-mail: eleshka-82@yandex.ru
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4712-6087>, e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

Spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook “To live further”

Elena O. KUZMINYKH, Victoria V. VYAZOVSKAYA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7571-7634>, e-mail: eleshka-82@yandex.ru
Voronezh State University
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4712-6087>, e-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

Аннотация. Представлено исследование пространственно-временных координат художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить», который прежде не становился предметом пристального интереса исследователей. Цель работы – провести комплексный анализ текстов сборника «Дальше жить» как единого целого, обозначив особенности художественного мира писательницы через выявление его основных пространственно-временных категорий. Показано, что основными хронотопами в исследуемом сборнике являются «дом» и «провинциальный город Берд», локусы которых тесно взаимосвязаны и воспринимаются как мир. Ключевыми понятиями для понимания художественного мира Н. Абгарян являются *культурная* и *родовая память*, *извечный круговорот бытия*. Восстановление разорванного войной временного цикла становится возможным благодаря активизации механизмов культурной памяти. Способами восстановления циклического времени, нарушенного войной, в исследуемом сборнике является повторяемость обыденных действий. Актуализация памяти осуществляется через *вещь*, *имя*, *запах*, *пищу*. Сохранение памяти связано с изменением течения биологического времени. Молчание, которое выбирают герои Н. Абгарян, – это не только способ вытеснения трагических событий из памяти, но и новая возможность переживания воспоминаний. Эмблематичное название сборника «Дальше жить» наводит читателя на мысль, что жизнь всегда побеждает смерть, а цикличность времени является залогом мировой гармонии.

Ключевые слова: пространство; время; хронотоп; художественный мир; Н. Абгарян; культурная память

Для цитирования: Кузьминых Е.О., Вязовская В.В. Пространственно-временные координаты художественного мира Н. Абгарян в сборнике рассказов «Дальше жить» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 371-380. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-371-380

Abstract. We present the study of spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook “To live further”, which was not previously the subject of keen interest of researchers. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the texts of storybook “To live further” as a whole, identifying the features of the writer’s artistic world through the revealing of its main spatiotemporal categories. We show that the main chronotopes in the studied

storybook are “house” and “provincial city of Berd”, the locus of which are closely interrelated and perceived as the world. The key concepts for understanding the artistic world of N. Abgaryan are *cultural* and *ancestral memory*, *the eternal cycle of existence*. The restoration of the war-torn time cycle becomes possible thanks to the activation of cultural memory mechanisms. Ways to restore the cyclic time, disturbed by the war, in the studied storybook is the repeatability of ordinary actions. Actualization of memory is carried out through the *thing*, *name*, *smell*, *food*. Preservation of memory is associated with changes in the flow of biological time. The silence chosen by N. Abgaryan’s heroes is not only a way of displacing tragic events from memory, but also a new opportunity to experience memories. The emblematic title of the storybook “To live further” leads the reader to the idea that life always defeats death, and the cyclicity of time is the key to world harmony.

Keywords: space; time; chronotope; artistic world; N. Abgaryan; cultural memory

For citation: Kuzminykh E.O., Vyazovskaya V.V. Prostranstvenno-vremennyye koordinaty khudozhestvennogo mira N. Abgaryan v sbornike rasskazov «Dal’she zhit’» [Spatiotemporal coordinates of the artistic world of N. Abgaryan in the storybook “To live further”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 371-380. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-371-380 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Творчество Наринэ Абгарян, российской писательницы армянского происхождения, – заметное явление в современном литературном процессе. Значимость ее произведений подтверждают многочисленные премии, которыми отмечен писательский талант: в 2011 г. Н. Абгарян становится лауреатом Российской национальной литературной премии «Рукопись года» (в номинации «Язык»), в 2013 г. – лауреатом премии «BABY-НОС», в 2015 г. – одним из двух лауреатов Российской литературной премии имени Александра Грина – «за выдающийся вклад в отечественную литературу», в 2016 г. – лауреатом премии «Ясная поляна» в номинации «XXI век», сборник рассказов «Дальше жить», – вошел в длинный список премии «Национальный бестселлер» 2019 г.

Нами не были обнаружены исследования последнего из обозначенных нами произведений, однако, мы полагаем, что оно представляет существенный интерес в качестве объекта изучения особенностей художественного мира Н. Абгарян, поскольку затрагивает крайне личностную и болезненную для нее тему армяно-азербайджанского конфликта, отсылки к которому встречаются фактически во всех текстах писательницы. «Книга о войне была у Абгарян неизбежна, потому что на самом деле она всегда про нее писала», – отмечает в рецензии на сборник литературный критик Л. Биргер [1]. Выбранный нами подход к изучению художественного мира представляется продуктивным, так как его устойчивыми константами считаются

«представления о художественном пространстве и времени, которые конкретизируют аналитическую модель действительности, выступают «миромоделирующими» категориями» [2, с. 3].

Главным местом локализации событий, описанных в текстах рассказов, является провинциальный город Берд (арм. Բերդ), название которого переводится как «крепость» [3]. Довоенное пространство города относительно замкнуто, поскольку окружено горами, но связано с другими населенными пунктами горными тропами, а с большим городом – дорогой, получившей во время войны название «дорога жизни» [4, с. 53].

Стоит отметить, что пространство Берда небольшое и включает в себя дом, из окна которого можно увидеть почти всех жителей: в рассказе «Стадо» мать Цолака видит Берд «как на ладони» [4, с. 166]. Все обитатели городка знают друг друга, каждая семья становится частью другой семьи, а их совокупность – родом. Для жителей Берда важна не только связь с ним, но и «постоянное, сиюминутное осознание этой связи в ее непрерывности и предопределенности» [5, с. 116].

Бердцы существуют в рамках циклической модели времени, которая, по мнению Б.А. Успенского, выстраивается через соотнесение события с «первоначальным, исходным состоянием, которое как бы никогда не исчезает – в том смысле, что его эманация продолжает ощущаться во всякое время» [6, с. 18]. Их восприятие времени трехмерно и опосредовано культурной памятью: про-

шное-предки, будущее – дети, настоящее – они сами в неразрывном единстве с теми и другими.

Дети – это то, что придает жизни бердцев сакральный смысл, поскольку их рождение – залог бесконечности существования. В текстах рассказов неоднократно повторяется, что любовь к детям «больше жизни»: Метаксия «нянчилась с племянниками, которых любила больше жизни» [4, с. 9]; «Агнесса любила детей больше жизни» [4, с. 20], дочери – «единственный смысл существования» [4, с. 166] Васака, Веры и Мишика и т. д.

Жизнь ради детей и продолжения рода – незыблемый закон существования бердского общества, нарушение которого сурово осуждается. Так произошло с Вардануш, заставившей невестку после гибели мужа избавиться от нерожденного ребенка. Она прервала род, поэтому время ее жизни обретает линейные характеристики, знаком чего являются часы у нее в доме, которые приходится заводить. Интересно, что остановившиеся часы являются частью армянского погребального обряда и символизируют оборвавшуюся жизнь. Вардануш выпадает из циклического времени рода, поэтому она «удивительным образом чувствует время» и «боится смерти» [4, с. 235]. Для нее уход из жизни знаменует конец существования, поскольку никто не будет помнить о ней.

Смысл жизни бердцев не только в любви к детям, но и в постоянной заботе о родителях: «Аничка заглядывала к родителям ежедневно...», «Арусяк навещала их раз в месяц, гостила по три–четыре дня» [4, с. 24]. Даже смерть родных не способна прервать связь с ними, поскольку обязанностью близких становится память об ушедших, для чего существуют особо чтимые дни церковного календаря: Мерелотц, родительские воскресенья, годовщины смерти. Умершие предки являются частью жизни бердцев, они включены в родовую память и задают начальную точку временного континуума. По мнению Д.С. Лихачева, «...благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти» [7, с. 168].

Примечательно, что ощущение связи с предками передается через неоднократно

встречающийся в рассказах образ корней: «место человека там, где его корни» [4, с. 25]. Сравнение предков с корнями актуализирует символику мирового древа, задающего «временные структуры» существования героев рассказов: «связь прошлого с будущим через настоящее» [8, с. 19]. К образу мирового древа восходит и главный символ Берда – хачкар (камень-крест). Изучив историю возникновения хачкаров, А.А. Довлатбекян приходит к выводу, что эти памятники изначально «стояли в разных местах, в том числе на перекрестках дорог как символы защиты и покровительства» [9, с. 10], а затем стали выполнять функцию памяти. Хачкар – это место возникновения Берда. В.Н. Топоров о подобных местах говорит, что это «та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, то есть *центр мира*, место, где проходит мировая ось (*axis mundi*), где стоят разные варианты земного образа космической структуры – «мирового дерева»... где находится мировая гора, башня, столп, трон, камень, алтарь, очаг и т. п. – все то, что кратчайшим образом связывает землю и человека с Небом и Творцом» [8, с. 30].

Принадлежность роду, ощущение цикличности времени и вера в предопределенность приводят к отсутствию страха смерти в положенное время: Метаксия заранее договаривается о своих похоронах с могильщиком Цатуром, Нуник осознает, что когда-нибудь умрет, и спокойно принимает этот факт: «Не торопит время, но и не цепляется за жизнь» [4, с. 101]. Мироощущение жителей Берда отражает восприятие процессов жизни и смерти самой Н. Абгарян: «Смерть – это не точка. Это точка для конкретного человека, у которого есть определенный отрезок жизни, и он его проживает и уходит» [10].

Бердцы не ощущают течения времени, поскольку их жизнь, как и жизни их родителей и детей, медлительна, наполнена рутинными делами, являющимися залогом равновесия и гармонии: «Жизнь, может и не слишком простая, но текла своим чередом, постепенно перебирая месяцы и годы, и радовала Веру и Васака неспешной однообразностью» [4, с. 24]. Их личное время неотделимо от родового: Арменуш, героиня рассказа «Лето», на вопрос соседки, как она представляет свое дальнейшее существование, отвечает:

«Хорошо представляю: выучить и выдать замуж дочерей. А потом нянчиться с внуками» [4, с. 93].

Поскольку жизнь каждого бердца включена в извечный круговорот бытия, главной ценностью становится продолжение рода, местом локализации которого является дом. Его пространство призвано защищать обитателей и хранить память. На то, что дом – это место зарождения жизни, указывает наполненность его пространства звуком. Поскольку описания природы в рассказах вводятся через «слышимый» звук и шум, наличие шума в доме делает его органической частью природы и является обязательной характеристикой обжитости пространства. Если эта характеристика исчезает, пространство дома теряет онтологичность и воспринимается обитателями как «жилище»: «В сравнении с соседскими многошумными домами его (*Васака*) жилище выглядело сырым и необитаемым» [4, с. 21]. Можно говорить о том, что в художественном мире Н. Абгарян отличие живого от мертвого выявляется через оппозицию шум/тишина, поскольку последняя становится устойчивой характеристикой кладбища и мест, в которых бердцы обнаруживают своих погибших родных.

С приходом войны происходят изменения хронотопов города и дома. Пространство Берда замыкается: между ним и остальным миром возникает «граница», а на «дороге жизни», соединяющей городок с остальным миром, погибают невестка Маро, брат Нунник, мать Лусине и т. д.

Физические размеры города остаются неизменными («маленький – с булавочную головку» [4, с. 109].), а ментальные расширяются до размеров мира: Цатура, работающего могильщиком на кладбище, называют «совестью мира» [4, с. 25], про Арменуш говорят, что она «взвалила на плечи весь мир и несет: дом, дочерей, хозяйство» [4, с. 92], мимо дома Атанеса каждое утро проезжает мусорная машина, которой «столько лет, сколько миру» [4, с. 30], а Анна обнаруживает черты Берда в облике всех городов, в которых побывала. Город становится частью воспоминаний армянского народа, сохраняющихся при помощи вещей-знаков. В рассказе «Возвращение» Григор сравнивает армян с улиткой, поскольку они, «...уезжая,

забирают с собой все: от привычного вида из окна до могильных камней предков» [4, с. 102]. Стоит отметить, что большинство исследователей творчества писательницы говорят о значимости пространства «малого мира» в ее произведениях [11; 12]. В художественном мире Абгарян пространство города и дома пресекаются в одной точке – культурной памяти конкретных людей, где дом и род мыслятся как необходимое условие существования города-мира. К этой мысли подводит и символический образ виноградной улитки, ползущей по хачкару и несущей «на спине весь мир» [4, с. 122].

Следствием войны становится разрушение пространства дома и утрата им функции защиты, что проявляется в изменении его внешнего облика: в рассказе «Мерелоц» ворота дома «погнулись от удара чем-то тяжелым» [4, с. 11]; в «Одиночестве» родовое гнездо становится могилой для матери Андро, а вещи, хранящиеся в нем, засыпают ее, преобразуясь в «душный неподъемный саркофаг» [4, с. 40]. Сафаранц Нуник, вернувшись с похорон брата, обнаруживает на месте дома воронку и начинает воспринимать пространство вокруг него как место смерти: «С того дня она не покидала пределов своего двора – откуда-то решила, что смерть придет ее забирать именно сюда» [4, с. 99].

Утрата домом возможности защитить своих обитателей связана с подвижностью границы между внутренним/своим и внешним/чужим пространством, свидетельством чего становится актуализация символической функции порога, являющегося, по мнению М.М. Бахтина, «хронотопом кризиса и жизненного перелома» [13, с. 279]. В большинстве рассказов герои умирают после пересечения порога или рядом с ним: Акунанц Карапет, отец Цатура, невестка Маро – все они погибают на пороге дома или после его пересечения.

Помимо порога, особое значение в пространстве дома во время войны приобретает погреб, выполняющий функцию спасения: там переживает обстрел старая Маро с внуками и Масис с семьей, а дочь Агнессы, жена и сын Мишика, выбежавшие или не добежавшие до него, погибают. Несмотря на то, что погреб воспринимается как место спасения, он является нижней точкой вертикали

дома и имеет эсхатологические черты. Отметим, что слово «погреб» этимологически связано со словом гроб [14, с. 299], которое «восходит к древнемецкому grab – «могила» [14, с. 101]. На сходство погребов с могилой в текстах Н. Абгарян указывает возможность сосуществования в нем живых и мертвых и отсутствие времени. В рассказе «Жить» момент выхода Маро из погребов опосредован словами: «Можно было выходить – и жить дальше» [4, с. 50]. Погреб – это «мир сокровенного, мир предков» [15, с. 105], в котором останавливается время, поэтому его хронотоп органически связан с пространством кладбища.

Жизнь бердцев после войны направлена на сохранение прошлого, поэтому выстраивается вокруг кладбищенского пространства, становящегося продолжением дома. На их связь указывает внешнее сходство и идентичное восприятие этих пространств жителями Берда: Метаксия «моет и насухо протирает ограду, пропалывает сорняки, поливает цветы» [4, с. 8], Нунник вяжет для уборки дома и могилы отца одинаковые веники.

В послевоенном Берде регулярное посещение кладбища в заранее определенные дни становится залогом восстановления целостности временного цикла и способом сохранения родовой памяти: Нузгар «четырежды в год» [4, с. 113] посещает могилу брата, Алексан и Цолак – каждую годовщину могилу деда Анны и т. д. По справедливому замечанию Э.П. Леонтьева, «Культура кладбища – это культура циркуляции памяти, сопротивления забвению» [16, с. 33]. Помимо этого внутри кладбищенского пространства происходит установление семейных и родовых связей: Рамзик в ответ на обещание Метаксии перенести тела его родителей на родовое кладбище начинает звать ее мамой, Алексан, похоронив старика-беженца рядом со своими предками, становится отцом для его внучки.

Стоит отметить, что кладбище, которое в мифопоэтической картине мира считается нижней точкой пространственной вертикали, в художественном мире Н. Абгарян меняет свою локализацию на противоположную, становясь, наравне со священным Хачкаром, высшей точкой мироздания. Подобная трансформация связана с особенностями отношения жителей Берда к смерти, для кото-

рых между живыми и мертвыми нет существенной разницы: «Мертвый или живой – остается человеком» [4, с. 50].

Война меняет не только окружающее пространство, но и восприятие времени. Если время смерти родственников продолжает соотноситься с природными циклами: невестка Маро «погибла на третий день ливня» [4, с. 51], тело Антарам вернули, когда «время отмерило зиму и половину весны» [4, с. 67], – время живых четко фиксируется, становясь точкой отсчета трагических событий: Цатур теряет отца в четырнадцать лет и начинает измерять этапы своей жизни возрастом, в котором погиб отец («в конце февраля Цатуру исполнилось тридцать три» [4, с. 15], «столько лет, сколько было отцу, когда он уходил на фронт» [4, с. 14]); Маро исполнилось «шестьдесят два, когда погибла ее невестка» [4, с. 53], Колинанц Цовинар «было восемь лет, когда пропала ее мать» [4, с. 77] и т. д.

Время войны, задающее линейные координаты жизни бердцев, включено в вечность, так как «имеет обыкновение начинаться, но не заканчивается никогда» [4, с. 174]. Поэтому основным способом преодоления травмы, нанесенной войной, становятся попытки противопоставить ему довоенный, циклический ритм существования, включив механизмы культурной памяти. По мнению Ю.М. Лотмана, «культурная память как творческий механизм не только панхронна, но и противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти, как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [17, с. 674].

Одним из способов сохранения воспоминаний является желание иметь рядом с собой вещественные знаки присутствия человека на земле, связанные с национальной культурой. По мнению Я. Ассмана, предметный мир, окружающий человека, «снабжен показателем времени, который указывает не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого» [18, с. 20].

Вещь, благодаря своей материальности и знаковой связи с ее владельцем, может одушевляться, воскрешая умершего человека в сознании близких, как это происходит в рассказе «Ковер». Пропавшая без вести мать Лусине возвращается домой тогда, когда же-

них ее дочери привозит сделанный ее руками ковер и «почему-то» [4, с. 66] кладет его на обеденный стол. Расположение ковра на столе имеет важное значение, поскольку «пробывание на столе означает обожествление, победу жизни над смертью» [19, с. 183]. Свидетельством того, что символическое воскрешение произошло, являются слова, с которыми бабушка Антарам обращается к коврику: «вернулась, наконец» [4, с. 64]. Возвращение ковра восстанавливает жизненный цикл, об этом свидетельствует совпадение возраста, в котором Лусине и ее мать начинают ткать ковры.

Заметим, что, если процесс изготовления вещи не перенимается будущими поколениями, ее память крайне недолговечна и умирает вместе со своим владельцем: так происходит в рассказе «Одиночество», где предметы, воспринимаемые Андро как «ненужная и бессмысленная, но значимая для матери рухлядь» [4, с. 40], погребают под собой его погибшую мать.

Вещь в художественном мире Н. Абгарян связана с именем: Лусине вплетает в узоры ковра имя матери, поэтому о ней помнят. В имени же закодирована родовая и культурная память, поскольку оно способно выражать черты человека или отсылать к событиям: фамилия рода Неменанц напоминает об их происхождении от немцев, а фамилия Крнатанц (безрукие) воскрешает подробности смерти Антарам. Неспособность продолжить род приводит к исчезновению имени: Епиме не может иметь детей, поэтому ее дед убежден: «угаснет Дидеван род».

Порождая воспоминания, имя способно преодолевать и отрицать смерть. Не случайно Агнесса и Ниник называют детей именами погибших родственников. Согласно теориям коллективной памяти здесь действуют два взаимосвязанных процесса: желание забыть, перекрыть одним воспоминанием другое («отнимая имена у мертвых, чтобы дать их живым, группа устраняет этих мертвых из своей мысли и памяти» [20, с. 207]) и стремление сохранить воспоминания («имя может жить не только в материальных памятниках, достаточно и простого звука голоса» [18, с. 66]).

Еще одним способом воскресить образы ушедших в памяти является пища. Бердцы идут на могилы умерших родственников с

обязательным набором любимых теми продуктов: Цовинар берет с собой для пропавшей матери «хлеб с сыром, обязательную горсть конфет и яблоко» [4, с. 85], Мишик несет к Хачкару жене и сыну кофе, изюм, финики, чернослив, «горсть шоколадных конфет – обязательно с разной начинкой» [4, с. 115], Метаксия оставляет на могиле папы «ломоть домашнего хлеба» [4, с. 12].

Пробудить память способны не только имя, вещь, пища, но и запахи, являющиеся важной характеристикой пространства. Память о времени до и после войны актуализируется через запах. Ароматы мирного Берда вызывают приятные ассоциации и включены в хронотоп дома и летней природы: корова Малишка пахнет «росой и незабудками» [4, с. 61], платок матери – «солнечным теплом», платье Лусине – «душицей и раскаленным утюгом» [4, с. 66], Нуруфар – «простым мылом, сухофруктами и закваской для теста» [4, с. 181]). Запахи войны, если они и ассоциируются с природой, крайне резки и неприятны: у войны «смердящее дыхание» [4, с. 194], шакалы пахнут ею, заложник – «потом и нечистотами» [4, с. 85], вернувшийся из плена и умирающий отец Ашхен – «одиночеством и унынием» [4, с. 228], о погибших родителях Андро и Лусинэ напоминает «царапающий запах едкого сока» [4, с. 37] и «стойкий дух остропахнувших лекарств» [4, с. 66].

Поскольку война наносит человеку травму, люди пытаются не только сохранить память о мирном прошлом, но и вычеркнуть события военного настоящего из памяти. У большинства молодых, потерявших родных и не смилившихся с произошедшими изменениями, биологическое время начинает отставать или идти в обратную сторону, туда, где родовые связи еще не разорваны, а память не деформирована смертью близких. Возврат в прошлое фиксируется через проявившиеся в ожителях Берда детские черты: у Заназан, пережившей ту же трагедию, кончик косы «стянут смешной резинкой» [4, с. 4], Агнессу, потерявшую дочь, мать называет «несчастной девочкой» [4, с. 19], у Левона, чудом оставшегося жить, «низ туловища плотно обмотан пеленками» [4, с. 31], и сам он «дитя дитем» [4, с. 33], Анне двенадцать, но выглядит она девятилетней.

Старики хранят память о мирном времени несколько иначе: они слепнут, отказываясь видеть изменения, происходящие в окружающем мире. Потеряв зрение, человек начинает жить только воспоминаниями, поэтому время останавливается в одной точке или идет в обратном направлении, к тому моменту, когда мир, окружающий их, еще гармоничен. Например, старенькая мать Хорена ослепла и «проживает прошлое наоборот», «отматывает время назад» [4, с. 64] до того момента, когда ее дети были маленькими. Ничего не видит и старый Оганес, но на предложение носить очки отвечает отказом, поскольку желает сохранить в памяти не подвергшийся изменениям мир и знакомых людей. Можно говорить о том, что в художественном мире писательницы война – время остановки жизни, а период после нее – преодоление временного разрыва. Эти смыслы заложены в названии сборника «Дальше жить» и отражают восприятие времени войны самой Н. Абгарян: «это огромный отрезок, вырванный из жизни конкретного народа» [10].

Война разрушает не только физические, но и коммуникативные связи, поэтому память о мертвых опосредована молчанием: Лусине, вспоминая о матери, «не плакала, молчала» [4, с. 68], бабушка Цовинар «работала молча, но боль не отступала» [4, с. 80], Нузгар и Оганес «долго молчат о...» [4, с. 112], Цолак с сестрами об «Отце не говорили: каждый предпочитал думать о нем, оставшись с собой наедине» [4, с. 16], и т. д. По мнению М. Эпштейна, «невозможность говорить о *чем-то* делает возможным молчание о *том же самом*» [21, с. 179]. На наш взгляд, в текстах рассказов нежелание говорить о войне изымает трагические события из культурной памяти, но помогает сохранить в индивидуальной образы родных, делает возможным внутренний диалог с ними, создает условия для осознания их смерти и примирения с ней. Кульминация в развитии мотива молчания происходит в рассказе с одноименным названием, где нежелание говорить становится для главной героини основой сохранения памяти о погибших муже и дочери, которую она не хочет делить с матерью, радовавшейся смерти одного и причастной к гибели другой.

Стоит сказать, что отсутствие желания разговаривать с матерью не мешает Ниник с любовью и большой тщательностью выполнять каждодневную рутинную работу, заботиться о ней, сохраняя веками установившийся порядок. По мнению Я. Ассмана, «Ритуальное повторение обеспечивает единство группы во времени и в пространстве» [18, с. 60]. Не только Ниник, но и остальные герои рассказов стремятся вернуть в рамки извечного круговорота жизни, через выполнение повторяющихся действий. В ключевом рассказе сборника, который называется «Спасение», рассказывается о жизни Мариам, потерявшей всю семью, но нашедшей в себе силы жить с травмой, нанесенной войной. Для нее, как и для других жителей Берда, преодоление хаоса происходит благодаря возвращению быта в привычные рамки циклического времени. Вся жизнь Мариам подчинена определенному ритуалу, отождествляемому с молитвой о спасении: «Каждый день Мариам похож на другой, словно камни в четках ее старенькой бабушки – подмести двор, полить огород, растопить печь, замесить тесто, испечь хлеб» [4, с. 245]. Гармоничная последовательность бытовых действий приобретает онтологическое значение, становясь символом спасения мира и самого себя: «Как бы ни болела душа и как бы ни плакало сердце, береги в чистоте тот лоскут мира, что тебе доверен. Ведь ничего более для его спасения ты сделать не можешь» [4, с. 245].

Последняя часть сборника, состоящего из тридцати одного рассказа, – история о военном опыте родных Н. Абгарян и о младшей сестре, которой врачи не дают надежды на продление рода из-за психологической травмы, нанесенной военными событиями. Семья Н. Абгарян, как и остальные герои рассказов, – часть Берда, хранители памяти об истории народа, которая была разделена на «до» и «после» войны, оставившей след в судьбе и воспоминаниях каждого из них. Война страшна, непредсказуема, стремительна, она разрушает исконные связи между поколениями, которые Н. Абгарян называет «разорванные объятия» [4, с. 253], и уничтожает веру в будущее. Но «жизнь всегда побеждает смерть» [4, с. 252], поэтому и рождается у Соны сын как символ восстановления разорванного цикла и надежды на спасение.

Список литературы

1. Биргер Л. Наринэ Абгарян «Дальше жить». URL: <https://horoshiy-text.ru/talks/21/96/3076/#> = (дата обращения: 07.02.2019).
2. Смолина Н.Ю. Художественная картина мира в поэме А.А. Блока «Возмездие»: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009.
3. Галстян Е.Г. Армянско-русский словарь. URL: <https://bararanonline.com/армянско-русский-словарь> (дата обращения: 07.02.2019).
4. Абгарян Н.Ю. Дальше жить. М.: АСТ, 2018. 252 с.
5. Павлова Н.И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (на примере творчества Наринэ Абгарян) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. Тверь: Тверской технический государственный университет, 2017. № 3. С. 113-120.
6. Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «Гнозис», 1994. Т. 1. 432 с.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром. М.: Наука; СПб.: Логос, 2006. 315 с.
8. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.
9. Довлатбекян А.А. Тенденции и традиции развития хачкаров в контексте народной культуры Армении: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005.
10. Данилова А. Наринэ Абгарян: Если ты услышал звук выстрела, значит, ты жив. URL: <https://www.pravmir.ru/narine-abgaryan-esli-ty-uslyshal-zvuk-vystrela-znachit-ty-zhiv/> (дата обращения: 01.02.2019).
11. Цатурян Е.И. Хронотоп автобиографического романа (на материале трилогии Н. Абгарян «Манюня») // PHILOLOGY. Волгоград: «Научное обозрение», 2017. № 1 (7). С. 32-35.
12. Ретривкина О.М. Ретро как один из способов организации межкультурной коммуникации в творчестве Н. Абгарян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М., 2018. № 809. С. 293-302.
13. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. С. 234-407.
14. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
15. Быстрова Я.В. Символика строения дома: социокультурный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Т. 17. № 4. С. 102-111.
16. Леонтьев Э.П. «Город мертвых» в творчестве И. Бунина: попытка осмысления символического значения кладбища // Культура и текст. Барнаул, 2005. № 8. С. 33-39.
17. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 673-676.
18. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
19. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
20. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
21. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высш. шк., 2006. 559 с.

References

1. Birger L. *Narine Abgaryan «Dal'she zhit'»* [Narine Abgaryan "To Live Further"]. (In Russian). Available at: <https://horoshiy-text.ru/talks/21/96/3076/#> = (accessed 07.02.2019).
2. Smolina N.Y. *Khudozhestvennaya kartina mira v poeme A.A. Bloka «Vozmezdiye»: struktura i semantika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Worldview in A.A. Blok's Poem "The Retribution": Structure and Semantics. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Abakan, 2009. (In Russian).
3. Galstyan E.G. *Armyansko-russkiy slovar'* [Armenian-Russian Dictionary]. (In Russian). Available at: <https://bararanonline.com/armyansko-russkiy-slovar'> (accessed 07.02.2019).
4. Abgaryan N.Y. *Dal'she zhit'* [To Live Further]. Moscow, AST Publ., 2018, 252 p. (In Russian).
5. Pavlova N.I. *Pamyat', rod, sem'ya kak bazovyye kontsepty sovremennoy prozy (na primere tvorchestva Narine Abgaryan)* [Memory, ancestry, family as basic concepts of modern fictional prose (as an example of

- Narine Abgaryan's work). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i gumanitarnyye nauki* [Herald of Tver State Technical University. Series: Social and Humanitarian Sciences], 2017, no. 3, pp. 113-120. (In Russian).
6. Uspenskiy B.A. *Izbrannyye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, "Gnozis" Publ., 1994, vol. 1, 432 p. (In Russian).
 7. Likhachev D.S. *Pis'ma o dobrom* [Letters About Good]. Moscow, Nauka Publ., St. Petersburg, Logos Publ., 2006, 315 p. (In Russian).
 8. Toporov V.N. *Mirovoye derevo: Universal'nyye znakovyye komplekсы* [The World Tree: Universal Symbolic Systems]. Moscow, Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2010, vol. 1, 448 p. (In Russian).
 9. Dovlatbekyan A.A. *Tendentsii i traditsii razvitiya khachkarov v kontekste narodnoy kul'tury Armenii: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Trends and Traditions in the Development of Khachkar in the Context of National Culture of Armenia. Cand. art sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005. (In Russian).
 10. Danilova A. *Narine Abgaryan: Esli ty uslyshal zvuk vystrela, znachit, ty zhiv* [Narine Abgaryan: if you heard the sound of a shot, then you are alive]. (In Russian). Available at: <https://www.pravmir.ru/narine-abgaryan-esli-tyi-uslyishal-zvuk-vyistrela-znachit-tyi-zhiv/> (accessed 01.02.2019).
 11. Tsaturyan E.I. Khronotop avtobiograficheskogo romana (na materiale trilogii N. Abgaryan «Manyunya») [Chronotope of autobiographic novel (on the material of N. Abgaryan's "Manyunya" trilogy)]. *PHILOLOGY*, 2017, no. 1 (7), pp. 32-35. (In Russian).
 12. Retrivkina O.M. Retro kak odin iz sposobov organizatsii mezhkul'turnoy kommunikatsii v tvorchestve N. Abgaryan [Retro as a way of crosscultural communication in works by N. Abgaryan]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences*, 2018, no. 809, pp. 293-302. (In Russian).
 13. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234-407. (In Russian).
 14. Krylov G.A. (compiler). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, "Poligrafuslugi" LLC Publ., 2005, 432 p. (In Russian).
 15. Bystrova Y.V. Simvolika stroyeniya doma: sotsiokul'turnyy smysl [Symbolics of structure of the dwelling: sociocultural meaning]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedeniye* [Herald of Saint-Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culturology. Religion Studies], 2015, vol. 17, no. 4, pp. 102-111. (In Russian).
 16. Leontyev E.P. «Gorod mertvykh» v tvorchestve I. Bunina: popytka osmysleniya simvolicheskogo znacheniya kladbishcha [“City of the dead” in the works of I. Bunin: an attempt to comprehend the symbolic meaning of the cemetery]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2005, no. 8, pp. 33-39 (In Russian).
 17. Lotman Y.M. Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in cultural light]. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2004, pp. 673-676. (In Russian).
 18. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Letter, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russian).
 19. Freidenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [The Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 448 p. (In Russian).
 20. Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Framework of Social Memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007, 348 p. (In Russian).
 21. Epstein M.N. *Slovo i molchaniye: Metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: The Metaphysics of Russian Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006, 559 p. (In Russian).

Информация об авторах

Кузьминых Елена Олеговна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: elshka-82@yandex.ru

Вклад в статью: анализ литературы, организация и участие в проведении концептуального анализа, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

Вязовская Виктория Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся Института международного образования. Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, научное консультирование, редактирование текста статьи.

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-4712-6087>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Кузьминых Елена Олеговна
E-mail: elshka-82@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.05.2019 г.
Поступила после рецензирования 02.07.2019 г.
Принята к публикации 12.07.2019 г.

Information about the authors

Elena O. Kuzminykh, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language and Crosscultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: elshka-82@yandex.ru

Contribution: literature analysis, organization and participating in conceptual analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7571-7634>

Victoria V. Vyazovskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian as a Foreign Language for Pre-University Students Department of Institute of International Education. Voronezh State University. Voronezh, Russian Federation. E-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

Contribution: main study conception, scientific consulting, manuscript text editing.

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-4712-6087>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena O. Kuzminykh
E-mail: elshka-82@yandex.ru

Received 24 May 2019
Reviewed 2 July 2019
Accepted for press 12 July 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-381-387
УДК 81.373.4

Устойчивые единицы в македонском и русском языках как лингвокультурные репрезентанты

Зоран ПАНОВ

Международный славянский университет «Гаврило Романович Державин»
2220, Республика Македония, г. Св. Николе, ул. Маршал Тито, 77
E-mail: panov6@yahoo.com

Fixed units in Macedonian and Russian languages as a linguistic and cultural representatives

Zoran PANOV

International Slavic University "Gavrilko Romanovich Derzhavin"
77 Marsal Tito St., Sveti Nikole 2220, Republic of Macedonia
E-mail: panov6@yahoo.com

Аннотация. Рассматриваются русские устойчивые единицы и устойчивые единицы в македонском, самом молодом литературном славянском языке, с целью максимального погружения в ментальную атмосферу двух славянских народов. Выявляется собственно национальная и интернациональная специфика, участвующая в оптимизации коммуникативного процесса; доказывается, что для повышения коммуникативной компетенции студентов, изучающих русский язык как иностранный на продвинутом этапе обучения, в первую очередь студентов филологического профиля, необходимо обратиться к изучению функционирования фразеологических единиц и паремического фонда. Личный опыт преподавания русского языка македонским студентам филологического профиля показывает, что они не имеют достаточного знания в широком использовании русских фразеологических единиц в своей речи. Для удовлетворения этих потребностей весьма эффективными являются фразеологические примеры и материал паремического фонда языков, поскольку именно в них представлена национальная специфика того или иного народа, отражающая различные ситуационные варианты. Устанавливается, что в структуре устойчивых единиц содержится отражение национальных и интернациональных особенностей как отражение действительности в человеческом сознании. Эти особенности могут репрезентировать как целостные, охватывающие весь объект воспринимаемого, так и дробные, когда выделяются отдельные фрагменты общей картины.

Ключевые слова: Балканы и Россия; русские и македонские устойчивые единицы; паремия

Для цитирования: Панов З. Устойчивые единицы в македонском и русском языках как лингвокультурные репрезентанты // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 381-387. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-381-387

Abstract. We consider fixed units in Russian and Macedonian languages, latter of which is the youngest literary Slavic language with the aim of maximal immersion into the mental atmosphere of two Slavic peoples. We reveal the actual national and international specificity that is involved in the communicative process optimization. We prove that in order to increase the communicative competence of students who study Russian as a foreign language at an advanced stage of education, first of all, students of philological profile, it is necessary to turn to the study of the phraseological units functioning and the paroemic fund. Personal experience of teaching Russian to Macedonian students of philological profile shows that they do not have sufficient knowledge in the wide use of Russian phraseological units in their speech. To meet these needs, the phraseological examples and material of the paroemic fund of languages are very effective, since they present the national specificity of a given people, reflecting different situational variations. We establish that

the structure of fixed units contains a reflection of national and international features as a reflection of reality in human consciousness. These features can represent both holistic, covering the entire object of the perceived, and fractional, when separate fragments of the overall picture are highlighted.

Keywords: Balkans and Russia; Russian and Macedonian fixed units; paroemia

For citation: Panov Z. Ustoychivyye edinity v makedonskom i v russkom yazykakh kak lingvokul'turnyye reprezentanty [Fixed units in Macedonian and Russian languages as a linguistic and cultural representatives]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 381-387. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-381-387 (In Russian, Abstr. in Engl.)

XXI век с его динамическими процессами в сферах науки, экономики, техники, политики, торговли, спорта диктует рост потребности в общении и сотрудничестве между странами и людьми как представителями разных национальных менталитетов, говорящими на разных языках и имеющими разные национальные традиции и культурные ценности. Процессы глобализации свидетельствуют о том, что в настоящее время человек должен уметь сосуществовать в общем жизненном пространстве, уметь строить взаимовыгодный диалог со всеми членами этого жизненного пространства, уметь налаживать межгуманитарные, межкультурные связи между представителями различных культур, стран и конфессий.

Изучение устойчивых единиц в языке позволяет проследить эволюцию языковых представлений человека во всей полноте его языковых характеристик на протяжении длительного отрезка истории языков, с зарождения национальных его черт до полного формирования языка национального характера. Национальный колорит, присущий каждому языку, возникает и реализуется, кроме других средств, именно благодаря существованию устойчивых единиц и высказываний. В современном языкознании выделяются два основных направления в изучении «языка ценностей»: диахроническое, то есть историко-лексикологическое, этимолого-ономасиологическое, которое освещается в работах В.В. Виноградова, В.В. Колесова, Л.П. Крысина, В.М. Мокиенко, Н.И. Толстого, Ю.Н. Караулова и др., и синхроническое (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, В.В. Морковкин, И.А. Стернин, И.В. Арнольд, Н.Ф. Алефиренко и др.).

Фразеологизмы как готовые речевые единицы прошли долгий путь исследования, однако, до настоящего времени нет единого

мнения ученых по вопросу изучения фразеологических единиц разных языков как важнейших лингвокультурных компонентов межкультурной коммуникации.

Российская традиция изучения фразеологического материала в первую очередь связана с именем В.В. Виноградова, предложившего в 40-е гг. XX столетия классификацию фразеологизмов, в основе которой лежит концепция французского лингвиста Шарля Балли – родоначальника теории фразеологии, основоположника фразеологической науки («Краткий очерк стилистики» (1905), «Французская стилистика» (1909)) [1].

Языковеды исследовали различные аспекты фразеологии (работы В.В. Виноградова, Н.Ф. Алефиренко, В.П. Жукова, Ю.Н. Караулова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, М.В. Всеволодовой и мн. др.), но до сегодняшнего дня так и нет единого мнения по вопросу объема фразеологии, нет единой классификации фразеологизмов русского языка с точки зрения их семантической слитности. Под влиянием фактора демократизации русского языка и процессов контактирования языков в лингвистике появляются исследования об иноязычных вкраплениях, об устойчивых единицах различных типов, которые традиционно рассматриваются как квинтэссенция национального мировосприятия [2].

Обращает на себя внимание тот факт, что в научной литературе, посвященной изучению устойчивых единиц, используется «понятие кодового переключения» (resp. «переключение языковых кодов» [3, с. 93]), которое весьма характерно для носителя любого языка (учение о языковой личности в концепции Ю.Н. Караулова), который знакомится с другим языком через призму устойчивых единиц, поскольку они отражают мудрость народа, его опыт, знания и являют-

ся важной частью национальной лингводидактики [4].

Фразеологизмы любого языка наглядно освещают современную лексику, в которой устойчивые единицы имеют два ареала – собственно национальный и интернациональный.

1. Для национального ареала характерна национальная специфичность восприятия событий и их дидактическое выражение. Эта категория фразеологизмов является самой благоприятной базой для изучения любого языка как иностранного, поскольку позволяет максимально погружаться в ментальную атмосферу. Используя национальный фразеологический ареал в интернациональной языковой среде, трудно добиться полноценной коммуникации без специальных знаний стилистических и жанровых особенностей той или иной речи.

2. Для интернационального ареала важным является определение линии культурного слоя, что позволяет носителям разных языков говорить как бы на одном языке и понимать друг друга. Подобного рода общение, как правило, происходит на понятийном, а не на речевом уровне. Иными словами, устойчивые единицы интернациональной концептосферы способствуют оптимизации коммуникативного процесса.

Первый русский славист Р.П. Усикова, защитившая и кандидатскую, и докторскую диссертации по литературному македонскому языку и ставшая известным специалистом в области македонистики, социолингвистических исследований македонского языка и популяризации македонского языка в современной России, подчеркивает, что в настоящее время «в Македонии существует русская община: более 20000 потомков белоэмигрантов, 1720 россиянок, вышедших замуж за македонцев» [5, с. 106], которые являются носителями как русского, так и македонского языков.

Территория современной Македонии всегда привлекала внимание специалистов разных областей. Так, З.К. Шанова в Предисловии к книге Р.П. Усиковой «Македония глазами россиян» отмечает, что в эту книгу включены личные впечатления о Македонии русского путешественника В.И. Григоровича, опубликовавшего свои заметки в издании

«Ученые записки Казанского университета (1848, кн. III; 2-е изд. М., 1877); выдающегося русского слависта XX века А.М. Селищева, считавшего, что македонские говоры восходят к болгарскому языку и являют собой часть «болгарской языковой территории»; русского консула в г. Битола М.А. Хитрово (1861–1864 гг.), отмечавшего, что македонский народ сохранил славянские древние предания и сказания, обычаи и обряды, язык [<http://www.shanova.ru/ru/archives/122>], а также многих современных писателей, поэтов и многих творческих людей, посетивших этот край Балкан в XIX–XXI веках [6].

Как известно, с 1371 г. территория Македонии находилась под турецким игом, но многие жители не стали принимать ислам, христианство продолжало оставаться господствующей религией в этой части Балкан. Поэтому христиане считали, что могут проходить мимо мусульманского кладбища, совершенно игнорируя его своим вниманием, о чем свидетельствует фразеологическая единица «*Помине/поминува покрај неког, покрај нешто (до неког, до нешто) како покрај (крај) турски гробишта*», которая употребляется в значении «*пройти/проходить мимо турецкого, мусульманского кладбища*», «*игнорируя, походить мимо кого-нибудь или чего-либо*».

В русском языке отмечается устойчивое словосочетание «*проходить/пройти мимо*», оно употребляется как в отношении одушевленного лица, так и неодушевленного предмета в значении «*не обращать внимания на кого-либо или что-либо*», «*не желать знать*», «*оставлять без внимания*», «*игнорировать*». Подобные высказывания синонимичны сочетаниям «*плевать с высокого дерева*», «*плевать с высокой горы*», «*плевать*», «*презирать*», «*сбрасывать со счетов*», «*пренебрегать*», «*закрывать глаза*», «*не замечать*», «*упускать из виду что-либо*» (часто речь идет об отрицательных фактах и явлениях).

Русские устойчивые сочетания и македонский фразеологизм в данном случае объединяют значения «*проходить мимо*», «*не желать знать*».

История наших народов прошла через века, отражая преемственность лингвокультурных связей. Деятельность просветителей Кирилла и Мефодия, Климента Охридского и

Наума Охридского оказала основополагающее влияние на национальные культуры всех славянских народов, в том числе и русского. Преемственность балканской и русской культур четко прослеживается в македонских и русских пословицах и поговорках. Оба народа осуждают лень, недоброжелательность, неуравновешенность и другие человеческие пороки. Однако оба народа едины в поддержке добродетели: благодушия, трудолюбия, правдолюбия – основных национальных достоинств.

В македонском языке отмечается фразеологизм «чини и скапо е нешто како од Св. Петар кајгана (в дословном переводе означает: «стоит что как яичница святого Петра»), которое употребляется в значении «очень дорого *стОит что-то*» [7].

Фразеологизм восходит к балканскому фольклору, Финк Желька отмечает два возможных источника его происхождения. Возможно, в македонский язык он пришел из греческого, где употребляется выражение «*Как дорога яичница святого Юрия*». Согласно первой легенде, какой-то парень приготовил яичницу для святого Юрия и отнес ее в храм. Однако в храм зашли четыре купца, помолились и, заметив яичницу, съели ее. Но выйти из храма они не могли до тех пор, пока каждый из них не оставил там золотую монету. Когда же они покинули стены храма, то сказали: «Святой Юрий, очень дорого стоит твоя яичница, больше никогда не будем ее у тебя покупать». Согласно второй легенде, святой Петр, сильно проголодавшись, остался ночевать в какой-то деревне и захотел яичницы. Но в этой деревне куры были только у одного крестьянина. Кто-то с трудом достал яйцо, и святой Петр съел яичницу. Но когда он покидал деревню, хозяева потребовали от него платы за яичницу. Он сказал, что у него нет денег, тогда его сильно избили и отобрали деньги.

В качестве символа дороговизны в русском фольклоре отмечается слово *яичко*, определенные артефакты. Ср.: «Дорого *яичко к велику дню*», «Дорого *при пожаре ведро воды, при скудости – подаянье*».

Среди русских пословиц понятие «дешевизна» всегда рассматривается в противопоставлении с «дороговизной», например: «Дешевизна *перед дороговизной*», «Дорого *да*

любю, дешево да грубо», «Дорого – не купи, жалобы не *клади*», «Дорого – не купи, а даром не *бери*», «То и дешево, чего не *надо*; а что нужно, то *дорого*», «Дешево *да гнило, дорого да мило*», «Где дешево, там и *дорого*».

Следует отметить, что пословицы и поговорки славянских народов являют собой особую лингвистическую среду. Они отражают нашу общую историю и одновременно собственный путь каждого народа. Однако близость русского и македонского языков не снимает проблему их различий. О близости этих языков свидетельствуют устойчивые единицы, в которых используется, например, колоратив *черный (темный)* в прямом значении, о чем свидетельствует высказывание героя романа М. Шолохова «Тихий Дон»:

«– Нашла жениха, дуреха, – урезонивал отец, – только и доброго, что *черный, как цыган*. Да рази я тебе, моя ягодка, такого женишка сыщу?

– Не нужны мне, батенька, другие...»

Ср. другие примеры семантически тождественных устойчивых единиц в русском и македонском языках:

Русский язык	Македонский язык
смуглый как <i>цыган</i> , черная, темная (смуглая) как <i>цыганка</i> , загорелый как <i>цыган</i> , загорелая как <i>цыганка</i>	црн како <i>циган(цыганка)</i>
чувствовать себя как <i>рыба</i> в воде	се чувствува како <i>риба</i> на суво
жить как два <i>голубка</i> , жить как <i>голубь с голубкой</i> , жить как <i>голубок</i> и горлица, жить как <i>голубки</i>	живеат како <i>гулапчиња</i>
надоедливый (назойливый) как <i>муха</i>	досаден како <i>мува</i>
как грибы после <i>дождя</i>	никнуваат (растат) како <i>печурки</i> после <i>дожд</i>
вернуться как <i>бумеранг</i>	Ке се врати како <i>бумеранг</i>

В македонских и русских пословицах и поговорках большое внимание уделяется человеческим взаимоотношениям, при этом осуждается несправедливость, например:

Не може на амот удри на самарот (мак.),

Не можеш ударить лошадь – ударь седло (перевод).

Это выражение в македонском языке означает ситуацию, когда кто-то не может возразить сильному и поэтому всю вину сваливает на слабого. Несмотря на иное речевое выражение, русскому человеку очень понятен смысл, так как в русском языке есть устойчивое выражение: «У сильного всегда бессильный виноват». Оно существует уже несколько веков, однако, указанный стихотворный вид приобрело в басне И.А. Крылова «Волк и Ягненок».

Несправедливость человеческих взаимоотношений осуждается другой пословицей:

Атовите се клоцаат магарињата страдаат (мак.).

Лошади бьют копытами, а ослы страдают (перевод).

Русский человек выразил бы эту ситуацию пословицей, основанной на реалиях украинской культуры: «Паны дерутся – у холопов чубы летят».

Еще одна типичная ситуация не только общеславянской концептосферы, но и интернациональной: советы любит раздавать тот, кто не имеет на это права – либо молод, либо неопытен, либо не спрашивают.

На бафчанџија праз му продава (мак.).

Огороднику лук-порей продает (перевод).

Семантика этого выражения тоже носит общеславянский характер: «Учить того, кто более компетентен». В русском языке есть синонимичное выражение, в основе которого тоже бытовой опыт человека: «Яйцо курицу (не) учит».

Македонцы и русские не любят ситуацию, выраженную поговоркой: «Мудрые собирали – сумасшедшие ели». Она означает, что одни тяжелым трудом заработали благо, другие же его легкомысленно истратили. Русские в этом случае говорят: «Пришло махом – ушло прахом».

Македонское выражение «Бес бараше два си најде» означает «получить то, что послужил своим легкомысленным поведением». Семантически это выражение максимально приближено к русскому «наступать на грабли», то есть делать глупые ошибки (оказаться в неприятной ситуации из-за собственной глупости).

Про самовлюбленного, самоуверенного человека, не слушающего других, македонцы говорят:

Едно баба знае, едно си бае (мак).

Одно бабушка знает, одно (и то же) говорит (перевод).

Русские эту же ситуацию оценивают более критично, осуждая человека, не прислушивающегося к другим:

Мели, Емеля, твоя неделя (рус).

Многие устойчивые выражения в македонском и русском языках посвящены чертам характера человека. При этом активно осуждаются общечеловеческие пороки. Злого человека македонцы называют «адвокатом черта», про льстивого говорят, что он «продает ему (ей) халву». Это синонимично русскому «лить елей».

Добродушного сравнивают с амбаром («Он – амбар»), то есть с помещением, где хранят продукты сельскохозяйственного труда, урожай, которым всегда горд любой крестьянин. У русских про таких людей говорят: «Душа нараспашку».

Лесть так осуждается нашими народами:

Мижи, Асан, да тибам (мак.).

Прищурься, Асан, я заколдую тебя (перевод).

Льстивый всегда прячет глаза (рус).

В русском языке есть устойчивое выражение, расширяющее это значение и усиливающее эмоциональное впечатление: «На воре шапка горит». Оно означает, что неправда всегда всплывает, плохие дела или поступки рано или поздно станут известны всем.

Бесполезность, непродуманность человеческих поступков и действий македонцы и русские передают через реалии сельскохозяйственно-бытовой жизни, используя лексемы этого семантического поля: «пшеница», «сеять», «ступа»:

Во бездна жито сее (мак.).

В бездне пшеницу сеет (перевод).

Толчет воду в ступе (рус).

Несправедливость распределения жизненных благ с горечью осуждают оба народа:

Бег легнува, паша станува (мак.).
Бек лежит – паша встает (перевод).

Здесь македонцы обращаются к реалиям своего историко-культурного прошлого – жизни в Османской империи, поэтому и используют тюркизмы «бег» (правитель, князь, господин) и «паша» (визирь, правитель провинции).

Поговорка говорит о том, что люди, имеющие разный социальный статус, живут по-разному: один может отдыхать, другой же в это время должен работать. Однако семантика этого выражения не носит ярко выраженный характер, так как «бег» и «паша» – это правители в Османской империи, правда, разного уровня. Безотносительно к чину и социальному статусу – разный тип жизни, разный ее уровень (и не всегда по заслугам) отражен в русской поговорке – «Живет кошка и живет собака». За этим, казалось бы, совершенно бытовым выражением кроется глубокий философский смысл: собака верно служит своему хозяину, охраняет дом, однако, живет на улице и не всегда в сытости; кошка же не имеет таких заслуг перед хозяином, но живет в тепле и сытости. Так и в человеческом мире: не всегда тот, кто честно служит, получает заслуженное уважение, и наоборот.

Кроме устойчивых выражений, отражающих общеславянское представление о жизни, в македонском языке, как и в любом другом, есть те, которые отражают специфически национальное восприятие действительности, например, вряд ли русскому чело-

веку без комментариев будет понятно македонское выражение:

Ќе го јаде како алва на Прочка (мак.).

Будет есть его, как халву на Прощеное Воскресение (перевод).

Синоним выражения – «Уничтожить кого-то без размышления». Специфически национальным является македонская поговорка «Взвесить его алтыном». «Алтын» в тюркских языках – «золотой». «Взвесить алтыном» – значит говорить о человеке очень хорошо, оценивать его добрые дела. В этом случае, по мнению Н.Ф. Алефиренко, содержащаяся в устойчивой единице информация («в процессе соотнесения с денотативной ситуацией») [8] репрезентирует эту информацию с помощью средств языка, что и отражает словарная дефиниция фразеологической единицы [7; 9].

Таким образом, устойчивые выражения в македонском и русском языках во многом схожи семантически и конструктивно, в то же время некоторые фразеологизмы характерны только для одного языка, отражая взаимосвязь и отличия их культурных стереотипов и традиционных коннотаций.

Важен и тот факт, что особенности многих фразеологизмов позволяют ярче раскрыть закономерности образования и функционирования паремий (поговорок) в том или ином языке, представляющие собой целостное суждение дидактического содержания.

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и Жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова русском языке. Ростов н/Д., 2005. С. 112-118.
3. Ломакина О.В. Иноязычная фразеология и паремиология в текста Л.Н. Толстого: особенности переключения языкового кода // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 93-96.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления библеизмов в русской литературной речи XIX–XX веков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. 2001. № 1. С. 119-139.
5. Ускова Р.П. Македония глазами россиян. М., 2005. 215 с.
6. Шанова З.К. Рецензия на книгу Р.П. Усковой «Македония глазами россиян». М., 2005. 215 с. // ЯЛИК. Научно-информационный бюллетень. СПбГУ. 2006. № 69-70. Ноябрь. С. 17-18.
7. Финк Ж. О некоторых образных и культурно-исторических элементах в сравнительных фразеологизмах // Фразеология и когнитивистика: материалы 1 Междунар. науч. конф. Т. 1: Идиоматика и познание. Белгород: Комиссия славянской фразеологии Международного комитета славистов, Белгородский государственный университет, 2008. С. 130-133.
8. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008.

9. Финк Ж. Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: Изд-во «Элпис», 2006. С. 685-690.

References

1. Balli S. *Yazyk i Zhizn'* [Language and Life]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. (In Russian).
2. Kitanina E.A. *Pragmatika inoyazychnogo slova russkom yazyke* [Foreign Word Pragmatics in Russian Language]. Rostov-on-Don, 2005, pp. 112-118. (In Russian).
3. Lomakina O.V. Inoyazychnaya frazeologiya i paremiologiya v teksta L.N. Tolstogo: osobennosti pereklyucheniya yazykovogo koda [Foreign phraseology and paroemology in L.N. Tolstoy texts: peculiarities of switching language code]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2014, no. 7, pp. 93-96. (In Russian).
4. Listrova-Pravda Y.T. Inoyazychnyye vkrapleniya bibleizmov v russkoy literaturnoy rechi XIX–XX vekov [Foreign biblical insertions in Russian literary language in 19th–20th centuries]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Voronezh State University*, 2001, no. 1, pp. 119-139. (In Russian).
5. Usikova R.P. *Makedoniya glazami rossiyan* [Macedonia Through the Eyes of Russians]. Moscow, 2005, 215 p. (In Russian).
6. Shanova Z.K. Retsenziya na knigu R.P. Usikovoy “Makedoniya glazami rossiyan”. M., 2005. 215 s. [Review on book by R.P. Usikova “Macedonia Through the Eyes of Russians”. Moscow, 2005, 215 p.]. *YALIK. Nauchno-informatsionnyy byulleten'* [YALIK. Scientific and Informational Bulletin]. St. Petersburg State University Publ., 2006, no. 69-70, November, pp. 17-18. (In Russian).
7. Fink Z. O nekotorykh obraznykh i kul'turno-istoricheskikh elementakh v sravnitel'nykh frazeologizmax [On some metaphorical and cultural-historical elements in comparative phraseological units]. *Materialy I Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Frazеologiya i kognitivistika”. T. 1: Idiomatika i pozнaniye* [Proceeding of the 1st International Scientific Conference “Phraseology and Cognitive Science”. Vol. 1. Idiomology and Perception]. Belgorod, Commission of Slavic Phraseology of the International Committee of Slavists Belgorod State National Research University Publ., 2008, pp. 130-133. (In Russian).
8. Alefirenko N.F. *Frazеologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in the Light of Contemporary Linguistic Paradigms]. Moscow, ELPIS Publ., 2008. (In Russian).
9. Fink Z. Opyt sostavleniya slovaryа slavyanskoy sravnitel'noy frazeologii [Experience of compiling a dictionary of Slavic comparative phraseology]. *Slovo v slovare i diskurse: k 50-letiyu Kharri Val'tera* [Word in a Dictionary and Discourse: to the 50th Year Anniversary of Harry Walter]. Moscow, “Elpis” Publ., 2006, pp. 685-690. (In Russian).

Информация об авторе

Панов Зоран, преподаватель русского языка, лектор. Международный славянский университет «Гаврило Романович Державин», г. Св. Николе, Республика Македония. E-mail: panov6@yahoo.com

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, набор первичного материала, анализ примеров, написание статьи.

Поступила в редакцию 19.02.2019 г.
Поступила после рецензирования 18.03.2019 г.
Принята к публикации 22.04.2019 г.

Information about the author

Zoran Panov, Lecturer of Russian Language, Speaker. International Slavic University “Gavrilо Romanovich Derzhavin, Sveti Nikole, Republic of Macedonia. E-mail: panov6@yahoo.com

Contribution: study idea and design, source material acquisition, examples analysis, manuscript drafting.

Received 19 February 2019
Reviewed 18 March 2019
Accepted for press 22 April 2019

Руханияттың мәнін насихаттау

Гүлжан Қажымұратқызы ТҮЛЕКОВА

«Туран» университеті
50013, Қазақстан, Алматы қаласы
E-mail: gulzhan-saken@mail.ru

National culture meaning in spirituality development

Gulzhan Q. TULEKOVA

Turan University
16a Satpayev St., Almaty 050013, Republic of Kazakhstan
E-mail: gulzhan-saken@mail.ru

Значение национальной культуры в развитии духовности

Гүлжан Хажмуратовна ТҮЛЕКОВА

Университет «Туран»
050013, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Сатпаева, 16а
E-mail: gulzhan-saken@mail.ru

Түйіндеме. Мақалада заманауи ақпараттық қоғам даму кырларының бәсекеге қабілетті мәдени орта мен болашақ журналистердің қалыптасу жолдарына негіз болатын шығармашылық мұраларды насихаттау қарастырылады. Тарихты жаңғырта отырып, сана кодының ашықтығын прагматик жастардың бойынан табылатын асыл қасиеттердің бой көтеруі, қайта өсуге негіздейді. Ұлттың руханияттың жете байлығына салтанат құру ыстық жүректерінің кәсіби бағдарын нығайта түспек. Мақалада әлемді таң қалдырған ұлы тұлғалардың зерттеулері мен ұлттық кодтың нышаны болған тарихи мұралар мен халық ақын-жазушыларының шығармаларында қозғалатын тарихи оқиғалардың нақты мәліметтерімен дерек көздерінің айқындығы талданады. Тілдік қатысым дереті фактілермен анықталады. Ұлттық концептілердің когнитивтік лингвистикада, этнолингвистикалық, психолінгвистикалық сарында бет алуынан ұлттық кодтың әлеуметтік насихатталуынан шығатын бірнеше танымдық фреймдердің танылуы арқылы тарихи-әдеби бағыттағы ақын шығармаларының жаңа жаңғыруына жол ашылып отыр. Түрлі шығармалары арқылы тұлғаны танудың аспектілерін шығарма желісінің құрылымын талдау мен оны зерттеу арқылы тарихи оқиғалардың авторлық бейнесінің баяндауы арқылы танылатын. Абай Құнанбаев, Шәкәрім Құдайбердиев, М. Шаханов, С. Елубав, Ш. Мұртазаның, Б. Бедел-ханның, Қ. Сарсенбайдың зерттеулері мен тандамалылары ұлттық нышанды береді. Ұлттық рухтың ақиқатын өзіндік жаңа жыраулардың жаңа форматта берілген Назира үлгісінде ұсынылатын ақиқатты терең мазмұнда ашылатын тарихи оқиғалардың құрылымын есім тіркестері мен фразеологиялық оралымдар ұлттық аспектінің көрінісі ғана емес, этолингвистикалық танымының табиғатын ұлттық аспаптардың атауымен берілетін бөлімдерді талдау арқылы көрініс беретіндігі айқындалды.

Тірек сөздер: ұлттық таным; бейвербалды қатынас; отандық мәдениет; ұлттық рух; саяси пікір; аспкеті; мәдени кластер

Abstract. The creative heritage popularization is the basis for the development of the modern information society, the formation of a competitive cultural environment and future journalists. With history modernization consciousness sets the code's brightness to the pragmatic young generation, the revival of its noble qualities. The triumph of the spiritual wealth of the nation will strengthen the profession of a warm heart. We analyze the clarity of data sources with specific facts on historical events occurred in the works of historical heritage and national poets and writers, who are na-

tional symbols, great people who struck the world. The facts of language activity are determined by the historical facts. The recognition of a number of cognitive frameworks from national propaganda of the national code through national concepts in cognitive linguistics, ethnolinguistic, and psycholinguistic sophistication opens the way for a new revival of the poets' and writers' works. We recognize personality aspects through analysis of various works on history events. The works of Abai Kunanbayev, Shakarim Kudaiberdiev, M. Shakhanov, S. Elubayev, S. Murtaza, B. Bedelkhan, K. Sarsenbai are the national symbol. The essence of the national spirit is that it reflects the character of historical events that are deeply revealed in the Nazir model presented in a new format, and reflects the character of ethnological knowledge not only through the national aspect of word combinations and phraseology, but also by analyzing the sections of national instruments. Supervision of Republic prepared the plan of future popularization of historical and cultural heritage of Kazakhstan as in the country and abroad.

Keywords: national cognition; unconscious communication; national culture; national spirit; political opinion; aspiration; cultural cluster

For citation: Tylekova G.Q. Ry'hani'yattyn' ma'nin nasi'hattay' [National culture meaning in spirituality development]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 388-397. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-388-397 (In Kazakh, Abstr. in Engl.)

Аннотация. Посвящено популяризации творческого наследия – основы развития современного информационного общества, формирования конкурентной культурной среды и будущих журналистов. Модернизируя историю, сознание задает яркость кода прагматичному молодому поколению, возрождению его благородных качеств. Торжество духовного богатства нации укрепит профессию горячего сердца. Анализируется ясность источников данных с конкретными фактами об исторических событиях, произошедших в произведениях исторического наследия и национальных поэтов-писателей, которые являются символами нации, великими людьми, поразившими мир. Факты языковой активности определяются историческими фактами. Признание ряда когнитивных рамок от национальной пропаганды и национального кода через национальные концепции в когнитивной лингвистике, этнолингвистической, психолингвистической изоэтичности открывает путь для нового возрождения произведений поэтов-писателей. Аспекты личности распознаются через анализ рассказов авторов об исторических событиях путем их изучения. Творчество Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева, М. Шаханова, С. Елубава, Ш. Муртазы, Б. Бедельхана, К. Сарсенбая – национальное достояние. Суть национального духа заключается в том, что он отражает характер исторических событий, которые глубоко раскрыты в модели Назира, представленной в новом формате, и отражает характер этнологических знаний не только с помощью национального аспекта словосочетаний и фразеологии, но и путем анализа разделов национальных инструментов. Руководством Республики разработаны меры по дальнейшему продвижению и популяризации историко-культурного наследия Казахстана как в стране, так и за рубежом.

Ключевые слова: национальное познание; бессознательное общение; национальная культура; национальный дух; политические убеждения; стремление; культурный кластер

Для цитирования: Тулекова Г.Қ. Руханияттың мәнін насихаттау // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 388-397. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-388-397

Рухани жаңғыру бағыты бойынша кешенді іс-шаралар жүргізіліп келе жатқаны бүгінгі күннің жетістігіне айналған. Білім беру бағдарламаларының негізгі басымдығы өзгерістерге үнемі бейім болу және жаңа білімді меңгеру қабілетін дамыту болуға тиіс. Білім алудың жалпыға ортақ болуы қажетті екендігін және оның ертеңгі тарих болып қала беретіндігін, сол үшін өте жылдам дамуы бар дәуірдің есігін ашу

керектігінге мән берген дұрыс. Осындай жағдайда өз кәсібін неғұрлым қиналмай, жеңіл өзгертуге қабілетті, аса білімдар адамдар ғана табысқа жетіп отырады¹,

¹ «Қазақстан Республикасының мәдени саясатының тұжырымдамасы туралы» Қазақстан Республикасының Президенті Жарлығының жобасы туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2014 жылғы 22 қыркүйектегі № 998 қаулысы.

Постановление Правительства Республики Казахстан от 22.09.2014 № 998 «О проекте Указа

жайында Н. Назарбаевтың бүгінгі журналистер үшін бірнеше кәсіпті ұршықтай иріп алуға қабілетті болуы, өз кәсібінің болашағы кең екендігін көрсетеді. Сөйте отырып, білімнің салтанат құруына, табысты болудың ең іргелі, басты факторы білім екенін әркім терең түсінуі керектігін баса айтады. Алдымызаға қойған мақсаттардың өзегі болып отырған, бәсекеге қабілетті болашақ журналистердің шығармашылыққа негізделуі ұлттық құндылықтардың насихатталуы мен танымнан бастау алады. К. Мәсімовтың пікірінде көрсетілгендей, отандық мәдениетті әлемдік мәдени кеңістікке ықпалдастыру жолдарымен танысуды ұсынады. Рас, бұл Қазақстанның тарихи-мәдени мұрасын елімізде де және шет елдерде кеңінен алға қою жолдарын қарастыру шараларын тануды біліуге шақырады². Бұдан меншікті ұлттық брендтерді қалыптастыруын практикалық құндылықтар жолында ізденістер жүргізуге, бәсекеге қабілетті мәдени ортаны және заманауи мәдени кластерлердің тез дамуына жол ашады. Осы тұрғыда, жасалған мемлекеттік жағдаяттармен тарихи-мәдени мұраны одан әрі сақтау және танымал ету мақсаттарында жүзеге асырылатын өнердің барлық түрлерімен танысуға болашақ журналистерді негіздеу болып табылады. Өнімдерді антропоцентристік бағытында танылатын білім нәтижелерінде, танымдық шығармашылық іс-әрекет, іскерлікті қалыптастыру болары сөзсіз. Осы тұрғыдан келсек, таңдау компонентіне енгізіліп отырған, «Насихаттау ретінде шығармашылық өнер өнімдері» атты пәннің бүгінгі тыңдаушының, ертеңгі журналистің қоғам үшін де, өз ортасы үшін де, өз Отаны үшін де жасар ісі мен атқарар қызметіне ұшан-теңіз пайдасы зор. Сонымен қатар шығармашылықтың жаңа қырларымен танысуға, кәсіби бағдармен қамтамсыз етілуге, бұқаралық ақпарат құралдарының саяси позициясын жігілдіруге арналған ұстанымдарды, оның механизмдері ретінде медиа-технологиялық

әдістерді (медиа-тестілу, медиамониторинг, промо-акциялар, БАҚ тарату қызметін ашуға бағытталған ақпараттық науқандар т. б.) қоғамдағы демократиялық ұстанымдар мен қағидаттардың сақталуына мән беріп отырады. Баспасөз бостандығының арқасында Тәуелсіздіктің 25 жылында еліміздің бұқаралық ақпарат құралдары сандық тұрғыдан да, сапалық тұрғыдан бірнеше есе өсті. Ақпараттық кеңістік кең ауқымды сандық тұрғыда өріс алған заманда, студенттердің қызығушылықтарымен қатар дайын ақпараттарды дұрыс қабылдап, орынды жүзеге асыру, тиімді шығармашылықтың қайнары болып отыр. Бұл пәннің ерекшелігі әдебиет, дін, өнер, тарих, кино, сурет өнері мен Кеңестік дәуірден бері айтылмай келеген тарихи дерек көздерінің біте қайнасқан өзегі болып отыр. Бүгін де халық назары еріксіз зер сала қарайтын, мына мысал соның бірі «Тайна гробницы Тимура Проклятие Тамерлана» – 134 231 көрермені бар, өзіндік пікір қалдыруға болады. Жоғары да атап өткеніміздей, насихаттаудың нақтылығын бүгін де шығармалар желісінен ақпараттық «ашық жариялымдардың» демократиялық үрдістердің қолжетімділігі үндесуімен сәкес келуінде. М. Шаханов «Жаңғырық немесе Ақсақ Темір қалай басталды», «Әмір-Темірдің соңғы өсиеті» атты шығармаларындағы рухани мазмұнды ақпарат белгілі уақытқа ғана тәуелді емес, адам баласымен бірге жасайтын өмірлік, түрлі көзқарастар мен өміршең мәселелер болып қала береді. Тарихи деректерді ақын шығармасындағы дерек көздерді қайдан алды деген сұрақтар кеңінен қарастырылады. Жер-жаһанды жаулаған ханның көзінің ұшына ілінген ауыр аяқты аруды жолымды кестің деп жазалап, өлімші етіп тастап кеткен, ана қарғысының зары студент жүрегін тербетпей қоймайды. Ақынның Ақсақ Темірдің бір аяғының ақсақ болуы осы жерде көрсетілген деректердің журналистік ізденістің керек екендігін қажет етеді. Студент бойына М. Шаханов шығармасымен таныс бола отырып, оның мазмұнымен шектеліп қоймай, тың деректермен ізденісін арттырып отыру, шынайы техникалық мүмкіндіктерді меңгеру дағдыларын қалыптастыра білуі сандық жуналистер үшін маңызды. М. Шаханов

Президента Республики Казахстан «О Концепции культурной политики Республики Казахстан». URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/P1400000998> (дата обращения: 04.01.2019).

² URL: www.kazakhstanzaman.kz/.../shilikti-alty-n-adamy-sa-tardy-1 (дата обращения: 04.01.2019).

жырына арқау болған Әмір-Темір Сталин үшін аса құнды, әрі рухтың мазасын алмауын, тайға таңба етіп жазылған тас бетіндегі айшықты сөздердің шынайылығы деректі фильмде айтылады. Әмір Темірдің рухы Мәскеуге бағытталған мезеттегі, Ұлы Отан соғысының басталуы сияқты деректердің болуы ақиқатын көрсетеді. Бұл деректі фильмді көре отырып, өткен тарихтың қателігі мен салт-дәстүрдің құрметтелмеуі, өз халқының мәдени мұрасының төңкерілгендігін білген тыңдаушы назары түрлі құнды пікір жасаушылармен толығады. «Тастан өрілген мың баспалдақ...» атты мақаланың³ Ақсас Темірдің Қожа Ахмет Яссауий мазарын тұрғызудағы, Қазандықтардың бүгінгі көрнісін тамашалаудағы мың баспалақтың екі кірпішінің қалапбай қалуындағы, Хасан шебердің Ақсас Темірдің 4-тоқалы Таңшолпанның сұлулығын жайлы сырларын тарихи факторлармен айқындау, насихаттау арқылы жүзеге асырылып отыр. Бұл тарихи құндылықтардан студенттің археологиядан, тарихтан, қызықты тарихи деректемелерді артефакторлар арқылы танып негіздеуге жол ашып отыр. Демек, болашақ кәсіби журналистің рухани жаңғыру бағытында дамитын алғы шарттардың қалыптасуы болып табылады.

Адами капитал – жаңғыру негізінде. Бұл – БАҚ-тың дерек көзі. Білім берудің жана сапасын барлық жастағы азаматтарды қамтитын жолы болып келуі, білім беру ісінде өзіміздің озық жүйемізді құруды жеделдету қажеттілігі бүгінгі күн талабы.

Ашаршылық жылдарындағы ел зұламатының тарихы, 4 миллион қазақтың ашарлыққа ұшырауы, ел нәубатын бүгінгі ұрпаққа жасырмай, шындықты білетін уақыты жетіп отырған шағын растаушы пікірлер айғағы айқындалды. Жазушы, «Мәңгілік Ел қайраткері» Смағұл Елубаевтың «Ақ боз үй», «Мінәжәт» романдары сталиндік қуғын-сүргіннің ақпаратты осының айғағы. Өзіндік осы алаңда ойалмасулармен толығып, пікірлер сайысы қалыптасады. Бұл шығармалардың әлемдік деңгейде таралуы, тарихи құндылықтар болып саналуы ұлт мүддесіне қызмет етеді.

С. Елубай адамның жандүниесіндегі құбылыстар мен арпалыстарды, табиғат көріністерін бояуын шынайы суреттейді. «Ақ боз» роман-трилогиясы XX ғасырдың бірінші жартысында бастан кешкен халық трагедиясының энциклопедиясы деп мамандар жоғары баға берген [1].

Ұлттың ұлт болып қалыптасу өз тарихын құрметтеуден бастау алады. Аспан ашық мұражайлар туралы Зайсанның Шілікті ауылынан 65 шақырым жерде орналасқан Бәйгітөбенің қорымынан табылған Алтын адамның 2009 жылы табылу археологиялық жұмыстарды жүргізілуін де жеткізетін осы – журналистер қоғамы. Зерттеу жұмыстарын т. ғ. д., профессор Әбдеш Тәшкенұлы Төлеубаевтың басшылығымен іске асқандығын арқылы нақты деректерді тыңдап, көзбен көреді. Тарихшы өмірінің құндылықтары зерттеуі өз өмірінің бар ғұмырының асқан мәні болып табылды. Талмайтын қажырлығы, қиыншылықтармен келуі талай жастың ынталы жүрегін оятты.

Әйтсе де, қоғамда белең алған ұстамдылық, қанағатшылдық пен қарапайымдылық, үнемшілдік пен орынды пайдалану көргендіктің орнын көлеңкелік басып жатқаны белең алғандығын жасыра алмаймыз. Өз кезінде Абай қағат, рахым ойлап қой, бес асыл іс білсеңіз ойын атқан. Ақынның «Ғылым таппай мақтанба» өлеңі мен Отыз сегізінші қарасөзіндегі аса үлкен мән бере айтатын жан мен тән, адамның ішкі, сыртқы сезім мүшелері, қанағат, еріншектік, надандық және жуан мәрттілік туралы тұжырымдары Дауанидың ойларымен сабақтас, үндес келеді. Абайдың:

Шын сөз қайсы біле алмай,
Әр нәрседен құр қалма.
Мұны жазған білген құл,
Ғұламаһи Дауани,
Солай депті ол шыншыл,
Сезін оқы және ойла..., –

деп, Дауани есіміне ерекше тоқталуында үлкен ой, терең сыр жатыр. Дауанидың пайымдауынша, баланы тәрбиелеуді ерте қолға алып, олардың дақ түспеген санасына ізгілікті нәрселерді еге білу қажет. Өйткені, олардың санасы, жас кезінде ете тұтқыр да алғыр келеді. Абай да осы пікір тұрғысында: «Тез үйреніп, тез жойма, Жас уақытта көңіл –

³ Егемен Қазақстан. № 6. 2018 қаңтар.
Казахстанская Правда. 2018. № 6. Январь.

гүл...», деп, бала санасының жылдам қабылдағыш қасиетін жас уақытта босқа жібермеу қажеттігін ескертеді. Адамның балалық шағында дүние тануға құштарлығы мен жан құмарының ерекше артатындығына акын Жетінші сөзінде де тоқталып өтеді. Дауани баланың жақсы, жаман мінезге ие болуы, оның қандай адаммен қарым-қатынас жасауына, кімнен тәрбие алуына байланысты екенін айта келіп, оларды теріс ықпал жасайтын жандардан аулақ ұстауға кеңес береді. Бұл пікір Дауанида жалпы айтылса, Абай елеңінде қазақ болмысына сай одан әрі тереңдетіле, жетілдіре түскен. Ол өзі өмір сүріп отырған әлеуметтік ортада орын алған «бес дұшпаннан» бес түрлі зиянды мінез-құлықтан әрбір адам боламын деген жас өспірімнің сақтануы керектігін ашық айтады [2-150].

Студенттер қауымы үшін қазіргі жаңалықтар әлеуметтік медиа кеңістігінде өздерінің кәсіби рөлдерінің өзгергендігін біледі, яғни ақпарат жинаушылар мен таратушылар ретінде әлеуметтік диалогтың құндылығын арттырудың әдістерін таба білуіді көзейді. Біздер, сабақ барысында меңгерілген деректердің жалғасын Алматы қаласындағы Мемлекеттік Орталық мұражайда «Алтын қор» атты бөлімнен осы Шіліктіден табылған жәдігерлерді сахат дәрістерімен ұштастырудан ақпараттардың тиімді таралуы мен шығармашылыққа бағытталуға мүмкіндіктер жасайтындығын түсінеміз. Сонымен қатар, бұл Қазақстандық бұқаралық ақпарат құралдарының саяси позициясын жетілдіруге арналған ұстанымдар мен бағытталған ақпараттық-сараптамалық өкілдік қызметін үйлестіруге, қолдана білуге жол ашады.

Қазіргі тіл ғылымында тілдің «қарым-қатынастың аса маңызды құралы болу» қызметімен қатар дүниетаным құралы болу қызметіне ерекше назар аударылады, өйткені адамзаттың ойлауымен байланысты саналы әрекетінің нәтижесінде жинақталған дүние – әлем туралы білім қоры әр ұлттың өзіне тән мінез-құлық, жан-дүниесі, психологиясынан хабар береді.

Журналистің жеке брендін қалыптастыру шынайы білім мен насихатқа байланысты, сонымен маркетинг саласының біте қайнауы жаңа бағыттың негізі болды. Бұл

тарих, сауда, дәуір байланысын өз қиялында жүргізетін шебер журналистік қолындағы дерек екендігі айта кеткен жөн. Бұдан «Келер дәуірдің журанлистері жай ғана жазуға қабілеттіліктің болуы жеткілікті емес, олар өздерінің жұмысын жеңілдету үшін деректерді көшіру, статистикалық бағдарламалықты қамтамасыз етуді пайдалана білу, әлеуметтік жаңалықтар ағымын талдауға, веб-сайттар стратегиясын және техникалық мүмкіндіктерді меңгеру дағдыларын қалыптастыра білуі тиіс» [3-230]. Өмір шежірелерін жасайтын публицистика жанрлары арқылы баспасөз, радио, теледидар, кино сияқты түрлі бұқаралық ақпарат құралдары арқылы жүзеге асады. Осылайша журналистика маңызды қоғамдық-саяси рөл атқарып, жұртшылыққа әлеуметтік белсенділік туғызып, шындықты ашып береді. Журналистік ерекше қызмет – халықтың көзі, қолы. Дер кезінде жауап беріп, әлеуметтік дамудың түрлі жолдарын қарастырып, жария жасауы қажетті. Журналист өз кәсібін бұл салада қоғамдық-саяси қызмет жасаудың өнерін игереді, әлеуметтік жағдаяттарға араласады [4-1].

Академик Ғ. Есімнің: «...біздің өмір сүріп жатқан қоғамымыздың мазмұнын анықтайтын фактор – ақпарат. Оны біз ақпараттық қоғам деп жүрміз. Бүкіл әлем бір сәтте үйіңізге сыйып кетеді. Интернет, электрондық пошта жүйесі, жетілген коммуникация әлемді тұтастырып барады. Бұрынғыдай әр елдің «сырын» сақтауы мүмкін емес. Ел ішіндегі оқиға күні ертең әлем тілдеріндегі басылым беттерінде жария етілмек. Мұның бәрі қазақстандықтардың ой-өрісіне, сезім-санасына, мінезіне, тұрмысына сапалы өзгерістер енгізуде» – деген пікірі интернеттің зор мүмкіндігін паш етеді [5-2].

Қоғамдық хабар тарату концепциясы 3 түрлі қағидатқа негізделеді. Олардың біріншісі, қоғамдық хабар тарату қызметінің тәуелсіз плюралистік әкімшілік кеңесі сияқты құрылымдардың тәуелсіздікті кепіл етуі саналады [6-25]. Келесіден, қоғамдық хабар тарату тұрғындардың мүддесі мен қажеттіліктерін қанағаттанарлық кепілдендірілген қаржыландыру көздерінің болуы, соңғысы, қоғамдық хабар тарату қызметтері қоғамның алдында, әсіресе, қоғамдық

қорларды жүзеге асыруда алдағы міндеттерін орындауда есепті саналады [7-45].

Демек, насихаттаудың рухани ұндылықтары журналистер үшін кәсіби жетілуге негіз болады.

Адам мен тіл, адам мен дүние (материалдық), адам мен ғарыш, адам мен ғалам, мәдениет пен өркениет, ондағы адам орны сияқты жалпы адамзаттық мәңгілік мәселелердің қай-қайсысы болмасын тілді айналып өтпейтіні белгілі. Ақпараттық технология үстемдік етіп, жаһандану үрдісі кең қанат жайған қазіргі заман тілді адам табиғатымен, этнос, ұлт, халық сияқты тілдік қауымдастықтың тарихи-мәдени, саяси-әлеуметтік өмірімен бір-тұтастықта қарастыруды талап етеді. Осымен байланысты тілдік бірліктер мәні адам санасында қандай дәрежеде бейнеленетіндігі таным тереңдігіне қатысты болатындығынан шығады. Сондықтан зерттеудің мәні адамның, тілдік тұлғаның өзін қоршаған тылсым дүниені тану әрекетімен тікелей байланысты. Ал адамның осындай күрделі когнитивті әрекетін тіл мен ойлаудың арақатынасын зерттеу арқылы ғана тануға болады. Концепт ретінде, әдетте, қоғамда тіршілік кешіп отырған адамның әлем туралы мәдени-ұлттық дүниетанымын білдіретін тілдік бірліктер танылады. Соның нәтижесінде тіл мен адам санасы арасындағы қатынас осы концепт арқылы іске асырылады. Демек, бұл жерден шығатын қорытынды: концепт – индивидуалды тұлғаның тілдік санасының бірлігі, ал сана – мәдениет пен руханияттың айнасы. Сырттан алынған ақпарат адам санасына келіп жетеді, одан өңделеді, реттеледі, жүйеге түседі және сақталады. Сана екі адамның өзара қарым-қатынасқа түскен жағдайда ақпаратты беру үшін тілдік құралдарды таңдауды көрсетеді. Сөздің өзіндік қасиеттерінің өзгеріссіз семантикалық тірегі концепт – сөзде жасырын таңбаланған белгілі бір ұлтқа тән сананың өзіне ғана лайық бір бөлшегі. Ақын Б. Бедельханның: «Рух жыры» поэмасының «Тиек» деп аталатын бөлімінде: «Тылсым әуеннен сикырлы үн шығарып, үілдеген үннен саз құраған ұлы даланың ұлағаты сол – менің өр рухыма дем беріп тұрды».

Ана тілім – Сақа тілім еді!

Тәңірімен де тең сөйлесетін!..

Ана тілім – мейір тұнған тұма тілім еді,

даламның тасын да тебірентіп, тербететін! Бұл жердегі сөз тіркестеріне құрылған концептінің скрит формасы ана тілі – Сақа тіл, Тәңір тілі, Мейір тұнға тіл, Тұма тіл, Тасын тербейтін тіл деп ойсурет арқылы «Рухты» – қазаки рухты бейнелейді. Фрейм – концептілік құрылым элементін танытатын қарапайым форма. Ол концептінің ең жақын семаларынан құралады және ассоциативті, стереотиптік таңбалар арқылы көрініс табады. Концепт типтері санада бейнеленуіне қарай әр түрлі формада көрініс алады. Ол қарапайым форма, яғни фрейм, күрделі форма (скрит), оқиғалы форма (сценарий). Сөз тіркестеріне құрылған концептінің скрит формасы ақындар суреттеуінде сценарий, сызбалы форма, ойсурет арқылы жүзеге асып отырады. Адам санасында қалыптасқан бұл формалар концептілік бейнеленуі кезінде, құрылым элементтерін ақпараттарды өңдеу кезінде жүзеге асырылады. Сөздің семантикалық, ассоциациялық өрісі концепт мазмұнын айқындайды. Семантикалық өрісте ең мәнді белгілер анықталады. Ал ассоциациялық өрісте қосымша лингвокогнитивті, лингво-мәдениеттанымдық білім жүйесі ашылады. Осыдан концепт беретін ақпарат прагматикалық танымдық мақсат, аялық біліммен толықтырылады. Бірақ кез келген атау концепт бола алмайды. Шындық өмірдегі белгілі бір мәдениет үшін қажетті атау концепт дәрежесі болады. Семантикалық мазмұнды ашатын тиісті объектіге қатысты мәтіннің концептуалды мәнге иеленген мазмұн және ақпаратты ашатын тірек сөздер болады. Лингвистикалық талдаудың негізі мақсаты концептуалды мәнді анықтау болса, ол екі түрлі әдіс-тәсілі 1) шығарма мазмұнынан – концептуалды мәнге, 2) тілдік құралдар арқылы – концептуалды мәнге талдау жасау. Бұл ақындар қолданысында үзілмей жалғасын тауып отырады және поэтикалық образ жасауда жүзеге асады. Кей жағдайда лексикалық бірліктер вербалды түрде берілгенімен, мәтіннің мағыналық өрілімдері жасырын импликация ретінде

қолданылады. Шығарма аясында не тұтас бір шығарма, не бір шығарма тіліндегі бір шумақта, не бір тармақта концепті өрісіне қатысты объектіге айналады. Вербалды (тілдік) амалдар болып табылады. Бейвербалды (тілдік емес) амалдар болып танылады. Бейвербалды деген сөз – адамның қоршаған ортамен қарым-қатынасын, субъектінің түрлеріне көңіл-күй, мінез-құлқын айтады. Журналист-қаламгер Қали Сарсенбайдың «Шер Шындық» атты шығармаларында ұсынылатын, айталық: «Оның әділдік үшін шырылдап шындықты айтатыны арыстандай ақырып теңдік сұрауында. Ақиқатты аялайтындар үшін ол әлі де биігіненде, солай бола да береді... Арлан біреу, қасқыр көп, дегендей, ақпараттың арланы, ұлт баспасының бірнеше буынына ұстаз болған Шерағаның мектебінен әлі де оқып үйренеріміз көп. Ол біз үшін үздік эталон», болатын ойды жетектей түседі.

Коммуникациялық маңызды элемент бейвербалды құралдармен уәжделген тілдік бірліктер әлеуметтік лингвистикалық ақпараттарды береді. Енді осы когнитивтік тұрғыда талданып жатқан тілдік бірліктерді саралай қарасақ, бірі метафораларды нысан етіп алса, енді біреулері шығармалардағы кейіпкер тілін, тілдік тұлғаларды, келесілері мақал-мәтелдерді, терминтану бірліктерін, т.с.с. қарастырған. Ал синтаксистік бірліктер, яғни сөз тіркесі, сөйлем, оның түрлері, сөйлем мүшелерінің танымдық негізі қазақ тіл білімінде әлі сөз бола қоймаған. Сондықтан жұмыста сөз тіркесі, оның ішінде басыңқы сыңарлы сөз тіркестерінің танымдық табиғаты алғаш рет зерттелгелі отыр. Когнитивтік тіл білімінде бүкіл әлем бейнесінің адам санасында бейнелену мәселесі маңызды орынға ие. Тілдің қоғаммен, ойлаумен, мәдениетпен, таныммен, адам болмысымен байланысы қазақ тіл білімінде тілдің пайда болуын, тіл дамуының ішкі заңдылықтарын, тілдің құрылымдық-жүйелік ерекшеліктерін, сөзжасамдық қабілетін, ұғымдық аясын т.б. анықтауға арналған зерттеулерде XX ғасырдың басында-ақ пайда бола бастады. Мәселен, қазақ грамматикасының негізін салушы А. Байтұрсынұлының «Тіл – құрал» атты еңбегінде тіл мен адамның біртұтастығы

жайлы ойын айта отырып, «Тіл – адамның адамдық белгісінің зоры» деген тұжырымға келеді. Тілдің болмысы мен табиғатын толыққанды тану үшін сол тілді жасайтын адаммен бірлікте қарау керек. Осы талап тіл білімінде антропоцентристік бағытты дүниеге әкелді. Осы антропоцентристік бағыт аясында қарастырылатын ғылым салаларының бірі – когнитивтік лингвистика. Когнитивтік лингвистика тіл ғылымының теориялық саласы ретінде XIX ғасырдан бері қалыптаса бастады. Дыбыстық тілде толып жатқан ортақ сипаттардың, универсалды құбылыстардың барлығы алуан тілдердің фактілерін бір-біріне салыстыра қарау нәтижесінде айқындалады. Оның айқындалуы адам баласының тілінде болатын ортақ заңдылықтарды, универсал құбылыстарды зерттейтін, соның негізінде жалпы тілдік теориялық тұжырымдар жасайтын жалпы тіл білімін дүниеге келтірді.

Когнитивтік лингвистика – тіл мен танымның, тіл ғылымының жалпы тілдік теориясы. Когнитивтік лингвистиканың нысаны – тіл мен танымның бірлестігі, адамдардың дыбыстық тілі. Когнитивтік лингвистика ғылымы тілдің танымдық қасиетін, тілдің құрамын, функциялық сипаттарын, даму заңдылықтарын, сыртқы дүниемен, қоғаммен, ой-санамен, мәдениетпен қарым-қатынасын түгел алып, жан-жақты зерттейді. Когнитивтік лингвистика дүние жүзіндегі тілдердің барлығына немесе басым көпшілігіне тән универсалды (жалпы) мәселелерді қарастырады. Сонымен бірге тіл білімінде жалпы тілдік теорияның қалыптасу тарихы, әр түрлі тілдік кезеңдерде, бағыттарда қалай шешілгені де қоса зерделеніп отырылады.

Жалпы тұрғыдан саралай келгенде, когнитивтік лингвистика XX ғасырдың алғашқы екі он жылдығында қалыптаса бастады дегенмен, оның көріністері, яғни тіл таңбаларының көмегімен ақпаратты өңдеу және оны өз қажетіне жарату ерекшеліктері XIX ғасырдағы тіл біліміндегі теориялық еңбектерден-ақ байқала бастаған болатын. Ф. Соссюр, В. Штейнталь, А. Сепир, Б. Уорф, Л. Вайсбергер зерттеулерінде көрініс тапқан «әр халықтың танымдық ерекшелігі оның тілінің табиғатынан туындайтындығы», «тіл тарихылығы мен мәдениет тарихы

жапсарлас дамитындығы», «адам баласының образды ойлауы, дүниені тануы тіл құрылысымен тығыз байланысып жататыны» туралы ой-пікірлер мен Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Р. Якобсон сияқты орыс ғалымдарының тілдің конструктивтік рөлі және оның халықтық мәдениетті, халықтық психологияны, халықтың мифологиялық таным-түсініктерін қалыптастыру ықпалына арналған фундаментальді зерттеулері антрополингвистикалық ізденістердің ғылыми іргетасы етілуде [8-10].

Когнитивті терминдер сөздігінде танымдық тіл ғылымына адамзат тілін жалпы хабарды ұсынуға, оны бір күйден екінші күйге ауыстыруға мүмкіндік беретін таңбалар жүйесі, таным миханизмі әрі құралы ретінде қарастыратын лингвистика саласы деген анықтама берілген [9-53]. Бүгінгі күні бұл лингвистикалық бағыттың өзіндік ұғым-бірліктері, ұстанымдары, ғылыми-теориялық негіздері қалыптасып дамып отыр. Алғашында «когнитивті» деген терминнің өзі нақтыланбаған, ұғымдық бірліктері жүйеленбеген мәселе ретінде қабылданып келді, сондықтан когнитивті лингвистикаға қатысты пікірлер мен көзқарастар да біркелкі болған жоқ. Кейбір зерттеушілер танымдық аспектілердің тіл білімін жаңа деректермен толықтырғанын мойындағанмен, бұл бағыттың лингвистикаға соны үрдістер мен әдістер жүйесін әкелмегенін әрі когнитивті лингвистиканың орнықтап қалғанын, ең алдымен, когнитивті емес лингвистиканың жоғымен түсіндіруге болатындығын ескертеді. Алайда, екінші топ ғалымдары құрылымдық тіл білімін танымдық лингвистикаға қарсы қоя отырып, когнитивті бағытта XX ғасырдың аяғында дүниеге келген «көтеріліс», «бетбұрыс» деп түсіндіреді. Нәтижесінде тілшілер когнитивті лингвистиканы пәнаралық байланыстың көрсеткіші, тілдік ілімдер тоғысы деп бағалайды.

Когнитивтік лингвистика – Еуропада кеңінен дамыған лингвистика саласы. 1970 жылдардың екінші жартысында осы бағытты зерттеушілер саны күрт өсті деуге болады. Когнитивті лингвистиканың негізгі орталығы Калифорниядағы «Беркли Сан Диего», Нью-Йорктағы Буфалло университеттері болып табылады. Ал еуропа елдерінің ішінен осы

бағыттың дамып келе жатқан жерлері Голландия мен Германия болды.

Когнитивтік лингвистиканың негізгі көрінісі ғылым шеңберінде зерттелуі немесе тіл туралы пәндерде қарастырылуы емес, онда кез келген затты тілдік тұрғыда зерделегенде, методологиялық өзгерістер, танымдық белгілердің болуында еді. Яғни осы ғылым саласының пайда болуы жалпы методологиялық жақтан дамудың бір көрінісі еді. Тіл білімінде танымдық бағыттың негізі Н. Хомскийдің, Дж. Миллердің, Ф. Джонсон-Лардтің, Дж. Лакофтың, Р. Шенктің, У. Чейфтің, М. Джонсонның, Т.А. Ван Дейктің т. б. зерттеулеріне сүйене дүниеге келді. 1950 жылдардың соңында айналадағы заттар болсын, кез келген дүниеге «үстіртін қарау» тиылып, енді жан-жақты, саналы түрде зерттеу өріс ала бастады. Сөйтіп, ғылымдағы бағыт бір қадам алға жылжи түсті. Осы іргелі алға жылжулар Н. Хомскийдің «Тереңдетілген құрылымдар» еңбегі, лингвистикалық семантиканың қауырт дамуы, мәтін теориясындағы лингвистикалық прагматиканың пайда болуы, сонымен бірге шынайы дискурсты тілдік бірліктердің заңдылықтары негізінде көрінді. Осы барлық зерттеулер бастауының негізгі мақсатына тіл фактілерінің түсіндірілуі, адамның тілдік қабілетінің терең заңдылықтарының ашылуы, т. б. кірді. Мысалы, тілдік прагматика әлеуметтік контексте адам әрекеті ұстанымдарының фактілерін қарастырса, когнитивтік лингвистика адам санасындағы фрейм, когнитивтік идеалды үлгілер, ментальды кеңістік, адам күшінің динамикасы, т. б. түрлі үрдістер мен когнитивтік құрылымдарды танытуға тырысады.

1970 жылдардың басында американ лингвисті У. Чейфтің бірнеше еңбегі жарияланды. Мұнда ол ағылшын тіліндегі интонация мен сөздер тәртібі заңдылықтарын зерделей отырып, оларды адам санасындағы ақпараттардың белсенді үрдісін адам жадындағы ерекше құрылымдармен байланыстыра зерттеді. Басқаша айтқанда, адам өмірінде болып жатқан не болмаса өтіп кеткен оқиғаға қатысты жеткен ақпараттардың ми қыртысында сақталып, олар грамматикалық категориялардың көмегі негізінде жарыққа шығатындығын жазды.

Ол: «Терең ойдан шыққан ақпарат бір-бірімен ұштасып жатады. Терең ой деп отырғанымыз – адамның жай ғана қабылдаған ақпараты емес, түсініп ұғып, терең түрде ақпаратты ми қыртысына жеткізуі. Адам қабылдаған ақпараттарының орнына жаңа ақпарат қабылдап отырады. Бірақ басқа ақпарат келгенде, бұрынғы ақпараттар шығып кетпейді. Олар мида сақталады. Керек кезінде адам басқа адамдармен қарым-қатынас жасай отырып, сөйлесу арқылы оқиғаны еске түсіре алады. Өте күрделі ақпарат адам миында жылдар бойы сақталып қалады. Алайда жай қабылдаған (мелкий) ақпарат пен терең ойлы (глубокий) ақпарат арасындағы шекара әлсіз болады», – деп өз ойын тұжырымдайды [10-26]. Осыған орай ғалым өз еңбегінде бір сәттік, қысқа мерзімді және ұзақ уақытты жады деп, жадының үш түрлі сипатына анықтама береді. Сөйтіп, У. Чейф бағдарламасы *жады қызметін ұйымдастыру теориясы* деп аталып, жадының түрлері мен ерекшеліктерін белгілі бір жағдайларға қатысты зерттеуге бағытталды. Сондай-ақ когнитивтік ғылым, оның басты ерекшеліктері мен бағыттарына алғаш назар аударғандар қатарына Дж. Миллер жатады. Дж. Миллер өз нысанын когнитивтік бағытта зерттей отырып, когнитивтік ғылымның жиырмасыншы ғасырдың орта шенінде туындаған ақпараттар теориясының жиынтығы екендігін айтады [11-39]. Р. Шенк пен оның шәкірттері адамның ойлау әрекеттерін сұрыптайтын кешенді теория мен концептуальды байланыстар теориясын сабақтастыра келе, концептуальды хабарларды өңдеу мәселелерімен шұғылданды. Р. Шенк барлық білім атаулыны тек лингвистикалық терминдермен түсіндіруге болмайды дей отырып, концептуальды байланыстар тілін ойлап шығарды, оның негізіне Р–Trans – физикалық ауысу және М–Trans – интеллектуальды ауысу деп аталатын

ауысудың екі түрі жатты. Тіл мен танымның арақатысын толық қабылдай қоймаған бұл ілімнің нақты танымдық үлгілерді құрастыруда, түсіну процесіндегі танымдық күтудің маңызын сипаттауда өзіндік жетістіктері де болды. Ресейлік зерттеулердің бастамасын 1985 жылы В.И. Герасимов ұсынған шолу, 1988 жылы баспадан жарық көрген, тілдің когнитивті аспектілеріне арналған «Шетел тіл біліміндегі жаңалық» атты жинақтың XXIII томы құрды. 1995 жылы жазылған орыс тіліндегі аудармалардың топтамасы да «Тіл және интеллект» деп атала отырып, тілралық ғылыми байланыстың дамуына ерекше үлес қосқан еңбектердің қатарына В.А. Маслованың «Мәдениеттаным», Ю.С. Степановтың 1997 жылы шыққан «Константтар: орыс мәдениетінің сөздігі» атты зерттеулерін ерекше атап өтуге болады. «Бұл – орыс мәдениетінің құндылықтарын жинақтаған алғашқы еңбек, «концепт», «констант» ұғымдарының да мәдени негіздерін талдауға бағытталған аса қажет зерттеулер қатарын құрады. Мұнда «Шындық», «Заң», «Махаббат», «Сөз», «Жан», «Ғылым»... константтарының сипаттамасы нақтыланып берілді», – дей келе, автор маңызды лексикографиялық жұмыстарға 1996 жылы Е.С. Кубрякованың редакторлығымен жарық көрген «Когнитивті терминдердің қысқаша сөздігін» жатқызады [12]. Адамзат болмысының универсалды сипатын айқындау тіл мен танымның да жалпыға ортақ өзгеше мүмкіндіктерін сұрыптауға көмектесті. Барша адам баласына тән биоанатомиялық негіз оның ми мен жүйке, сана мен жады құрылыстарының жұмыс істеу принциптерін айқындауға, адамзат атаулының ерекше қабілеттерін жүйелі зерттеуге әрі табиғи болмыс бітімінің әлеуметтік мәдени ұстанымдар негізінде даму, өзгеру, толығу бағыттарын талдап көрсетуге себепкер болар маңызды факторлардың бірі ретінде қарастырылды.

Список литературы

1. «Мәңгілік Ел» қайраткері С. Елубаев Шығармашылық кезесу. Алматы, 2017. 29 наурыз.
2. *Абай*. Екі томдық шығармалар жинағы. Аудармалар мен қара сөздер. Алматы, 1986. 199 б.
3. *Джанет Джонес, Ли Салтер*. Сандық журанлистика. Алматы, 2014. 266 с.
4. *Шындалиева М.* Журналистика жанрларының пішіндері мен функциясы: Оқулық. Астана: ЕҰУ АББ, 2012. 248 б.

5. *Кайрат Омирбайұлы Сак*. Еркін сөз елдік мүддеге қызмет етуі керек. Мақала, 2011 жыл. URL: www.el.kz (дата обращения: 24.01.2019).
6. *Армангүл Нұрланқызы*. Ақпараттық қоғам және интернет. Мақала, 2016 жыл. URL: www.el.kz (дата обращения: 24.01.2019).
7. *Сұлтанбаева Гүлмира Серікбайқызы*. Журналистика менеджменті және маркетингі Қазақстан Республикасы. Алматы, 2011.
8. *Якобсон Р.* Избранные работы по лингвистике. Берлин: БГК им. И.А. Бодуэн де Куртенэ, 1998. 440 с.
9. Когнитивті терминдер сөздігі. Алматы: Ғылым, 1997.
10. *Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
11. *Miller G.* Images and models, similies and metaphors // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge, Cambridge University Press, 1979.
12. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

References

1. «*Ma'n'gilik El*» *qai'ratkeri S. Ely'baev S'yg'armas'ylyq kezesy'* ["Eternal Country". Meet-The-Artist Session with Famous Writer S. Elubayev]. Almaty, 2017, 29 Mar. (In Kazakh).
2. Abai. *Eki tomdyq s'yg'armalar ji'nag'y. Ay'darmalar men qara so'zder* [Essays Collection: in 2 vols. Translation and Black Words]. Almaty, 1986, 199 p. (In Kazakh).
3. Dzhanet Dzhanes, Li Salter. *Sandyq jy'ranli'sti'ka* [Digital Journalism]. Almaty, 2014, 266 p. (In Kazakh).
4. Shyndaliyeva M. *Jy'rnali'sti'ka janrlarynyn' pis'inderi men fy'nktsi'yasy: Oqy'lyq* [Forms and Functions of Genre in Journalism]. Astana, L.N. Gumilyov Eurasian National University Publ., 2012, 248 p. (In Kazakh).
5. Kayrat Omirbayuly Sak. *Erkin so'z eldik mu'ddege qyzmet ety'i kerek. Maqala, 2011 jyl* [Free word must serve the country's interests. Article, 2011]. (In Kazakh). Available at: www.el.kz (accessed 24.01.2019).
6. Armangul Nurlankyzy. *Aqparattyq qog'am ja'ne i'nternet. Maqala, 2016 jyl* [Information society and Internet. Article, 2016]. (In Kazakh). Available at: www.el.kz (accessed 24.01.2019).
7. Sultanbayeva G.S. *Jy'rnali'sti'ka menedjmenti ja'ne marketi'ngi Qazaqstan Respy'bli'kasy* [Management and Marketing of Journalism in the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2011. (In Kazakh).
8. Jakobson R. *Izbrannyye raboty po lingvistike* [Selected Works on Linguistics]. Berlin: Jan Baudouin de Courtenay BGK Publ., 1998, 440 p. (In Russian).
9. *Kogni'ti'viti termi'nder so'zdigi* [Dictionary of Cognitive Terms]. Almaty, Nauka Publ., 1997. (In Kazakh).
10. Cheyf U.L. *Znachenije i struktura yazyka* [Meaning and Structure of the Language]. Moscow, Progress Publ., 1975, 432 p. (In Russian).
11. Miller G. Images and models, similies and metaphors. In: Ortony A. (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1979. (In Russian).
12. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Philological Institute of Lomonosov Moscow State University Publ., 1997, 245 p. (In Russian).

Информация об авторе

Тулекова Гульжан Хажмуратовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и переводческого дела. Университет «Туран», г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: gulzhan-saken@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ научной и художественной литературы, написание статьи.

Поступила в редакцию 16.03.2019 г.
Поступила после рецензирования 21.04.2019 г.
Повторное рецензирование 08.05.2019 г.
Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Gulzhan Q. Tulekova, Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism and Translation Studies. Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: gulzhan-saken@mail.ru

Contribution: main study conception, scientific and imaginative literature analysis, manuscript drafting.

Received 16 March 2019
Reviewed 21 April 2019
Second peer review round 8 May 2019
Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-398-412
УДК 7.01+7.094

Сквозь «Мутную решетку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Through “Muddy grid”: psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier’s film “Forbrydelsens element”

Vladimir V. KOLCHANOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>, e-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Исследуется психоаналитический трансфер, использованный датским режиссером Ларсом фон Триером в его дебютной кинокартине «Элемент преступления» (1984). Рассматриваются этапы лечебного сна, его композиция и структура. Наряду с гипнозом анализируются мотивы художественной системы сюрреализма: удушения, тошноты, наркоза, садистских и мазохистских жестокостей, утопления и отравления, божественности пениса, канализации и испражнений, разложения вещей, падали и прочих немислимых мерзостей. Показывается, как сюрреализм становится неотъемлемой частью глобальной современной художественной системы – постмодернизма. Самое пристальное внимание уделяется такому постмодернистскому принципу и таким приемам изображения действительности, как искажение хронотопа, сингулярность и складка. Исследуется «неомифологизм» и мистериальность кинокартины. К демонстрации первого явления привлекаются мифы, секретные аллегории и магические практики всех времен и народов. Сам же путь героя-полицейского излагается как посвящение «неофита» в мистику, как катасис, как юнговский архетип «ухода рыцаря в темноту». Особое место в работе отводится анализу сатирических средств воздействия на зрителя: элементов фарса, буффа и гротеска. В этом поле едкой сатиры Л. фон Триера лежит, как мы считаем, политика мультикультурализма, до сих пор проводимая странами Евросоюза и становящаяся последним, «ночным» витком в эпохе «заката» христианской цивилизации. Жанры прошлых столетий (средневековая мистерия, идиллия, фантасмагория), присутствующие в структуре фильма, также усиливают его сатирический и злободневный характер.

Ключевые слова: трансфер; фантасмагория; мистерия; эксцентрика; сюрреализм; постмодернизм; мультикультурализм; аллегория; фарс; демон

Для цитирования: Колчанов В.В. Сквозь «Мутную решетку»: психоаналитический трансфер как художественная репрезентация мультикультурной парадигмы в фильме Ларса фон Триера «Элемент преступления» // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 398-412. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-398-412

Abstract. We explore the psychoanalytic transfer used by Danish director Lars von Trier in his debut film “Forbrydelsens element” (1984). We consider the stages of therapeutic sleep, its composition and structure. Along with hypnosis, we also analyze the motives of the artistic system of surrealism: strangulation, nausea, narcosis, sadistic and masochistic cruelties, drowning and poisoning, penis divinity, sewage and feces, decomposition of things, carrion and other unimaginable

abominations. We show how surrealism becomes an integral part of the global modern art system – postmodernism. The closest attention is paid to such postmodern principle and methods of picturing reality as the distortion of chronotope, singularity and fold. We investigate “neomythologism” and the mystery of the film. Myths, secret allegories and magical practices of all times are involved in the demonstration of the first phenomenon. Path of the policeman character is presented as the initiation of the “neophyte” into the mystery, as katabasis, as Jung’s archetype of “knight’s departure into darkness”. A special place in the work is given to the analysis of satirical means of influence on the viewer: elements of farce, slapstick and grotesque. In this field of Lars von Trier’s caustic satire lies a policy of multiculturalism, still pursued by the European Union countries and becoming the last, “night” coil in the era of the Christian civilization decline. Genres of past centuries (medieval mystery, idyll, phantasmagoria), presented in the film structure, also reinforce its satirical and pressing nature.

Keywords: transfer; phantasmagoria; mystery; eccentric; surrealism; postmodernism; multiculturalism; allegory; farce; demon

For citation: Kolchanov V.V. Skvoz’ «Mutnuyu reshetku»: psikhoanaliticheskiy transfer kak khudozhestvennaya reprezentatsiya mul’tikul’turnoy paradigmy v fil’me Larsa fon Triyera «Element prestupleniya» [Through “Muddy grid”: psychoanalytic transfer as an artistic representation of multicultural paradigm in Lars von Trier’s film “Forbrydelsens element”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 398-412. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-398-412 (In Russian, Abstr. in Engl.)

*Памяти моих друзей и коллег
Владимира Николаевича Окатова
и Игоря Алексеевича Федорова*

Когда система во имя науки становится слишком важной – это хуже всего. Мы вечно искали элемент преступления в обществе, но почему не в человеческой природе?

Л. фон Триер. Элемент преступления

Здесь земное отражение принимай лишь за самое слабое отражение небесного.

П. Флоренский

Все мы умрем, но все мы изменимся.

Ф. Аквинский

Можно поражаться, как люди мало думают ободе и мало мучаются о нем. В этом более всего сказывается человеческое легкомыслие.

Н. Бердяев

- I. Искажение хронотопа.
- II. Гармония сингулярности.
- III. Миф о Всемирном потопе.
- IV. Демоны и демонолатрия.
- V. Живописные интерполяции.
- VI. Фарсы и аллегории.

Кинокартина датского режиссера Л. фон Триера «Элемент преступления» – психоана-

литический трансфер, устраняющий загрязнение, темная мистерия, посвящающая в мир колдовства и черной магии, театральная фантасмагория, открывающая люки ада. Трансфер ступенчатый, многосторонний, в нем каждая ступень сталкивает новые грани бытия и поэтому производит неизгладимое впечатление на «душу человека современного», ворожит и затягивает всерьез и надолго.

Произведение относится к разряду «редкого видео», заставляет напряженно работать мозг и предполагает, прежде всего, интеллектуального и духовно-одаренного зрителя, зрителя-«пневматика». Оно полисимволично – многие кадры имеют как многозначное, так и амбивалентное прочтение, архетипично, так как рисует архетип «ухода рыцаря в темноту», эксцентрично, потому что сочетает фантасмагорию с буффом. Фильм великолепно выстроен, имеет ретроспективно-цепочную композицию, детективную фабулу и аллегорический сюжет. Причем аллегоричность во многом достигается не только этапами трансфера. Важную роль в нем играют постмодернистские приемы и сюрреалистические мотивы. Мы назовем эти приемы и мотивы по мере того, как будем продираться сквозь лес мифов и символов, которыми окружает каждый шаг героев режиссер. Эстетика лечебного сна станет целью нашего исследования.

I. ИСКАЖЕНИЕ ХРОНОТОПА

Первым из постмодернистских приемов можно назвать искажение хронотопа. Оно начинается уже тогда, когда временем суток объявляется бесконечная ночь. Усиливая воздействие ночи на зрителя и, соответственно, показывая героя в состоянии трансферных сумерек, автор пропускает события через окуляр инфракрасного прибора с желто-коричневым светофильтром и создает иллюзию ночного зрения кинематографического героя-зомби.

В единстве со временем искажается место действия. Оно специально не оторефлектировано в географических координатах: в состоянии транса и в границах мифа на точках суши может находиться море, вместо северных морей плещутся воды южных широт, меняются местами города, страны и континенты, наряду с реальными населенными пунктами присутствуют вымышленные. Так, в начале сеанса психотерапевт, смешивая представления о пустыне и море, говорит: «Нил – в древности “hope” и “terra”. Для европейцев все это слишком» (“hope” в переводе с английского – надежда, “terra” – земля, откуда следует, что Нил – «земля надежды»). Врач создает оптический обман – «фата моргана», возникающий от жажды среди песчаных и морских пространств, поэтому во сне по прибытии в Европу пациент видит, что и «Европа уже не та, вода, всюду морская вода и ни капли пресной». Параллельно включается миф: fata Morgana – крылатая фея Моргана, по европейским преданиям, живущая на морском дне, обманывающая путешественников призрачными видениями и владеющая волшебным «островом блаженных» – Авалоном. Ее главный дар в мифе – целительство¹. Невосполнимая тоска по ней и утраченному блаженству, которое она дарит благородным рыцарям, травестированно передается в фильме через стихи, прочитанные в зале полуразвалившегося замка маргинальным поэтом:

«Это было во владеньях королевы,
И пушинка не коснулась тела нежной девы!»²

¹ Фея Моргана. URL: <https://dal.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/338543> (дата обращения: 20.02.2019).

² В другом, как мне кажется, менее удачном переводе фраза звучит следующим образом: «Если мо-

чем дольше длится гипноз, тем число подобных искажений увеличивается. В действии фильма искаженно проявляется Каир (по словам Осборна, расположенный в Италии), Израиль (прибытие Фишера, по мнению начальника полиции Кремера, «из земли обетованной»), США (поведение шерифа в притонах Америки), Россия (русская водка «Столичная» как метафора депрессии и запоев). В процесс коннотации включаются семь видов религий или аллюзий на них: европейское язычество, мусульманство (мечети Каира), христианство (Ватиканский собор – Базилика Святого Петра, священник и прихожанка), иудаизм (звезда Давида, учение Торы, Шаббат), вуду (афроамериканец, создавший из бюро пропусков в зал судебно-медицинской экспертизы магический салон), китайская черная магия (действия китайки-«куколки» Ким) и японский синтоизм. Каждая аллюзия вносит в мультикультурную парадигму что-то экзотическое и в то же время главное, – то, без чего не происходит ни одно мистериальное действие – катасис, погружение в смерть и ад.

Мультикультурная парадигма в фильме приобретает вид адской решетки, а сам ад выглядит сюрреалистическим: сюрреализм – течение маргинальных художников, эстетизирующих (среди прочих топосов) эпикуровских коллекторов и плотских нечистот. С каждым новым ритуальным убийством и его расследованием глубина погружения в них главного героя инспектора Фишера увеличивается.

Завязкой в кинодраме служит синтоистский аспект видения и проявляется он через операторский прием японского режиссера Хироши Тэсигачары «Женщина в песках» (1964), снятого по одноименному роману Кобо Абэ: горы песка, неустанно и методично засыпающие расположенный в песчаной яме новый дом, семью и религию героя. Практически тоже происходит у Л. фон Триера. Фишер, покинув дом в Каире, в котором его с женой заносило песком («Смешанный брак», – объясняет аллегорию его бывший учитель Осборн), обследует в Европе место преступления – угольный склад, где в мелком осыпавшемся угле нашли изуродованное тело

нах отказывается от королевства, оно стоит рядом. / Серафим никогда не говорит о том, о чем думает».

девочки. Как и в пространственной структуре «Женщины в песках» (песок – верх, дом – низ), угольный склад располагается в верхнем ярусе, а всеевропейский дом занимает как раз низшее, полузатопленное положение. Так, известный киноман японских художников поворачивается новой стороной и начинает служить ключом к разгадке сложного шифра – взаимодействия европейской цивилизации и других культур.

Аллегория в фильме является основным художественным приемом и строится на секретных учениях всех времен и народов. Аллегорично все: каждая фраза, кадр, сюжет в целом, художественное обрамление. Достаточно посмотреть на экспозицию, чтобы сразу почувствовать аллегорическую суггестивность. Состоит экспозиция из четырех кадров. В первых двух кадрах – назовем их «песчано-ослиной заставкой» – стреноженный ослик вначале валяется в пыльном песке, а затем поднимается по сотам вселенской памяти. Ослик – животное аллегоричное, в анналах цивилизации оно иносказательно выражает страсти, которые правят человеческим естеством, низменные инстинкты, упрямый характер. «Золотой осел» римского писателя Апулея или осел, на котором Христос въехал в Иерусалим, – пожалуй, два лучших примера из литературы и культуры, впитавшие в себя аллегорию человеческого ума. С другой стороны, кадры с осликом аллегоризируют степенность и сонность Востока, – они и озвучиваются мусульманским зовом, который плавно переводит внимание зрителя на два других кадра. В первом показан вечерний пейзаж – город мечетей и минаретов во время песчаной бури, во втором – натянутая на здание и трепыхающаяся на ветру простыня, – своеобразный экран, куда отброшено сознание героя.

Главный герой фильма, инспектор Фишер, услышал этот зов и идет на него как зачарованный, правда, чары тут же оборачиваются реальным психотерапевтом с обезьянкой на плече. Место тяжелого труда и религиозного покаяния, хочет сказать режиссер, сменится в драме подражанием и игрой воображения – фантазией.

Фишер обращается к психоаналитику, чтобы избавиться от сильных мигреней, мучающих его после последнего расследования

серии изуверских убийств в Европе. Европа стала для него кошмаром, наваждением, навязчивой «идеей фикс», пограничным состоянием сознания, и врач применяет гипноз. Фишер впадает в транс и пересказывает свои душевные муки. Когда рассказ только начинается показывать историю душевных нарушений пациента, песчано-ослиная заставка воспринимается по-новому. Осел из аллегии непосильного физического труда, упрямого ума и низменных страстей обретает свою вторую ипостась – функцию водопроходца, – в человеческой деятельности он используется в определении направлений течения рек и протоков под землей. Соответственно, в состоянии трансфера внешний вид животного для пациента меняется: из ослика, валяющегося в песке рядом с бассейном, он превращается в ослика-утопленника с отверстием от пули в шее. По сути, такая фантазмагория и ведет измененный разум Фишера: в темноте, куда уходит благородный герой, главным средством передвижения становятся деревянные и надувные лодки, плоты и паромы, льют бесконечные злые дожди, дуют сырые ветры (здесь «никогда не сохнет» белье), затопливаются подвалы домов, подтапливаются морги, кладбища и скотомогильники; документохранилища архивов и библиотек напоминают огромные канализационные колодцы. Сама «Европа» превращается в сеть очистных сооружений, куда провалился и продолжает проваливаться Фишер.

С каждым провалом пространство «Европы» искажается сильнее. Исчезают преграды, становятся бессмысленными ограждения и направления движения маршрутных транспортных средств. В сцене встречи с сестрой убитой девушки бегущая за сеткой Рабица лотошница при приближении кинокамеры оказывается по сию сторону сетки, печать на удостоверение Фишера ставится через толстое и мутное бронебойное стекло штаб-квартиры полиции, серия мутных фотографий с видами на концлагерь (снятая и спутанная колючая проволока, вышка, здание охраны и другие объекты на серии фотографий в бывшем кабинете Осборна) заканчивается видом на Базилику Святого Петра, овцы в загоне перед мостом в Хальберштадте пасутся за столбами без сеточного ограждения, мегафон начальника полиции не доно-

сит до окружающих его приказаний, дождевая волна накрывает влюбленных в нескольких метрах от полицейского комиссара.

Нарушаются и привычные направления в пространстве: вверх-вниз, вправо-влево, вперед-назад. Угольный склад находится на крыше портового здания, телефон в спальне Осборна располагается под кроватью хозяина, книга «Элемент преступления» на арабском языке просматривается «вверх ногами» и «задом наперед». Подчеркивая пограничное, зависшее сознание героя, изменяют положения предметы утвари: корзинка с нижним бельем китайки Ким поднимается и подвешивается к потолку, и к потолку же подвешивается китайская керамическая чашка.

Еще значительнее пространственная дезориентация наблюдается в географии преступлений, совершенных серийным убийцей. Первые четыре преступления Гарри Грэя трехлетней давности расположены в углах квадрата (Хальберштадт–Фридинген–Обердорф–Нойхалькау), новое, пятое, совершает-

ся в порту, в Ингольштадте, посередине нижней стороны квадрата, а вот два последних, согласно схеме Осборна-Фишера, должны выходить туда, где плещутся воды залива. Между тем, захоронение в Дриттен Марске парадоксальным образом выводит зрителя на береговую линию Обердорф–Ингольштадт–Нойхалькау, также парадоксально Фишер оказывается на линии берега после седьмого преступления в Халле.

Мы нарисуем схему этих преступлений так, как она выглядела у Осборна-Фишера. По форме схема напоминает песочные часы, а в сюрреалистическом пространстве операторской съемки представляет собой «складку» – постмодернистский прием, или сюрреалистический пассаж, выражающий переход из яви в сон, из реальности в бессознательное и наоборот. Нижний квадрат в этой схеме при выходе в «реальность/ирреальность» сплющивается до нижней стороны верхнего квадрата (рис. 1).

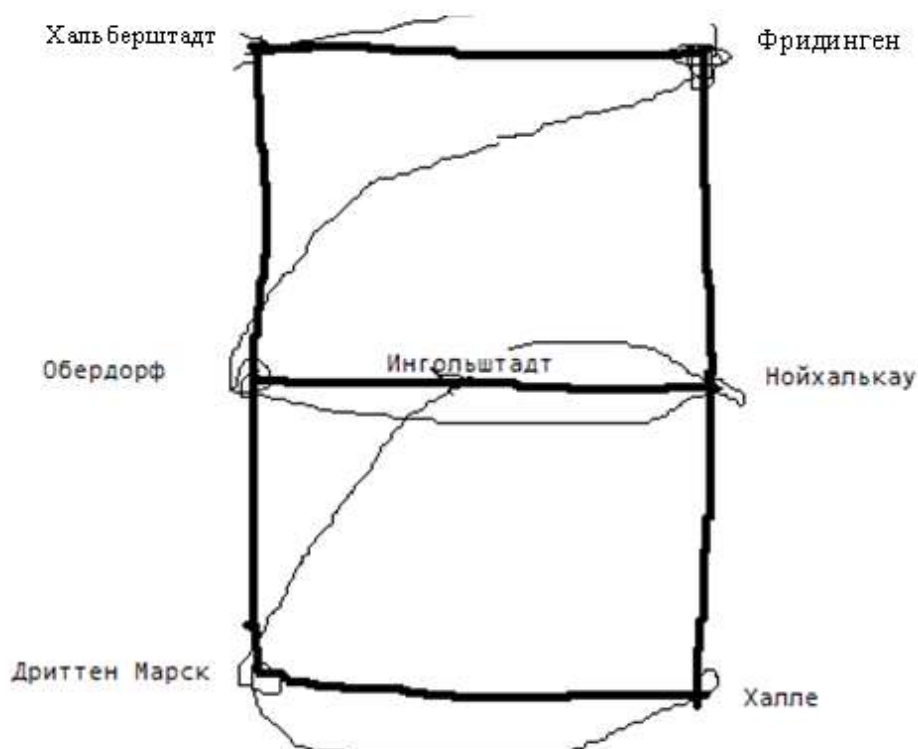

Рис. 1. Схема преступлений Осборна-Фишера

Такая складка, выражающая одну из мнимостей в географии преступлений, не является единственной в фильме. Она лишь повторяет другие складки, или, лучше сказать, тождественна другим складкам, так как их размеры в постмодернизме вообще не имеют значения; складки условны, расплывчаты, туманны и образуют какую-либо ячеистую структуру, волнообразно изменяющуюся в зависимости от того, на что она накладывается. Если ячейки в фильме накладываются на реальность, то создается образ «Европы», находящейся за решеткой тюремной зоны, управляемой Кремером и охраной с собаками, если на ирреальность – образ сети, накинутой дьяволом, впечатление адской светомаскировки, сквозь мутную решетку которой зритель наблюдает за действиями inferнальных персон. В операторской работе вторая проекция не является одинокой – впечатление адского сна наяву, увиденного сквозь мутную завесу, использовал датский режиссер К.Т. Дрейер в фильме «Вампир. Видение Аллана Грэя» (1932), источником которого послужила новелла Дж.Ш. Ле Фаню «Кармила» из сборника «Сквозь мутное стекло». Есть в фильме Л. фон Триера, как видно уже из названия источника, и однофамилец Аллана Грэя – Гарри Грэй, есть и мутное стекло – за ним находится бюро пропусков в морг.

Нагляднее всего образ мутной решетки проступает в топологии съемки. Решетка то явствуется, то исчезает, но практически всегда лежит в основании любой мизансцены. Мы сделаем абзацем нижепоследовательный и пронумерованный список кадров с изображением решетки, чтобы представить, с одной стороны, скрупулезную работу автора в создании композиции киноленты, с другой – размах тотального нагнетания напряжения и страха, царящего в зоне «Европа», с третьей – показать, что ячейки/складки решетки отражают постмодернистскую идею «различия и повторения» [1].

Некоторые виды решеток в связи с их «повторением» мы подчеркнем, а одну из них – решетку керосинового фонаря «Летучая мышь» – выделим дополнительно курсивом, так как по численному показателю она не уступает общей сумме решеток:

- 1) шестигранные ячейки крыши, по которым блуждает стреноженный ослик;
- 2) квадратные лоскуты простыни, колеблемые ветром;
- 3) два ряда фигурных решеток (стена и перегородка) в кабинете психиатра;
- 4) продольная подводная решетка с куском колючей проволоки, под которым застрял мертвый ослик;
- 5) многочисленные жалюзи;
- 6) многочисленные фонари «Летучая мышь» с зарешеченным стеклом;
- 7) окно с решеткой из колючей проволоки во внутренний дворик дома Осборна, в котором горит костер;
- 8) ячеистый рисунок халата Осборна;
- 9) кафельный камин с решеткой в доме Осборна;
- 10) решетка пустых книжных стеллажей с лестницей в доме Осборна;
- 11) потолочная решетка, изменяющаяся на перпендикулярную к стеллажам сетку;
- 12) зарешеченное смотровое окошко за стеллажами, сквозь которое горит зарешеченный фонарь «Летучая мышь»;
- 13) переплеты многочисленных окон;
- 14) выщербленная решетка на машине;
- 15) решетка носилок с трупом;
- 16) гамаки детей, прибрежных обитателей зоны в районе свай;
- 17) решетка металлических конструкций на угольном складе;
- 18) колышущаяся сетка Рабица на угольном складе, меняющая позицию при приближении к человеку – перед/за;
- 19) траулерные сети с людьми вместо рыб (как аллегории человеческих душ);
- 20) решетка портовых ворот;
- 21) решетка портового крана;
- 22) сетка Рабица обводного канала, по которому проплывает на плоте Фишер;
- 23) решетки грудных клеток трупов на флюорографиях;
- 24) сетка, натянутая перпендикулярно книжным стеллажам;
- 25) сетчатый галстук Осборна во время погони за Гарри Грэем;
- 26) нарисованная схема преступлений на месте вывалившейся плитки из кафельной кладки;
- 27) сейф за металлической решеткой с замком;

28) рабичный потолок квартиры Осборна с лежащими на нем люминисцентными лампами;

29) решетчатый потолочный люк в кухне Осборна на первом этаже;

30) полупрозрачная крупноволокнистая мешковина вместо занавески на окне;

31) кровать ребенка от «предыдущего брака» в доме Осборна;

32) решетчатая вышка для охраны на фотографии концлагеря;

33) размотанный рулон колючей проволоки на фотографии концлагеря;

34) корзинка подростка на пути в Хальберштадт;

35) мнимая сетка загона для овец (как аллегии христианского стада);

36) решетка перед хранилищем кока-колы и фигурок морских коньков в гостинице Хальберштадта;

37) решетка шкафа Гарри Грэ;

38) решетчатый верх картины на входе в бордель фрау Герды;

39) решетка радиоприемника;

40) решетка вентилятора в борделе;

41) гамаки проституток;

42) клетка Ким;

43) корзина с нижним бельем Ким;

44) шелковая палатка Ким;

45) многочисленные сетки кроватей Ким в гостиницах по пути следования маршрутом Гарри Грэ;

46) схема преступлений на ячейке оконного переплета;

47) кирпичная кладка «тоннеля любви»;

48) решетка на выходе с «канала страсти»;

49) каркас телефонной будки;

50) каркас старого автобуса;

51) потершееся в виде решетки стекло внутри автобуса;

52) боковые каркасы автобусной остановки с табличками маршрутов преступлений;

53) решетка-перегородка гостиничного номера и арматура стены (перед поездкой в Дриттен Марск);

54) решетка радиатора полицейского микроавтобуса;

55) вышка мертвецов;

56) гамак на вышке мертвецов;

57) запутавшиеся стропы вытяжного парашюта на вышке мертвецов;

58) решетка корней дерева;

59) гамаки в зале полуразвалившегося замка;

60) решетчатая корзина в зале полуразвалившегося замка;

61) схемы преступлений на стенах бесконечной подземной галереи;

62) географическая карта-сетка с названием населенных пунктов;

63) сетка шнура (струны) на лице Фишера;

64) решетка-подставка у гостиничного администратора под прозвищем «Краса столетий» (в другом переводе «чмошника»), роль которого играет Л. фон Триер);

65) кладка кафельной плитки в комнате администратора;

66) железнодорожные вагоны с зарешеченными окнами;

67) передвижная решетка бетонного колодца;

68) решетка на окнах каморки-засады;

69) решетка в канализационном люке с сидящим на ней лемуром.

Учитывая топологический сценарий картины, можно утверждать, что каждая мизансцена условно измеряется объемом, размерами и формой решетки и расположена в ячейке некой глобальной подвижной кристаллической решетки. Разрешая сверхидею зарешеченного сознания мира и человека в нем, режиссер, по сути, создает сингулярность, ту математическую модель мифической точки, в которой находится «единое, само в себе различающееся» [2, с. 154-157]. Сингулярность находится там, где отмечают свой ход высшие иерархии и где священное пространство не может встраиваться в профанное (Олимп, Тартар, рай, ад) [2, с. 155].

II. ГАРМОНИЯ СИНГУЛЯРНОСТИ

Чтобы в чистом виде добиться реконструкции сингулярности, требуется обратиться к светомонтажу. Особенность светомонтажа проявляется в том, что окрашенная в желто-коричневый тон кинолента в определенных местах как бы «прорывается», – сцены с голубо-синей подсветкой надмирны, заброшены сюда как бы из иного измерения, не под-

властны ни воле психиатра, ни течению времени, ни теперешнему решетчатому топографированию. Они выражают идею очищения от «чреватости души», поступательное движение Сверхличного, Абсолюта, соотношенное с исторической и мифической памятью европейца.

Мы рассмотрим эти сцены, в игровом плане принимающие характер эксцентрики, а в композиции использующиеся в качестве трех сквозных действий. В силу мифографичности объекта нам хотелось бы взглянуть на них также, как и в случае с решеткой, последовательно, чтобы удобнее читались разломы сознания, из которых не искажен лишь мифический первоисточник образов – сингулярность.

К первому сквозному действию можно отнести мигание сине-голубого полицейского маячка. Он начинает очищать загрязнение с души уже в полицейском управлении города мертвых («конторе, <...>, в этих бесконечных коридорах, где за поворотом ничего»). Сквозь мутное стекло бюро пропусков в морг видно, как дважды проезжает полицейский мотоциклист с включенным маячком, в то время как афроамериканский медиум, превративший бюро в спиритический салон, с восторгом вспоминает на этом фоне себя и поведение шерифа в подобном отстойнике:

«Когда в городе новый шериф, я знаю свое место и при деле. Заходит в салон, выхватывает кошку и как гаркнет: «Я вычищу этот свинарник». И я ему верю. Никто еще не вынимал пушку так шустро, как он».

Следует отметить, что слово «кошка» озвучивается в его речи далеко не случайно и с дальним прицелом. В мифологии кошка, как и пистолет в сознании вызывателя мертвых, отмыкает и закрывает границы между миром живых и миром мертвых; но если образное значение кошки очень древнее – с незапамятных времен животное используется в ритуале очищения дома от злых духов, – то «пушка» и кривляние медиума отражают как смерть с «переходом в иной мир», так и современные эстрадные эффекты театров буффа и пантомимы.

В следующий раз свечение голубого полицейского маячка начинается в сумрачном лесу, где Фишер в полном одиночестве охо-

тится на Гарри Грэя. И можно предположить, что в данный момент избирается древний и необычный – контагиозный (магико-контактный) способ охоты, – поход на духовный контакт/слияние со зверем или с врагом. Для этого Фишер берет в руки охотничий карабин, складывает два креста, свой и своего врага, идет во тьме, творя заклинания, и освещает путь полицейской мигалкой, имитирующей горящий факел. Но в результате магического акта проваливается в палеолитическую яму, сам становясь добычей, полицейский маячок повисает в яме, символизируя зависшее положение своего хозяина на пороге входа в царство мертвых.

По сути, магический акт превращается в ритуал вызова мертвых (или, если выразиться языком Л. Леви-Брюля, в исполнение закона племенной партиципации – сопричастности жизни предков [3]), и таким образом разрешается «громкое исповедание вечности души» – смерть и новое рождение. Герой как бы умер и снова родился. Во всяком случае, на это указывает психоаналитик, предупреждающий следователя об ошибке («Вы бездействуете <...> Вы бездействуете, мистер Фишер, будьте внимательны») и регистрирующий появление нового, третьего участника ритуала:

Психотерапевт: Что вы делаете, мистер Фишер?

Фишер: Честное слово, я уже не знаю.

Психотерапевт: Но вы не заметили, что кто-то сделал третий крест.

Фишер: Верно, третий крест я не вижу.

Тайное второрождение, и, соответственно, следующие, второе сквозное действие и мифическая веха связаны с Базиликой св. Петра в синем изображении (первый раз она появляется в череде черно-белых фотографий концлагеря, третий раз возникает в прорванной географической карте). Базилика с синей подсветкой отражает новое сознание – сознание монотеистической эры, христианскую экзальтацию, сопричастность с Богочеловеком, пришедшим спасти мир от скверны, очистить погрязшее в грехах человечество. Пожалуй, это самая крупная складка в фильме, создающаяся с помощью эстетики сюрреализма, последовательность изображения которой такова. От мочащейся возле поли-

цейской машины Ким движение кинокамеры медленно направляется вниз – через пласты священного. На экране последовательно возникают: брошенные в грязь книги; накренившиеся ритуальные таблички; молотильные цепи на хлебной соломе (аллегория, отражающая метафору «веять душу из тела»); мучающийся на верху стены, на дренажном шланге Фишер; стена пятиэтажного, похожего на тюрьму здания с зарешеченными окнами; три человека, суесящиеся у костра с пожарным батутом; и в конце пути – встающий из недостижимых глубин христианский Рим с его собором Святого Петра и колокольным отзвуком. Воплощающий таким необычным образом идею распятия, новый мученик является в сюрреалистической системе дренажным насосом с фильтром, перекачивающим и очищающим культуру от нечистот Ким, а идея голгофы – встреча Сына Человеческого с Богом-Отцом подменяется в следующем кадре пленки фотографической проклейкой: вместо Бога во весь формат проявляется портрет Осборна, затем на фоне портрета показывается костер из якобы горящего в автомобиле Гарри Грэя. Сюрреалистически травестируется здесь и тема рая Господнего: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие»³. С тремя новыми мытарями (следающими за действиями Фишера, подготавливающими его падение с узкой панельной стены в костер) и новой блудницей Ким, новым хлебом (соломой и таблетками) и новым вином (салицином) новорожденному на Стене Плача спасителю предстоит еще испытания.

Третье сквозное действие фильма – пространство сине-голубого экрана телевизора и синих лампочек. Оно гротескно отражает третью культурную революцию, новый исторический эон, экзистенциальное ощущение человека современного, эру «психологической идентификации». Здесь также заявлена тема памяти, но не совсем обычным, – техническим способом. На экране телевизора воспроизводятся архивные видеоматериалы, хранящиеся на фото- и лентоносителях: пленка кинокамеры слежения с повернутым на 90 градусов изображением Фишера, ролик с эпизодом в лифте и на этаже «зачистки» Кремером «нырочного» притона (похожего

на кают-компанию), сцена яростных дебатов по поводу катастрофического открытия Осборна, отрывок из официального доклада Осборна, кадр с «шипящим» экраном, говорящим, что транс вроде бы закончился и пора возвращаться в привычное состояние.

С идеей очищения и, соответственно, излечения сознания героя гротескно и эксцентрично связаны синие лампочки. Они расположены вдоль каналов пневматической почты и, судя по всему, образуют еще одну складку. Эта складка тоже сжимает пространство и вытягивает время, так как, несмотря на, казалось бы, бешеный пролет корреспонденции в аэродинамических капсулах, следственные материалы и письма в пределах одного комплекса строений «идут неделями» – в отличие от расстояний между населенными пунктами, которые Фишер проезжает очень быстро, по ощущениям – за неполную ночь. Немудрено, что письмо от родителей последней убитой девочки, попросивших Фишера защитить дочь «по методу Осборна», могло идти по каналам почты долго, очень долго, вероятнее всего, дольше, чем несколько недель.

О том, что другие синие лампы тоже образуют складки и отражают идею очищения загрязнения, красноречиво свидетельствуют места их дислокации и выбранные ракурсы съемки. Синяя люминисцентная лампа в доме Осборна лежит на решетке потолка и под кинокамерой, с позиции которой зритель наблюдает происходящее за решеткой, в гостинице «Элит» такая же люминисцентная лампа вертикально приклонена к стене лестничного марша. Вслушаемся в диалог, происходящий между стариком, хозяином гостиницы, и Фишером, чтобы понять то состояние беспамятства, в котором пребывает Фишер здесь, в аду, поднимаясь к лампе очищения:

Старик: Я вас припоминаю, мистер Грэй. Вы должны еще заплатить за две ночи плюс за лекарство.

Фишер: Запишите на мой счет.

Старик: В ту же комнату, что и раньше? Это однушка.

Фишер: А что за лекарство?

Старик: Салицин. Довольно много. От головной боли.

Старик: Помню, вы тогда еще на лестнице обернулись и сказали: «Мое лицо – это город». Что это значит? Какой город?

³ Мф. 21: 31.

Фишер: Мое лицо или ваше?

Старик: О чем это вы?

Фишер: Мое лицо или ваше? Какой город?

Старик: Какой город?

В данной сцене свет синих ламп представляет собой откровенную помпу и самый настоящий буфф, – безусловно, если вспомнить область их применения. В медицине синие лампы используются для внутренней санации тела и санации пространства больницы: ими проводят прогревание и кварцевание – облучение тела и санитарную обработку палат.

Помимо очистительной функции, какую синие лампы выполняют в структуре повествования, еще одно их свойство – способность разоблачать обманы, раскрывать тайны, показывать истинную жизнь предметов и людей. В сингулярности любая точка лежит на сфере шара, проходит через него и одновременно отражается на плоскости, – в анизотропном пространстве ни одна деталь преступлений не может быть скрыта.

Поэтому особенный интерес в фильме синие лампы приобретают в сравнении с лампами загрязнения: лампами зелеными (зал судмедэкспертизы), лампами красными (индикатор телевизора, задние фонари автомобиля Гарри Грэя, люминисцентная вывеска “HOTEL” на балконе «Элит», лампочка в гостиничном номере 5 на допросе Ким), лампами желтыми электрическими и фонарями керосиновыми «Летучая мышь». На этом цветовом сравнении стоит остановиться подробнее. Оно создает живописную цветовую палитру, без учета каждой краски которой нам труднее представить состояние человеческой души в период ее экзальтации.

Более часто, как мы в предыдущей главе заметили, появляются в драме фонари керосиновые. Они проникают в каждую мизансцену и на первом отрезке пути героя с Ким собираются даже в некое светлячковое болотно-луговое сообщество, связанное с верой в водяного и русалок-ундин-никс. Только сказочного празднества царства природы в сюрреалистических водах не случается. В аллегорической картине ночной ловли рыбы фонари служат освещением для перемета, которым ловит «прекрасных человеческих рыб» мальчишка, сидящий в засаде. И связка мелкой рыбешки, висящая над его головой,

по всей видимости, вскоре пополнится, так как взрослый, по пояс в воде сопровождающий ребенка, поскальзывается. А вот большая рыба не идет на крючок дьявольского мальчишки – автомобиль Фишера останавливается за несколько метров от его ловушки, – герой предпочитает передвигаться дальше на пароме.

Следовало бы заметить, что керосиновый фонарь отличается от прочих источников света – электрических ламп, фонариков и прожекторов. Он не только отражает топологию съемки, но и перекликается с традицией европейского театра: средневековой мистерии, религиозного жанра XIII–XVI веков и фантасмагории, театрального жанра XVIII–XIX веков. Сценарий средневековой мистерии и фантасмагории, как правило, выстраивался при помощи такого фонаря, называвшегося «волшебным». «Волшебный фонарь» отвечал за иллюзию, тени от его света оживляли призраков, кошмары и страхи, и в нужный момент он заменял «невозможность реально изобразить какое-либо чудесное явление» [4, с. 450]. По сути, именно такой фонарь и освещает путь разуму Фишера. С одной стороны, он намекает на чаемый выход из лабиринта тоннелей и колодцев с решетками, с другой – на скованность душ, покрытых невежеством и мраком, с третьей – на жертвы, приносимые дьяволу. Недаром в последнем действии фильма три таких зарешеченных светоча, уже в виде охотничьих трофеев на палке, несут слуги Кремера в сторону облавы на юношей-«нырков».

Как и фонарь, желтые электрические лампы совпадают в светомонтаже с основным освещением фильма. В силу такой однотонности их выделение сопряжено лишь с размерами – они гиперболизированы и одновременно маркируют рождественско-новогодние световые гирлянды, – только из символа духовного обновления и победы они превращаются в символ духовного поражения и цепей. Соответственно, очень заметно их присутствие там, где показаны сцены сексуального рабства – в борделе фрау Герды или на земле, где они имитируют ложе китайской гетеры.

Красные лампочки – цвет тревоги, напряжения и преступления. Они включаются там, где произошло или должно произойти

что-либо ужасное: убийство под названием «нырок» (в кают-компании), автокатастрофа с Гарри Грэм, падение Фишера с крыши (стоящего под простыней у парашюта на крыше отеля «Элит»), избиение Ким с попыткой ее убийства в комнате № 5.

Тем не менее красные лампочки – не единственные предметы тревоги и напряжения. Некоторые красные предметы также несут на себе негативный оттенок. В первом местечке – Хальберштадте – о смертельной опасности сигнализируют красные банки кока-колы, о готовящемся убийстве свидетельствует красная резиновая пуля-присоска, выпущенная из игрушечного пистолета медиума. Оставаясь на мутном пуленепробиваемом стекле бюро пропусков морга, за которым спешит на поимку Гарри Грэя Фишер, она фантазмагорично обыгрывает пророчество Осборна, риторическим вопросом прозвучавшее в первой встрече с любимым учеником: «Вот пуля летит, в кого угодит?»

В последнем действии драмы, следующим за красной резиновой пулей, вообще не встречается голубого цвета. Сцены в нем имеют черно-магический, похоронный характер и заканчиваются разлетающимися зелено-красно-кровавыми осколками от бутылочного горлышка. Центральную часть последнего действия занимает западня для Гарри Грэя, в которой вместо горящих восковых свечей, следуя сюрреалистической мистике (если так условно ее назвать), выставляются эфирные оболочки людей – пустые стеклянные бутылки, образующие «сумрачный лес». Гарри Грэй, казалось бы, и является из своего могильного «погребца», когда странная тень скользит по окну каморки-засады, но остается блуждать среди леса, в то время как злой дух, скрытый в амулете, вырывается наружу и вселяется в тело нового владельца.

Стоит предположить, что голубой цвет, в отличие от других цветов, служит неким математическим шариком-аттрактором, неким постмодернистским трикстером, провокатором. Перекачиваясь в новую ячейку глобальной подвижной кристаллической решетки, или как еще называют в математике такую решетку-бассейн динамической системы, он производит в ней сильные колебания и вовлекает в движение всю систему. Соответ-

ственно, вызывает сокращения и колебания нервных клеток у героя, пробуждая его от спячки.

На конкретных примерах это выглядит следующим образом. После обращения родителей по пневматической почте с просьбой о защите девочки Фишер, что называется, «взрывается». Выскакивает из кабинета в коридор штаб-квартиры полиции, где горит синяя лампочка, и разбивает пожарный щит, за стеклом которого хранится охотничий карабин.

Или в другом случае. Если надпись психотерапевта «Проснись, Фишер» на лобовом, мутном от дождя, стекле машины, пациентом практически не замечается (и стирается автомобильными щетками), то в последнем гостиничном номере голубая израильская звездочка-татуировка, скопированная с тела мусульманской жены Фишера на грудь Ким, пробуждает Фишера от сна и открывает для него истинное назначение китайской «бабочки». При взгляде на этот знак герой впадает в настоящее бешенство. Он вспоминает себя и становится типичным полицейским, ведущим дотошный допрос преступника: «Шлюха! <...> Ты с ним говорила о лотерейных убийствах, когда вы трахались? Он был религиозен? Добавлял в кофе сахар?». Бьет Ким, угрожает пистолетом и разряжает обойму в окно, в обступающие со всех сторон гигантские содрогающиеся электро-механические внутренности идентификационного ада. В заключение Фишер выбрасывает и таблетки Ким в стоячие воды у портовых ворот, и повторяет произнесенное ранее внушение психотерапевта: «Это не ваша головная боль»/«Это не моя головная боль», – соглашается теперь он. Недоуменно смотрит на таблетки виагры и одетый в теплый свитер мальчик, плавающий в детском корыте и привыкающий к условиям поднимающейся воды.

III. МИФ О ВСЕМИРНОМ ПОТОПЕ

Воскрешая миф о вселенском потопе, автор сюрреалистически, с озорством и буйством, переосмысливает его. В новых водах времен гибель оказывается не библейской, быстропотопляющей – функция воды становится размывающей, растворяющей и, как

результат – искажающей и искривляющей. Складки, возникающие под действием воды и разложения материи, сплюсывают и вытягивают не только пространство, но и, как мы заметили относительно скорости работы пневматической почты, время. Время вообще становится неузнаваемым, оно тоже разлагается и растворяется. После наблюдения Фишера за временем суток консьержка Осборна сообщает ему уже о трехлетнем отсутствии времен года. «В это время года всегда так темно?» – спрашивает инспектор. «У нас нет больше смены времен года, – отвечает она. – Мы уже лета не видели три года».

Складки образуются и от способа пространства воды: теплый дождь нагнетает злой и порывистый ветер, снег меняется на тропический ливень. «Погода все время меняется и никогда не меняется полностью», – объясняет консьержка.

Искривляется календарь, дни и месяцы в году становятся неузнаваемыми. В месте первого убийства – в Хальберштадте – время вообще останавливается (по словам Ким, «там всегда три часа утра»). Временная заданность оказывается подчиненной только преступному элементу: *тринадцать* лет назад Фишера депортировали из Европы, *два* месяца назад он возвратился в Европу, *последним* из европейцев покинув Каир, *три* года назад произошли первые *четыре* убийства с интервалом в *один* месяц, *два* года Фишер переводил на арабский и комментировал книгу «Преступный элемент», «за *несколько* лет до убийств» Гарри Грэй совершил свою «*первую* невинную поездку», во время которой был заподозрен в «подрыве государственных устоев», «*три* года назад велась им подготовительная работа» к убийствам нынешним.

Постоянное искажение времени и пространства активизируется, как читатель, вероятно, уже заметил, сюрреалистическим мотивом отравления и растворения сточными водами. Ярким символом такого процесса становится лошадь, сорвавшаяся со скользкого мостика и пристреленная в воде; она также, как мертвый ослик в первой сцене, отправляется к коралловым рыбкам южных морей. Пестрые рыбки присутствуют на экране и как образ существ, питающихся органическими останками животных (в реально-

сти – рифов), и как образ мира – огромного искусственного аквариума, в котором только они одни и могут выжить, и как образ смешения климата на земле, и как образ вселенской энтропии. Помимо тропических рыбок в северных широтах, на работу четвертого закона термодинамики указывают часто встречающиеся на пути Фишера забытые термосы с затхлым остывшим кофе и бумажные чашки с отсыревшими ручками.

Искажению трупными водами подвергается все, что только ни встречает и к чему ни прикасается герой – любые очертания культуры и цивилизации: уличные драки под ногами стоящего на автомобиле полицейского комиссара; вмятина на крыше автомобиля, расправляющаяся под действием дождя; нырки-самоубийства, травестирующие в плане северной традиции уход в Вальхаллу викингов (посвящая в смерть девушка-валькирия повязывает голову неопита лентой – знаком особого покровительства божества). Искаженно предстает в этой традиции морской залив, маркирующий реку мертвых перед Вальхаллой, портовый кран, схожий со священным деревом Иггдрагсиль, яблоки с повозки, напоминающие осыпавшееся райское дерево добра и зла. Тело лошади, сорвавшейся вместе с яблоками, еще успевают достать и спасти от растворения (на ее боку ставрологическое клеймо, белый косой крест, древний шотландский символ возрождения, крест св. Андрея Первозванного) – и доводят до захоронения, яблоки же – нет. Они плывут в мертвых водах залива, и им нет спасения, да они никому и не нужны.

О том, что райское дерево осыпалось, а понятия добра и зла размыты и искажены, красноречиво говорят два эпизода. Первый связан с траекторией движения яблок в воде (где проходит первое знакомство с детскими обитателями прибрежной зоны в районе свай) и комментарием начальника полиции Кремера: «У них тут какое-то особенное зло. Его прямо чувствуешь. Ты видел, тут повсюду перемены. Поверь мне, Фишер, перемены и в них, в этих людях. Знаешь, что такое нырок? Прыжок с высоты с канатом, привязанным к щиколотке. Для них это ритуал, для меня – преступление. Их нужно держать в узде». Второй эпизод связан с вопросом Ким, обращенным к Фишеру после шестого убийства

ва («Ты веришь в добро и зло? Можешь из зла сделать добро?») и повторенным психиатром: «Ты веришь в добро и зло? Да ладно, мистер Фишер, неужели она так и сказала?» – вопрос, вызывающий у него скептическую усмешку.

Яблоки, плывущие мимо спящих на сваях детей, лошадь-утопленница – не только метафоры антирайского состояния мира. Им присущ символизм, восходящий к русалочьим мифам и имеющий истоки гораздо более древние, чем сама цивилизация и культура. В народных верованиях Европы дети-утопленники и девушки-утопленницы причислялись к так называемым заложным покойникам, – мертвецам, отданным в залог нечистой силе [5]. Летним вариантом их являлись русалки-ундины, устраивающие мор лошадям и юношам, зимним – вилы-валькирии, крылатые духи облаков и колодцев, женские существа особо опасные, так как встреча с ними сулила неминуемую смерть [6]⁴. А то, что календарное время зимнее и очень опасное, можно судить по номеру найденного в архиве-колодце протокола допроса Гарри Грэя «190 400 616j», (19040616 J), который по сумме цифр и английской букве «j» указывает на календарную дату 27 января (января). Учитывая периодичность совершаемых преступлений – раз в месяц, – можно вычислить, что вторая серия убийств начинается 27 ноября на угольном складе в порту Ингольштадта, непосредственно перед прибытием Фишера из Каира, второе преступление выпадает на рождественские святки в Дриттен Марске (о чем мы скажем в дальнейшем), а третье заканчивается как раз 27 января в Халле.

Похоже, что именно русалочье посвящение испытывают юноши в обряде «нырка». Настоящие адавы мучения ожидают самоубийц, вешающихся вниз головой. Имеет ритуал «нырка» и дополнительные значения: демонстрирует самоудушение от отчаяния и отсутствия христианской Благодати и Спасения, а также указывает на 12-ю карту Таро и одну из северных рун. На 12-й карте Таро

под названием «Повешенный» так выглядит человек, участвующий в спасении мира, а на самой нижней руне северного футарка Хель в такой позе изображается бог Один, посвящающийся в тайны творения у мертвой вельвы.

Но никто не спасает и ничто спасению не подлежит. И раз уж на месте мирового дерева оказывается портовый кран, то налобная повязка на голове «нырка» является ничем иным, как венчиком покойника, да еще закусенной в зубах одинарной ленточкой-косичкой. И молодые неофиты (что в переводе с др.-греч. νεοφύτος означает: «новообращенный», или ««новый змей»»), как змеи, вынуждены кусать свой собственный хвост, или как у Смерти – собственную косу. Самоубийства не помогают, так как, бросившись с крана вниз головой, согласно ритуалу «нырка», окажешься жив, а если попытаешься выбраться наружу – будешь отправлен в воду Леты веслами многочисленных Харонов и их Церберов, стерегущих берега. Даже малейшая возможность по-настоящему умереть в этом кошмарном мире трансфера также учитывается: сбросившиеся с крана вновь оживут, потому что, согласно северным руническим мифам, оживить мертвеца («не всплывающего на поверхность») может сетка, заброшенная в реку мертвых. И «нырков»-самоубийц вылавливают огромными рыболовными сетями портового крана. В проклятом мире вельв-вил все имеет циклический порядок, «дурную бесконечность» и повторяющуюся вечность.

Самоубийцы не страдают от одиночества. Подобно команде пловцов, они под свисток, по-спортивному покидают сушу и портовый кран. Другие юноши-«нырки» уже ожидают неофита, остриженного, как и положено посвящаемым, наголо. И только Осборн в финале фильма вешается традиционно – как в мире, который остался застойной Летой времен. Смерть под пирсом (в направлении из сумерек «Европы») оказывается самой реальной и самой обыкновенной из смертей, ожидающих человеческие существа в зоне. Отличается кадр и по композиции. Сцена – словно подшитый фотографически-статистический протокол для дела, заведенного полицией по факту суицида. Рядом находится и тот, кто довел убитого до самоубийства: в нескольких метрах от повешенного стоит

⁴ Ср.: «Расскажи, какое ты творенье: /Женщина ль тебя породила /Иль богом проклятая Вила?» (Пушкин А.С. Яныш королевич // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 3. С. 314).

Ким со своим сыном от Гарри Грэя. А недалеко от места повешения изображен следователь Фишер с орудием убийств в кармане – окровавленным горлышком от бутылки. Таким орудием потрошил тела своих жертв отец смешанного семейства – Гарри Грэй, а оставлял бутылки, распивая вино из них, приемный отец ребенка Ким – повесившийся в период запоя и депрессии Осборн.

Удушение – единственная причина всех смертей фильма. Душатся маньяком девушки-лотошницы, лошадь, увлекаемая на дно телегой с яблоками, душатся юноши в обряде «нырка», душатся Осборн на стропилах пирса, – Л. фон Триер развивает еще один глобальный *сюрреалистический мотив в драме – мотив удушья*, и воплощает его в лошадином символизме: игрушечные талисманы, похожие на лошадиные головки, привносят знак декапитации (отсечения головы) действительности. Размах мотива поражает, и думается, автор романа «Удушье» (2001) Ч. Паланик, по роману которого К. Греггом был снят фильм с таким же названием (2008), мог бы позавидовать его вселенскому масштабу.

Есть в фигурке лошадиной головки и другая культурная черта – юго-восточного азиатского фетиша в форме головки морского конька, существа коралловых рифов. Морской конек, очевидно, из тех самых южных вод, откуда приплыли коралловые рыбки. Талисманами морских коньков метится жертва, фотографии талисманов печатают в газетах, их подбрасывают на места преступлений, они становятся брендом гостиницы, где останавливался маньяк. Как и коралловые рыбки, он поедает ту затопляемую реальность, которая называется в фильме «Европой». Такой конек и оказывается в кармане Фишера, – он провоцирует то, чего следователь боялся сильнее всего – удушение жертвы. «Неприятно скользкий талисман», – ха-

рактеризует его инспектор еще во время первого прикосновения к нему в порту.

Порт, на угольном складе которого этот талисман попадает в карман Фишера, очень напоминает старый остов корабля, пришвартованного в водах потопа к горе Арарат. Есть на нем и капитан океанского плота, с мостиками и даже кочегаркой, – комиссар полиции Крамер с мегафоном в руках. Есть три голубя, поочередно выпущенные Ноем к берегу; если в Каире голуби кружатся стайкой, то здесь вылетают поочередно из подтопленного криминального архива-колодца с этажами-карманами. Очень аллегоричен в мотиве потопа старый полицейский комиссар и преподаватель полицейской академии Осборн, напоминающий Ноя. Это он открыл новую землю – создал теорию, согласно которой можно сублимироваться в преступника, вычислить его путь и местонахождение; он воспитал и обучил в академии своих «сыновей» – Фишера-Хэма, владеющего югом (в аллегории женившегося на представительнице юга), Крамера-Иафета, владеющего северными странами (начальника штаб-квартиры полиции в Европе), и далекого и коварного Гарри Грэя-Сима, попавшего в начале своей преступной карьеры под подозрение в «подрывной работе» (женившегося на представительнице с Востока). «Гарри Грэй жив. Он был здесь и запугал вас», – утверждает Фишер в первой части фильма и оказывается прав. На «сыновность» Гарри Грэя указывают сокрытые Осборном элементы преступления, произошедшие якобы под давлением угрожающих обстоятельств, – в архиве не находится отчета о наблюдениях по делу Гарри Грэя. Отсутствует в деле и важная улика недавнего прошлого: фотография Гари Грэя.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
2. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
4. Лысков Ив. Мистерия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. Москва; Ленинград: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. С. 445-452.

5. Зеленин Д.К. К вопросу о русалиях (Кульм покойников, умерших неестественною смертию, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 230–298.
6. Веселовский А.Н. Валькирии – Welis, Ἠλύσιον πεδίον, Вила – Viola // Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. XI–XVII. Вып. 5. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1889. С. 287–304.

References

1. Deleuze Z. *Razlichie i povtoreniye* [Difference and Repetition]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. (In Russian).
2. Hubner K. *Istina mifa* [The Truth of Myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. (In Russian).
3. Levi-Bruhl L. *Sverkh'yestestvennoye v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. (In Russian).
4. Lyskov I. Misteriya [Mystery]. In: Brodskiy N., Lavretskiy A., Lunin E., Lvov-Rogachevskiy V., Rozanov M., Cheshikhin-Vetrinskiy V. (eds.) *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols.]. Moscow, Leningrad, L.D. Frenkel Publ., 1925, vol. 1, pp. 445–452. (In Russian).
5. Zelenin D.K. *K voprosu o rusaliyakh (Kul't pokoynikov, umershikh neyestestvennoyu smert'yu, u russkikh i u finnov)* [To the issue of Rusalii (Cult of the dead, who died unnatural death, Russians and Finns)]. In: Zelenin D.K. *Izbrannyye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture* [Selected Works. Articles on Spiritual Culture. 1901–1913]. Moscow, Indrik Publ., 1994, pp. 230–298. (In Russian).
6. Veselovskiy A.N. *Val'kirii – Welis, Ἠλύσιον πεδίον, Vila – Viola* [Valkyries – Welis, Ἠλύσιον πεδίον, Vila – Viola]. In: Veselovskiy A.N. *Razyskaniya v oblasti russkogo dukhovnogo stikha. XI–XVII* [Research on Russian Spiritual Poem. 11–17th Century]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1889, issue 5, pp. 287–304. (In Russian).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: идея, работа с литературными источниками, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: idea, work with literature references, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Received 1 February 2019

Reviewed 27 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-413-418

УДК 27

Служение святителя Феофана (Говорова) на Земле Тамбовской: Тамбовская епархия в 1859–1863 годах

митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ (Васнев)

Религиозная организация «Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)»

392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Набережная/Августа Бебеля, 80/2

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

The ministry of Saint Theophan (Govorov) on the Tambov Land: Tambov diocese in 1859–1863

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo THEODOSIUS (Vasnev)

Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)

80/2 Naberezhnaya/August Bebel St., Tambov 392002, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Аннотация. Тамбовская губерния в Российской империи до начала XX столетия являлась крупнейшей областью страны. Границы Тамбовской епархии и Тамбовской губернии с конца XVIII века совпадали. Действовало 16 монастырей и монастырских общин. Епископ Феофан уделял особое внимание устройению духовной жизни в Тамбовской губернии. Окормлял семинарские училища и учебные заведения для девочек (епархиальное женское училище). Святитель Феофан основал первый периодический журнал в епархии – «Тамбовские епархиальные ведомости». За непродолжительный период пребывания в Тамбове он проявил себя как деятельный организатор различных областей церковной жизни, имеющих в том числе миссионерское и просветительское значение. Епископ Феофан живо интересовался всеми вопросами, которые были связаны с деятельностью священнослужителей, их поведением и отношениями между собой. Святитель всегда являл любовь и сострадание к пастве, и особенно в дни тяжелых испытаний. Епископ Феофан оставил яркий след в истории Тамбовской епархии как попечитель о духовной семинарии и епархиальных училищах, соиздатель храмов и устроитель благочиния в обителях, писатель и учитель нравственности, заботящийся о духовном просвещении, образовании и совершенстве жителей Тамбовского края.

Ключевые слова: святитель Тамбовский и Шацкий Феофан (Говоров); Тамбовская епархия; епархиальные ведомости; семинарские училища

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский.* Служение святителя Феофана (Говорова) на Земле Тамбовской: Тамбовская епархия в 1859–1863 годах // Неофилология. 2019. Т. 5, № 19. С. 413–418. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-413-418

Abstract. Tambov Governorate in the Russian Empire until the beginning of the XX century was the largest region of the country. The borders of the Tambov diocese and the Tambov Governorate coincided with the end of the 18th century. There were 16 monasteries and monastic communities. Bishop Theophan paid special attention to the development of spiritual life in the Tambov Governorate. He fed seminars and schools for girls (the diocesan women's school). Saint Theophan founded the first periodical journal in the diocese, the Tambov Eparchial Journal. For a short period of stay in Tambov, he proved himself to be an active organizer of various areas of church life, including missionary and educational significance. Bishop Theophan was keenly interested in all questions that were connected with the activities of the clergy, their behavior and relations among themselves. The Saint always showed love and compassion for his flock, and especially in the days of severe trials. Bishop Theophan left a bright mark in the history of the Tambov diocese as a

trustee of the theological seminary and diocesan schools, the founder of temples and the organizer of decency in the cloisters, a writer and a teacher of morality, caring for the spiritual education, education and perfection of the inhabitants of the Tambov territory.

Keywords: Saint Tambov and Shatsky Theophan (Govorov); Tambov diocese; diocesan lists; seminar schools

For citation: Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Sluzheniye svyatitelya Feofana (Govorova) na Zemle Tambovskoy: Tambovskaya eparkhiya v 1859–1863 godakh [The ministry of Saint Theophan (Govorov) on the Tambov Land: Tambov diocese in 1859–1863]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 19, pp. 413–418. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-19-413-418 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Границы Тамбовской епархии, учрежденной в 1682 г., с конца XVIII века совпадали с административными границами Тамбовской губернии, которая занимала площадь в 58161,09 квадратных верст¹ и была одной из самых обширных в Российской империи². В 1862 г., согласно статистике, губерния находилась «в разряде первоклассных» по числу жителей и уступала лишь Вятской, Пермской, Киевской и Воронежской³. Ее население в этот период составляло 1859958 человек⁴; 135725 человек проживали в городах, остальные – в селах. Губерния представляла собой крестьянский край, селения в котором «обширны и многолюдны»⁵. В ней было 13 городов, 1 из которых заштатный. К крупным городам относились Тамбов с населением в 31886 человек и Козлов с населением в 22348 человек⁶. 98 % населения принадлежали к православному вероисповеданию⁷.

Тамбов, хотя и был главным городом губернии и центром епархии, долгое время оставался населенным пунктом с небольшим количеством жителей. Тамбовский горожанин Е.А. Ковригин в своем «Дневнике» за 1856–1857 гг. написал о городе следующее: «Тамбов стоит на берегу реки Цны. Большая улица Астраханская. По ней дома очень хорошие. На этой улице, начиная от Астраханской заставы, можно идти и встречать замечательные здания. Варваринская церковь. Немецкая кирка, Покровская церковь в правую сторону реки Цны. Мариинский приют

для детей с церковью. Городская дума. Уголовная палата в частном доме. Казанский монастырь, где живет преосвященный. Напротив монастыря аптека Бранта. Горбатый мост каменный через ров. Александринский институт для благородных девиц с церковью. Напротив – немецкий клуб, два дома губернской гимназии. Напротив – городской публичный сад, гауптвахта, дом губернатора, направо – кафедральный собор. В нем под спудом почивают мощи епископа Тамбовского Питирима»⁸. В этом небольшом, но уютном городке епископу Феофану предстояло прослужить четыре года. Для истории период незначительный, но для епархии он стал плодотворным и важным.

В Тамбовской епархии в 1861 г. числилось 984 приходских и монастырских храма, в которых служили 3950 священно-церковнослужителей⁹. Храмов требовалось как минимум в три раза больше, поэтому их возведение являлось одной из главных забот архипастырей. Согласно «Историко-статистическому описанию» за 1911 г., в период пребывания на кафедре святителя Феофана построили и освятили 65 храмов¹⁰. В каждый храм он выдавал храмозданную грамоту и антиминс.

«Слова к Тамбовской пастве», наполненные глубоким духовным содержанием, свидетельствуют о том, что святитель довольно часто выезжал из губернского центра в провинцию, обозревая пределы вверенной его управлению епархии, уделяя особое внимание обителям. В епархии действовало 16 монастырей и монашеских общин: 8 муж-

¹ Список населенных мест Тамбовской губернии по сведениям 1862 года. Спб., 1866. 186 с.

² Дневник тамбовского обывателя Е.А. Ковригина (1850–1890 гг.). Тамбов, 2009. 20 с.

³ Список населенных мест... С. 31.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Дневник тамбовского обывателя Е.А. Ковригина (1850–1890 гг.). Тамбов, 2009. С. 43–44.

⁹ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 62.

¹⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 2.

ских и 8 женских. Среди них такие древние обители, как Шацкий Черниев Никольский мужской монастырь, впервые упоминаемый в архивных источниках в 1573 г., и известная на всю Россию духовными подвигами своих насельников Саровская Успенская мужская пустынь, которую святитель посетил в 1859 г. в престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы. 8 июля 1859 г. архипастырь побывал в Сухотинском Знаменском женском монастыре, учрежденном в 1849 г.¹¹, и, предположительно, освятил в нем храм в честь иконы Божией Матери «Знамение». В августе 1859 г. святитель Феофан посетил Темниковскую женскую монашескую общину, которая «августа 15 дня с Высочайшего разрешения переименована в женский Рождества Богородицы монастырь»¹². 17 августа в этой же обители в храме Рождества Богородицы он освятил «в верхнем этаже средний и главный престол»¹³. В следующем 1860 г. епископ Феофан был в Усманском Софийском женском монастыре, открытом еще в 1817 г. На подворье монастыря в городе Усмани в 1862 г. по его благословению построили храм¹⁴. 2 июня 1860 г. он совершил закладку «небольшой теплой церкви»¹⁵ в Лебедянской Троекуровской общине, а в Лебедянском Сезеновском Казанском женском монастыре, получившем статус монастыря в 1853 г., 5 июня 1860 г. освятил Христорождественский храм. Придел был освящен «по благословению преосвященного Феофана благочинным сего монастыря архимандритом Серафимом»¹⁶. В данной обители святитель постриг в рясофор нескольких послушниц¹⁷. В Кадомской женской общине епископ Феофан совершил освящение каменного теплого храма в честь «Рождества Предтечи

Господня и во имя пророка Божия Илии»¹⁸. Об этом говорится в «Словах к Тамбовской пастве» и в «Слове на освящение храма», которое святитель произнес 4 августа 1861 г.¹⁹ Однако в статистическом описании епархии сказано, что храм построен в 1860 г., а освящен в 1865 г.²⁰ Возможно, что это опечатка. Если же даты указаны верно, то можно предположить, что в 1861 г. святитель совершил малое освящение храма, а в 1865 г., может быть, после росписи, храм освятили великим чином.

Должное попечение епископ Феофан оказывал и Тамбовской духовной семинарии, старейшему учебному заведению губернии, основанному в 1779 г. императрицей Екатериной Великой. По инициативе святителя, который хорошо владел искусством иконописания и сам писал иконы, в семинарии открылся класс иконописи. Согласно его ходатайству, «19 августа 1860 года Духовно-учебное управление Святейшего синода постановило выделить 93 рубля 33 копейки на жалование преподавателю иконописи и 50 рублей для оборудования иконописной аудитории необходимыми принадлежностями и пособиями» [1, с. 27]. При преосвященном Феофане был обновлен семинарский храм, построенный и освященный в 1847 г. епископом Тамбовским и Шацким Николаем (Доброхотовым). Епископ Феофан благословил семинарскому старосте и благотворителю Ивану Козмичу Малину взяться за расширение и благоукрашение храма. В результате проделанных работ «алтарь втрое увеличился при новом иконостасе, тяжелые хоры уничтожены, и церкви сообщен свет и простор чрез соединение ее с двумя соседними коридорами, не имевшими почти значения»²¹. Обновленный храм епископ Феофан освятил 23 сентября 1862 г. На освящении присутствовал и предшественник святителя Феофана по кафедре епископ Николай (Доброхотов), проживавший на покое в Трегуляевском монастыре. Свидетель этих событий писал: «По окончании литургии уми-

¹¹ Слова к Тамбовской пастве Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого. Спб., 1861. С. 14–20.

¹² Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 825.

¹³ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 824.

¹⁴ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 875.

¹⁵ Слова к Тамбовской пастве Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого. Спб., 1861. С. 213.

¹⁶ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 833–834.

¹⁷ Слова к Тамбовской пастве Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого. Спб., 1861. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 127.

¹⁹ Там же.

²⁰ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 827.

²¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 8. С. 321.

лительно было зрелище благословения народа и воспитанников семинарии двумя владыками»²².

С именем святителя Феофана связано основание первого в истории епархии учебного заведения для дочерей духовенства, которые до сих пор получали лишь домашнее образование. Становясь, как правило, женами священнослужителей, они должны были соответствовать образовательному уровню своего мужа. Средства на строительство епархиального женского училища начал собирать епископ Николай (Доброхотов), однако, завершить строительство ему не удалось. Все организационные вопросы по открытию училища пришлось решать епископу Феофану. На Варваринской (ныне Первомайской) площади святитель лично осмотрел дом для училища и одобрил его покупку; при активном участии преосвященного разработали устав училища и определили штат преподавателей. 22 апреля 1863 г. святитель «подал представление в Синод, в котором испрашивал благословение на деятельность училища. Указ императора Александра II об открытии училища для девиц духовного звания в Тамбове последовал 22 июля 1863 года» [1, с. 28]. Как известно, именно в этот день Святейший синод принял решение о переводе епископа Феофана на Владимирскую кафедру. Следует сказать об интересной детали, характеризующей святителя Феофана: много средств на училище жертвовала жена титулярного советника города Липецка Анна Рындина, которая передала в дар училищу 80 десятин земли. В знак признательности жертвовательнице святитель направил в Синод ходатайство о том, чтобы воспитанниц, которые содержались на проценты с капиталов и на доходы от земли, пожертвованной А. Рындиной, именовать Рындинскими стипендиатками. Решение Святейшего синода об этом последовало 3 июля 1862 г.²³ В 1911 г., когда училищу исполнилось 45 лет, его окончило более 1000 девушек²⁴. Исследователи отмечают, что «святитель Феофан выпестовал

свое детище, но не увидел окончательных итогов работы заложенного им училища, когда оно приобрело огромную популярность. Духовенство стремилось устроить туда дочерей, выпускницы не засиживались в девицах. Здание неоднократно расширяли и достраивали, чтобы вместить всех желающих. Семейный союз семинариста и епархиалки стал нормой уже в 1870-е годы» [2, с. 225]. Впоследствии училище выпускало и учительниц церковно-приходских школ. К 1914 г. из 1886 выпускниц епархиального училища 547 преподавали в указанных школах [2, с. 225].

Святитель Феофан основал первый периодический журнал в епархии – «Тамбовские епархиальные ведомости». Подобные журналы стали выходить в России с 1860 г. В программе ведомостей, утвержденной Святейшим синодом, указывалось, что они «значительно сократят переписку бумаг в консисториях при типографском изготовлении более грамотных и точных копий» [3]. Помимо этого, они должны были способствовать получению «местным духовенством нужных для него сведений, причем многие из священно-церковнослужителей, будучи извещаемы посредством ведомостей, не имели бы нужды совершать поездки в епархиальный город для справок об участии своих просьб, о праздных местах, об успехах своих детей, обучающихся в семинарии» [3], а также дать «новый способ к пастырскому действию на паству и со словом назидания и утешения, и с предостережением от заразы и плевел разных лжеучений и обычаев нехристианских, и с воззваниями к подвигам благотворительности и другим богоугодным делам» [3]. «Епархиальные ведомости были призваны «оживить» все епархиальное управление и сблизить его с паствой» [3]. Святитель принял деятельное участие в налаживании выпуска ведомостей. Первый номер журнала вышел из печати в июле 1861 г. Он издавался два раза в месяц, годовая подписка стоила 4 руб. 25 к. серебром с пересылкой.

Ведомости делились на две части: официальную и прибавление. В первой публиковались указы Святейшего синода, распоряжения епархиального начальства, различные отчеты и иная официальная информация, а прибавления были насыщены материалом духовно-нравственного содержания: пропо-

²² Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 8. С. 323.

²³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1862. № 7. С. 95.

²⁴ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911. С. 31.

ведениями, богословскими и церковно-историческими статьями, выдержками из творений святых отцов и др. Практически в каждом номере публиковались проповеди епископа Феофана. Даже уйдя в затвор, святитель не прерывал связь с журналом, на страницах которого регулярно появлялись его статьи [4]. В первых номерах ведомостей напечатали жизнеописание святителя Питирима, труд протоиерея С. Березнеговского «История Тамбовской епархии», одно из житий святителя Тихона Задонского, статьи по истории семинарии. Ведомости просуществовали 57 лет и были закрыты в 1918 г. За это время из печати вышло около 3000 номеров, которые для современных читателей «служат не только неисчерпаемым кладом сведений об истории Православия в нашей епархии, но и становятся связующим звеном между двумя традициями: современной и той, что существовала в Российской империи» [5, с. 48]. В 2009 г. издание ведомостей возобновилось. Журнал выходит раз в месяц.

При святителе Феофане в 1861 г. вышло в свет еще одно печатное издание – «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии», составленное клириком кафедрального собора, магистром богословия протоиереем Георгием Хитровым. Это, по сути, первое исследование по истории Тамбовской епархии, в котором опубликованы статьи о распространении Православия в губернии, статистические данные, сведения об архи-

реях, исторические справки об известных храмах и монастырях.

Изучение трудов святителя Феофана и документов, хранящихся в фондах Государственного архива Тамбовской области, позволяет сделать вывод, что за непродолжительный период пребывания в Тамбове он проявил себя как деятельный организатор различных областей церковной жизни, имеющих в том числе миссионерское и просветительское значение. Епископ Феофан живо интересовался всеми вопросами, «которые были связаны с деятельностью священнослужителей, их поведением и отношениями между собой» [6, с. 47], «внимательно читал все прошения и рапорты, а также журналы и протоколы заседаний духовной консистории» [1, с. 30]. Святитель всегда являл любовь и сострадание к пастве, и особенно в дни тяжелых испытаний. Когда в августе–сентябре 1860 г. губернию охватили пожары, он «обратился к народу со словами утешения и поддержки», вошедшими в сборник «Девять слов по случаю пожаров» [7, с. 29]. Епископ Феофан оставил яркий след в истории Тамбовской епархии как попечитель о духовной семинарии и епархиальных училищах, соиздатель храмов и устроитель благочиния в обителях, писатель и учитель нравственности, заботящийся о духовном просвещении, образовании и совершенстве жителей Тамбовского края.

Список литературы

1. *Феодосий, епископ Тамбовский и Мичуринский*. Некоторые вехи деятельности святителя Феофана Затворника на Тамбовской кафедре (1859–1863 гг.) // Тамбовские епархиальные ведомости. 2011. № 8. С. 24–29.
2. *Орлова В.Д.* Святитель Феофан Затворник и женское духовное образование в Тамбовской епархии 1860–1870-х гг. // Феофановские чтения. Рязань, 2013. Вып. 6. С. 223–228.
3. *Троицкий А., протоиерей*. Епархиальные ведомости. URL: <http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (дата обращения: 11.06.2015).
4. *Феодосий, митрополит Тамбовский и Рассказовский*. Святитель Феофан Затворник и публикация его трудов в «Тамбовских епархиальных ведомостях» с 1861 по 1894 годы // Тамбовские епархиальные ведомости. 2014. № 6. С. 30–34.
5. *Левин О.Ю.* «Тамбовские епархиальные ведомости» // Тамбовские епархиальные ведомости. 2009. № 1. С. 48–54.
6. *Левин О.Ю.* Церковно-административная деятельность святителя Феофана Затворника в 1859 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 2013. № 9. С. 47–57.
7. *Феодосий, епископ Тамбовский и Мичуринский*. Жизнь Тамбовской провинции по проповедям святителя Феофана Затворника в 1859 и 1860 годах // Тамбовские епархиальные ведомости. 2012. № 7. С. 27–35.

References

1. Theodosius, bishop of Tambov and Michurinsk. Nekotoryye vekhi deyatel'nosti svyatitelya Feofana Zatvornika na Tambovskoy kafedre (1859–1863 gg.) [Some milestones of activity of Saint Theophan the Recluse at Tambov Department (1859–1863)]. *Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 2011, no. 8, pp. 24–29. (In Russian).
2. Orlova V.D. Svyatitel' Feofan Zatvornik i zhenskoye dukhovnoye obrazovaniye v Tambovskoy yeparkhii 1860–1870-kh gg. [Saint Theophan the Recluse and women spiritual education in Tambov Eparchy in 1860–1870]. *Feofanovskiy chteniye* [Theophan Readings], 2013, no. 6, pp. 223–228. (In Russian).
3. Troitskiy A., archpriest. *Yeparkhial'nyye vedomosti* [Eparchial journal]. (In Russian). Available at: <http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (accessed 11.06.2015).
4. Feodosiy, mitropolit Tambovskiy i Rasskazovskiy. Svyatitel' Feofan Zatvornik i publikatsiya yego trudov v «Tambovskikh yeparkhial'nykh vedomostyakh» s 1861 po 1894 gody [Saint Theophan the Recluse and his publications in “Tambov Eparchial Journal” from 1861 to 1894]. *Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 2014, no. 6, pp. 30–34. (In Russian).
5. Levin O.Y. «Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti» [“Tambov Eparchial Journal”]. *Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 2009, no. 1, pp. 48–54. (In Russian).
6. Levin O.Y. Tserkovno-administrativnaya deyatel'nost' svyatitelya Feofana Zatvornika v 1859 g. [Church and administrative job of Saint Theophan the Recluse in 1859]. *Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 2013, no. 9, pp. 47–57. (In Russian).
7. Theodosius, bishop of Tambov and Michurinsk. Zhizn' Tambovskoy provintsii po propovedyam svyatitelya Feofana Zatvornika v 1859 i 1860 godakh [Live of Tambov Province on preaching of Saint Theophan the Recluse in 1859 and 1860]. *Tambovskiy yeparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 2012, no. 7, pp. 27–35. (In Russian).

Информация об авторе

митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), кандидат богословия, магистр теологии. Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: troveo@mail.ru

Вклад в статью: идея, работа с архивными документами и материалами, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev), Candidate of Theology, Master of Theology. Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Tambov, Russian Federation. E-mail: troveo@mail.ru

Contribution: idea, work with archival documents and materials, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Received 23 January 2019

Reviewed 20 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

